

ИОСИФ ВЛАДИМИРОВИЧ СТАЛИН

БОРЬБА

КЛАССОВ

№ 2

**ФЕВРАЛЬ
1936**

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

6-й год издания

НА ФРОНТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

В СОВНАРКОМЕ СОЮЗА ССР И ЦК ВКП(б)

Придавая важное значение надлежащей постановке преподавания гражданской истории в школах СССР, Совет народных комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП(б) еще 16 мая 1934 года приняли и опубликовали известное постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР». В этом постановлении Совнарком и ЦК ВКП(б) констатировали неудовлетворительность постановки преподавания истории в школах СССР. Совнарком и ЦК ВКП(б) установили, что главным недостатком учебников истории и самого преподавания является их отвлеченный, схематический характер: «вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей — учащимся преподносят абстрактные определения общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами» (из постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 года).

Совнарком и ЦК указали, что «решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важнейших исторических явлений, исторических деятелей,

хронологических дат. Только такой курс истории может обеспечить необходимые для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории».

В соответствии с этим было постановлено подготовить к июню 1935 года новые учебники по истории:

- а) История древнего мира;
- б) История средних веков;
- в) Новая история;
- г) История СССР;
- д) Новая история зависимых и колониальных стран.

Совнарком и ЦК ВКП(б) постановили организовать для составления новых учебников 5 групп и утвердили персональный состав этих групп.

9/VI 1934 года ЦК ВКП(б) и Совнаркомом Союза ССР был решен вопрос о введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса истории СССР и организованы группы по составлению элементарных учебников истории СССР.

14/VIII 1934 года ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР одобрили представленные тт. Сталиным, Кировым и Ждановым замечания по поводу конспектов новых учебников по «истории СССР» и «новой истории».

В этих замечаниях были подвергнуты обстоятельному разбору и суровой критике оба конспекта, причем как было установлено, особенно неудовлетворительно был составлен конспект по истории СССР, который изобиловал большим количеством ненаучных, неграмотных, с точки зрения марксизма, определений, страдал крайней неряшливостью, особенно недопустимой при создании «учебника, где должно быть взвешено каждое слово и каждое определение». Крупными, хотя и меньшими, недостатками страдал также конспект учебника по «новой истории».

Замечания тт. Сталина, Кирова и Жданова исчерпывающим образом указывали, в каком направлении необходимо было переработать конспекты и подготавливаемые учебники. Однако Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) вынуждены констатировать, что представленные ныне на рассмотрение СНК и ЦК учебники по истории большей частью неудовлетворительны, продолжают страдать теми же недостатками, на которые указано выше. Особенно неудовлетворительно составлен учебник по «истории СССР», представленный группой профессора Ванана, а также учебники по элементарному курсу истории СССР для начальной школы, представленные группами Минца и Лозинского. То обстоятельство, что авторы указанных учебников продолжают настаивать на неоднократно уже вскрытых партией и явно несостоятельных исторических определениях и установках, имеющих в своей основе известные ошибки Покровского, Совнарком и ЦК не могут не расценивать как свидетельство того, что среди некоторой части наших историков, особенно историков СССР, укоренились анти-марксистские, анти-ленинские, по сути дела, ликвидаторские, анти-научные взгляды на историческую науку. Совнарком и ЦК ВКП(б) подчеркивают, что эти вредные тенденции и попытки ликвидации

истории, как науки, связаны в первую очередь с распространением среди некоторых наших историков ошибочных исторических взглядов, свойственных так называемой «исторической школе Покровского». Совнарком и ЦК указывают, что задача преодоления этих вредных взглядов является необходимой предпосылкой как для составления учебников по истории, так и для развития марксистско-ленинской исторической науки и под'ема исторического образования в СССР, имеющих важнейшее значение для дела нашего государства, нашей партии и для обучения подрастающего поколения.

В соответствии с этим Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б) постановили создать для просмотра и коренного улучшения, а в случае необходимости и для переделки уже написанных учебников по истории, комиссию Совнаркома и ЦК ВКП(б) в составе гг. Жданова (председатель), Радека, Сванидзе, Горина, Лукина, Яковлева, Быстрянского, Затонского, Файзуллы Ходжаева, Баумана, Бубнова и Бухарина. Этой комиссии предоставлено право организовывать группы для просмотра отдельных учебников, а также об'являть конкурс на учебники взамен тех, которые будут признаны комиссией подлежащими коренной переделке.

Совнарком и ЦК постановили также опубликовать в печати замечания гг. Сталина, Кирова и Жданова и другие материалы по этому вопросу.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) И СНК СОЮЗА ССР

Для просмотра и улучшения, а в необходимых случаях и для переделки написанных уже учебников по истории, организовать комиссию в составе гг. Жданова (председатель), Радека, Сванидзе, Горина, Лукина, Яковлева, Быстрянского, Затонского, Файзуллы Ходжаева, Баумана, Бубнова и Бухарина.

Комиссии предоставить право организовать группы для просмотра отдельных учебников, а также об'являть конкурс на учебники взамен тех, которые будут признаны подлежащими коренной переделке. В первую очередь должны быть просмотрены учебники по элементарному курсу истории СССР и по новой истории.

Председатель СНК Союза ССР
В. МОЛОТОВ.

Секретарь ЦК ВКП(б)
И. СТАЛИН

26 января 1936 года.

истории, как науки, связаны в первую очередь с распространением среди некоторых наших историков ошибочных исторических взглядов, свойственных так называемой «исторической школе Покровского». Совнарком и ЦК указывают, что задача преодоления этих вредных взглядов является необходимой предпосылкой как для составления учебников по истории, так и для развития марксистско-ленинской исторической науки и под'ема исторического образования в СССР, имеющих важнейшее значение для дела нашего государства, нашей партии и для обучения подрастающего поколения.

В соответствии с этим Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б) постановили создать для просмотра и коренного улучшения, а в случае необходимости и для переделки уже написанных учебников по истории, комиссию Совнаркома и ЦК ВКП(б) в составе гг. Жданова (председатель), Радека, Сванидзе, Горина, Лукина, Яковлева, Быстрянского, Затонского, Файзуллы Ходжаева, Баумана, Бубнова и Бухарина. Этой комиссии предоставлено право организовывать группы для просмотра отдельных учебников, а также объявлять конкурс на учебники взамен тех, которые будут признаны комиссией подлежащими коренной переделке.

Совнарком и ЦК постановили также опубликовать в печати замечания гг. Сталина, Кирова и Жданова и другие материалы по этому вопросу.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) И СНК СОЮЗА ССР

Для просмотра и улучшения, а в необходимых случаях и для переделки написанных уже учебников по истории, организовать комиссию в составе гг. Жданова (председатель), Радека, Сванидзе, Горина, Лукина, Яковлева, Быстрянского, Затонского, Файзуллы Ходжаева, Баумана, Бубнова и Бухарина.

Комиссии предоставить право организовать группы для просмотра отдельных учебников, а также объявлять конкурс на учебники взамен тех, которые будут признаны подлежащими коренной переделке. В первую очередь должны быть просмотрены учебники по элементарному курсу истории СССР и по новой истории.

Председатель СНК Союза ССР
В. МОЛОТОВ.

Секретарь ЦК ВКП(б)
И. СТАЛИН

26 января 1936 года.

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ КОНСПЕКТА УЧЕБНИКА ПО „ИСТОРИИ СССР“

Группа Ванага не выполнила задания и даже не поняла самого задания. Она составила конспект русской истории, а не истории СССР, — т. е. истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР (не учтены данные по истории Украины, Белоруссии, Финляндии и других прибалтийских народов, северо-кавказских и закавказских народов, народов Средней Азии и Дальнего Востока, а также волжских и северных народов, — татары, башкиры, мордва, чуваша и т. д.).

В конспекте не подчеркнута аннексионистско-колонизаторская роль русского царизма, вкуче с русской буржуазией и помещиками («царизм — тюрьма народов»).

В конспекте не подчеркнута контрреволюционная роль русского царизма во внешней политике со времен Екатерины II до 50-х годов XIX столетия и дальше («царизм, как международный жандарм»).

В конспекте свалены в одну кучу феодализм и дофеодальный период, когда крестьяне не были еще закрепощены; самодержавный строй государства и строй феодальный, когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств.

В конспекте свалены в одну кучу понятия реакция и контрреволюция, революция «вообще», революция буржуазная и революция буржуазно-демократическая.

В конспекте не даны условия ^и истоки национально-освободительного движения покоренных царизмом народов России и, таким образом, октябрьская революция, как революция, освободившая эти народы от национального гнета, остается немотивированной, равно как немотивированным остается создание Союза ССР.

Конспект изобилует всякого рода затасканными, трафаретными определениями вроде «полицейский террор Николая I», «Разинщина» и «Пугачевщина», «наступление помещичьей контрреволюции в 70-х гг. XIX столетия», «первые шаги промышленного переворота», «первые шаги царизма и буржуазии в борьбе с революцией 905—907 г.» и так дальше. Авторы конспекта слепо копируют затасканные и совершенно ненаучные определения всякого рода буржуазных историков, забывая о том, что они обязаны преподавать нашей молодежи марксистские, научно-обоснованные определения.

Конспект не отражает роли и влияния западно-европейских буржуазно-революционных и социалистических движений на формирование буржуазного революционного движения и движения пролетарско-социалистического в России. Авторы конспекта очевидно забыли, что русские революционеры считали себя учениками и последователями известных корифеев буржуазно-революционной и марксистской мысли на Западе.

В конспекте не учтены корни первой империалистической войны и роль царизма в этой войне, как резерва для зап.-европейских империалистических держав, равно как не учтена зависимая роль, как русского царизма, так и русского капитализма от капитала западно-европейского, ввиду чего значе-

ние октябрьской революции, как освободительницы России от ее полукOLONИАЛЬНОГО положения, остается немотивированным.

В конспекте не учтено наличие общеевропейского политического кризиса перед мировой войной, выразившегося, между прочим, в упадке буржуазной демократии и парламентаризма, ввиду чего значение советов с точки зрения мировой истории, как носителей пролетарской демократии и органов освобождения рабочих и крестьян от капитализма, остается немотивированным.

В конспекте не учтена борьба течений в правящей коммунистической партии СССР и борьба с троцкизмом, как с проявлением мелко-буржуазной контрреволюции.

И так далее и тому подобное.

Вообще надо сказать, что конспект составлен крайне неряшливо и не совсем грамотно с точки зрения марксизма.

Мы уже не говорим о неточном стиле конспекта и об игре в «словечки», вроде того, что Лжедмитрий назван Дмитрием «Названным» или вроде «торжества старых феодалов в XVIII веке» (неизвестно, однако, куда делись и как себя вели «новые» феодалы, если они вообще существовали в это время) и т. д.

Мы считаем необходимым коренную переработку конспекта в духе изложенных выше положений, при этом должно быть учтено, что речь идет о создании учебника, где должно быть взвешено каждое слово и каждое определение, а не о безответственных журнальных статьях, где можно болтать обо всем и как угодно, отвлекаясь от чувства ответственности.

Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР—это во-первых,—и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, мировой истории, — это во-вторых.

**И. СТАЛИН.
А. ЖДАНОВ.
С. КИРОВ.**

ЗАМЕЧАНИЯ О КОНСПЕКТЕ УЧЕБНИКА „НОВОЙ ИСТОРИИ“

Вследствие того, что новая история, самая богатая содержанием, перенасыщена событиями, а также ввиду того, что самое главное в новой истории буржуазных стран, если иметь в виду период до октябрьской революции в России, это победа французской революции и утверждение капитализма в Европе и Америке,—считаем, что было бы лучше, если бы учебник новой истории открывался главой о французской революции. Для связи с предшествующими событиями можно было бы предпослать небольшое введение с кратким изложением основных событий нидерландской и английской революций, отнеся подробное изложение событий нидерландской и английской революций к концу учебника средней истории.

Стало быть, мы предлагаем выкинуть из конспекта первую часть (6 глав), т. е. весь первый раздел, заменив его кратким введением.

Главным недостатком конспекта считаем то обстоятельство, что он недостаточно резко подчеркивает всю глубину разницы и противоположности между революцией французской (буржуазной революцией) и октябрьской революцией в России (социалистической революцией). Основной осью учебника новой истории должна быть эта именно идея противоположности между революцией буржуазной и социалистической. Показать, что французская (и всякая иная) буржуазная революция, освободив народ от цепей феодализма и абсолютизма, наложила на него новые цепи, цепи капитализма и буржуазной демократии, тогда как социалистическая революция в России разбила все и всякие цепи и освободила народ от всех форм эксплуатации,—вот в чем должна состоять красная нить учебника новой истории.

Нельзя поэтому допускать, чтобы французскую революцию называли просто «великой»,—ее надо называть и трактовать, как революцию буржуазную.

Равным образом нельзя называть нашу социалистическую революцию в России просто революцией октябрьской,—ее надо называть и трактовать, как революцию социалистическую, революцию советскую.

Сообразно с этим надо перестроить конспект учебника новой истории с подбором соответствующих определений и терминов.

Разбивку новой истории в конспекте на две части считаем мало мотивированной и случайной, произведенной по какому-то непонятному признаку. Мы бы считали целесообразным разбить новую историю на три части:

Первая часть—от французской буржуазной революции до франко-прусской войны и Парижской Коммуны (исключительно). Это будет период победы и утверждения капитализма в передовых странах.

Вторая часть — от франко-прусской войны и Парижской Коммуны до победы октябрьской революции в России и окончания империалистской войны (включительно). Это будет период начавшегося упадка капитализма, первого удара по капитализму со стороны Парижской Коммуны, перерастания старого «свободного» капитализма в империализм и свержения капитализма в СССР силами октябрьской революции, открывшей новую эру в истории человечества.

Третья часть от конца 1918 года (год окончания войны) до конца 1934 года. Это будет период послевоенного империализма в капиталистических странах, экономического и политического кризиса в этих странах, период фашизма и усиления борьбы за колонии и сферы влияния с одной стороны, и с другой стороны — период гражданской войны и интервенции в СССР, период первой и начало второй пятилетки в СССР, период победоносного строительства социализма в нашей стране, период искоренения последних остатков капитализма, период победы и подъема в СССР социалистической индустрии, победы социализма в деревне, победы колхозов и совхозов. Мы считаем большой ошибкой, что авторы конспекта обрывают историю на 1923 году. Эту ошибку надо исправить, доведя историю до конца 1934 года. В соответствии с этим придется произвести переделку и перераспределение материала, разделов и глав.

Хорошо было бы освободить конспект от старых затасканных выражений в роде «старый порядок», «новый порядок» и пр. Лучше было бы заменить их словами «докapиталистический порядок» или еще лучше «абсолютистско-феодальный порядок», а вместо «нового порядка» сказать «порядок капитализма и буржуазной демократии». При таком изменении так называемый «новый порядок», т. е. капиталистический порядок, будет выглядеть уже как порядок с т а р ы й, в сравнении с советским строем в СССР, представляющим высший тип устройства человеческого общества.

Хорошо было бы также освободить конспект от чрезмерного обилия «эпох». «Эпоха консульства», «эпоха Наполеона», «эпоха Директории», — не слишком ли много эпох?

Нам кажется также неправильным, что колониальному вопросу уделено в конспекте несоразмерно мало места. В то время, как Жорж Зандам, Шпенглерам, Киплингам и т. д. уделено достаточно много внимания, колониальному вопросу и положению, скажем, в таком государстве, как Китай, уделено мало внимания.

Было бы также хорошо заменить формулу «объединение Германии и Италии» формулой «воссоединение Германии и Италии в самостоятельные государства». Иначе может получиться впечатление, что речь идет не о борьбе за воссоединение таких ранее раздробленных государств, как Германия и Италия, а об объединении этих государств в одно государство.

В общем конспект новой истории составлен, по нашему, более толково, чем конспект истории СССР, но сумбура в этом конспекте все же достаточно много.

И. СТАЛИН.
С. КИРОВ.
А. ЖДАНОВ.

9.VIII.34 г.

НУЖНА ЛИ НАМ

МАРКСИСТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА?

(О НЕКОТОРЫХ СУЩЕСТВЕННО ВАЖНЫХ, НО НЕ СОСТОЯТЕЛЬНЫХ ВЗГЛЯДАХ т. М. Н. ПОКРОВСКОГО)

В связи с форсируемой работой по составлению исторических учебников и с теми указаниями, которые на этот счет были даны в замечаниях товарища Сталина, нелишне остановиться на некоторых весьма существенных взглядах М. Н. Покровского, взглядах, которые, «овладевая массами» историков, послужили, в особенности за последнее время, отнюдь не к украшению нашего исторического фронта, а, наоборот, сузили размах работы, привели к целому ряду вульгарных извращений марксизма и духовному обеднению советской исторической науки. Было бы исторической несправедливостью отрицать заслуги покойного нашего историка в о б щ е: на него самого надо посмотреть исторически. М. Н. Покровский провел блестящую работу по разрушению консервативных, буржуазных и мелкобуржуазных исторических концепций. Карамзин и Чичерин, славянофилы, Щапов, Ключевский и Милюков, даже Плеханов — все они попали под остро отточенную бритву его беспощадного критического анализа. М. Н. Покровский, преодолев целый ряд односторонностей Н. А. Рожкова, выступил и как первый русский марксист, владевший материалом в масштабе всей «русской» истории, как крупный ученый — марксист-историк. Все это так. Но теперь, когда наши познавательные запросы выросли на

несколько ступеней, а вслед за успешным разрешением наиболее важных задач социалистического строительства пришла очередь серьезно взяться и за нашу историческую науку, — теперь уже достаточно ясно видны узость и ограниченность исторических концепций М. Н. Покровского, отсутствие настоящей марксистской диалектики, вульгарная трактовка многих основных методологических проблем, где за левой фразой и теоретическими парадоксами прятались мысли, тормозившие рост исторической науки. И то, что казалось тов. Покровскому особо плодотворными и конечными его достижениями, нередко было на самом деле уже мертвящими путями на развитии советской науки. Эту сторону дела мы и подвергаем разбору в настоящей статье.

1. Об истории как науке и об истории как „политике, опрокинутой в прошлое“

М. Н. Покровский имеет, как сказано, большие заслуги в деле разоблачения буржуазной исторической науки, в деле анализа ее классовых корней, разоблачения ее фальсификаций и т. д. Но М. Н. Покровский совершенно запутал принципиальный вопрос об истории, как науке, которая познает объективную действительность и вскрывает объективные закономерности исторического процесса. Он оказался не в состоянии диалектически понять, что наука, будучи классовой, все же познает действительность; что даже буржуазная наука (например, в эпоху, когда буржуазия была прогрессивной) приближалась к познанию этой действительности (на ступени своего паразитарного вырождения, напуганная революционными выступлениями пролетариата, буржуазия плохую, но все же науку заменила чистой апологией и системой фальсификатов); что у пролетариата его классовая позиция не только не противоречит объективности истории, но, наоборот, совпадает с нею и обеспечивает эту объективность, в противоположность буржуазии, у которой классовая ее по-

зиция ограничивает исторические горизонты и приводит к искривленному и фальшивому отображению исторического процесса, а классовая корысть заставляет защищать господство капитала. Классовые «очки», через которые рассматривает исторический процесс буржуазная наука, извращают действительность и позволяют видеть только кусочек ее; классовые «очки» пролетариата (не боящегося перспектив, не боящегося смотреть и назад, и вперед) способствуют развитию исторической дальнорзости и правильно отражают действительные связи действительных исторических процессов.

Тов. Покровский не только валит в одну кучу все фазы развития буржуазной науки и фазы ее вырождения, но берет за одни скобки науку буржуазии и науку пролетариата! Вместо того, чтобы показать эту диалектику «классово-субъективного» и «исторически-объективного», тов. Покровский выдвинул формулу, что история есть «политика, опрокинутая в прошлое», и объявил «объективную историю» выдумкой буржуазии. Во всей проблеме исторического познания у него осталась лишь одна, отдельно взятая классово-субъективная сторона, одни «классовые очки»; а реальный процесс познания объективной действительности, систематическое приближение к объективной истине, сама объективная действительность с ее объективными закономерностями у него исчезли.

Так же антидиалектически он ставил и проблему «партийности» исторической науки. По-нашему, по-марксистски, по-ленински, по-сталински, чем «партийнее» наука истории (т. е. чем она пролетарски-классово выдержаннее, ортодоксальнее в идеологическом отношении), тем она истиннее, тем вернее она отображает объективную действительность, тем она, следовательно, объективнее (именно в соответствии с действительностью и лежит основной критерий научной истины, как это подробно выяснено

Лениным в борьбе с эмпириокритиками). С другой стороны, чем наука истиннее, чем она объективнее (не в струвианском смысле статической и безжизненной простой фотографии, но с выделением движущих сил, с заглядыванием в будущее, с движением к действию), тем она практически полезнее. Так — и только так — ставил вопрос Ленин вслед за Марксом и Энгельсом.

А М. Н. Покровский вместо того, чтобы выхватить у буржуазных ученых знамя объективной науки, им мало подходящее и лживо ими выставленное, задумал похоронить «объективную науку» истории, всячески издевался над «объективными закономерностями», видя в этом особенно революционную постановку вопроса и наивно не замечая, что он впадает здесь в «субъективную социологию», в сорелевское «социальное мифотворчество», в своеобразное бергсонизанство и вульгарный волюнтаризм, что он хоронит историю, как науку. Ибо, если нет объективных закономерностей и их нечего познавать; если классовость науки и для пролетариата исключает ее объективность, то в чем же тогда состоит наука? Ее, очевидно, нет и быть не может.

Наука истории есть идеология, — говорит тов. Покровский. Верно. «Что такое идеология?» — спрашивает он далее. И отвечает: «Это есть отражение действительности в умах людей сквозь призму их интересов, главным образом, интересов классовых»¹. Не особенно точно, но в общем верно. Далее: «Идеология, т. е. отражение фактов... в вогнутом или выпуклом зеркале с чрезвычайно неправильной поверхностью»². Здесь начинается падение в пропасть. Позвольте, а марксизм, это — тоже «кривое зеркало»?

Или он не идеология пролетариата?.. Ни тени анализа разных

¹ М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. I. Сб. под ред. А. С. Бубнова, М. Савельева, В. Адоратского, Н. Лукина, В. Милотина, В. Максакова, Е. Пашуканиса, С. Сефа. Стр. 10.

² Там же.

«зеркал»! Даже у буржуазии в разные периоды были, как известно, не одинаковые «зеркала». Если сравнить, например, работы так называемых французских «историков времен реставрации» с теперешними фашистскими профессорами истории, то в первом случае мы найдем, при всех ошибках и непоследовательностях, все же историческую науку, тогда как у теперешних фашистских профессоров — одну голую фальсификацию и апологетику фашизма. Они относятся друг к другу так, как, примерно, относятся Смит и Рикардо к экономическим пустобрехам современной буржуазии. А М. Н. Покровский объявил и историческую теорию Маркса «кривым зеркалом»!

Идем еще дальше. «В особенности буржуазная демократия в своей системе одурачивания масс выработала эту формулу «объективной» истории, каковая формула, к сожалению, до сих пор еще затуманивает взоры многих наших товарищей»¹. Вот это логика! Так как буржуазия надувала массы, выдавая свои кривые зеркала за телескопы, то мы должны и свой марксистский настоящий телескоп выдавать за кривое зеркало! Отсюда вывод: «История есть опрокинутая в прошлое политика». И точка. А вопрос об ее истинности? Это — «неинтересно».

Так грубо антидиалектически тов. Покровский оторвал действительность от науки, наблюдаемое от «призмы», объективную причинность от субъективных целей, и... совершил харакири над самим собой, как над историком. Рано или поздно история должна была отомстить и за себя, и за него самого.

II. Социология и история, законы и факты, абстрактное и конкретное в исторической науке

При таком наплевательском отношении к вопросам истинности исторического познания неизбежно должно было образоваться пренебрежение к фактам. Очень нужная задача критики противников

«пожрала» у Покровского интерес и к историческим фактам, и к построению на их основе тщательно проверенных обобщений. Как известно, марксов «Капитал» носит подзаголовок «Критика политической экономии». Но эта «критика политической экономии» буржуазии не мешала Марксу ни собирать гигантское количество фактов, ни проверять их, ни делать свои собственные обобщения на гранитном фундаменте этих фактов. Маркс исходил из поисков объективной, истинной теории, а не из потуг на создание социального мифа. Не «конъюнктурные, мелкие «потребности дня» заставили его сесть за «Капитал», а коренные вопросы движения передового класса, желание изучить законы этого движения. Поэтому он пришел к столь объективным, столь истинным выводам, что они оправдываются теперь в полной мере, что они служат и по сей день рычагами величайшей практики.

Но так как Покровского мало заботил вопрос об «объективности» науки, то он мало заботился и о фактах. С этой точки зрения очень характерен был еще отзыв Ленина о кратком курсе русской истории М. Н. Покровского. Владимир Ильич очень осторожно (это ведь была первая книжка такого типа), но очень глубоко по существу, пытался «поправить» работу Покровского. Он предложил дать в приложении фактический материал в синхронистических таблицах. И писал при этом:

«Учащиеся должны знать И Вашу книгу, И указатель, чтобы не было верхоглядства, чтобы ЗНАЛИ ФАКТЫ, чтобы учились сравнивать старую науку и новую»².

Тов. Ленин схватил, как всегда, самую суть дела, дал и точный диагноз (отсутствие фактов, неумение диалектически связать абстрактное и конкретное), и точный прогноз (верхоглядство, которое расцвело потом пышным цветом на основе «установок» тов. М. Н. Покровского).

Здесь чрезвычайно ярко сказалось отсутствие правильного понимания материалистической диа-

¹ М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. II, стр. 394.

² Ленин. Соч. Т. XXIX, стр. 442.

лектики, в особенности диалектики абстрактного и конкретного. Известно, что в материалистической диалектике абстрактное не является отвратительной сухой мумией, а включает все богатство конкретных определений. Поэтому диалектическая «абстрактная схема» не может быть сухой и неконкретной, в противоположность абстрактным схемам обычной формальной логики. В самом изложении нужно, следовательно, сочетать социалогические положения с их конкретным историческим выражением. Еще Гегель писал: «История учит, что народы и правительства никогда ничему не учились из истории: каждое время для этого слишком индивидуально». А Ленин, читая это место из «Философии истории» Гегеля, отмечал: «Очень умно!» И делал вывод: необходимо изучение в се^х особенностей данной полосы развития, живой исторической конкретности (нисколько не отрицая больших обобщений, а, наоборот, стремясь к ним), ибо только такое изучение дает возможность «извлекать уроки», т.-е. действительно учиться у истории. В свое время Ленин писал:

«Марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами»¹ (подчеркнуто мной.—Н. Б.).

Люди сами делают свою историю, и объективный ход событий есть объективированный результат их действий, исторический «продукт». Поэтому материалистическое понимание истории равно далеко и от субъективизма и от фаталистического автоматизма в понимании исторического процесса. Но поэтому же материалистическая диалек-

тика не отрывает социологического обобщения от исторического факта, общественных событий от их агентов и носителей, «объективного положения вещей» от «отдельных личностей, групп, организаций, партий». Это есть живая историческая диалектика. Она требует труда. Она исключает всякое «верхоглядство». Она — противница всякой мертвой схемы. Она — смертельный враг тощих абстракций, превращения исторического изучения и научного творчества в сочинение — хотя бы и остроумных — схематических вымыслов, в производство якобы полезных, с кондачка сделанных, социальных мифов всякого рода. Наоборот, говоря словами Ленина, нужна «полная научная трезвость в анализе объективного положения вещей» с признанием и значения «отдельных личностей, групп» и т. д.

Можно исторически понять ошибку тов. Покровского. В прежней историографии, которая имеет свои корни еще в придворных хрониках царей, эти последние рассматривались, как единственные божественные творцы исторического процесса, чудотворные делатели истории, лепившие ее по своему усмотрению и произволу. Этой историографии тов. Покровский противопоставил попытку общественного рассмотрения исторического процесса, т.-е. рассмотрения общественно-исторических формаций. Но он оторвал (опять-таки совершенно немарксистски и недиалектически) общество от его «агентов», целое от его частей, абстрактное от конкретного, социологию от истории, «законы» от «фактов». Раньше мы видели, что он оторвал процесс объективного познания от субъективно-классовых моментов и просто-напросто зачеркнул первое (дойдя «объективную» науку!). Здесь он тоже разделался по-простецки: он зачеркнул... факты. Как потом он ни старался говорить о «конкретном», ничего конкретного не получалось, и многие его воспитанники тонули в схоластических словопрениях и в том «верхоглядстве», которого так опасался т. Ленин.

Можно, пожалуй, спросить: как же умещались в концепции тов. Покров-

¹ Ленин. Соч. Т. XII, стр. 32.

ского оба эти «зачеркивания»? Ответить на этот вопрос можно только так, что эта путаница в квадрате есть выражение основной ошибки тов. Покровского, а именно—его непонимания той истины, что «суб'ективно-классовое» у пролетариата не противоположно об'ективному, а полностью совпадает с об'ективным, с тенденцией развития об'ективного, в виду чего противопоставление первого второму есть абсурд.

III. Теория и практика в исторической науке и измельчание теории

Последним «достижением» своего творчества на историческом фронте тов. Покровский считал свои «установки» по вопросу о том, как понимать соотношение теории и практики с точки зрения марксизма-ленинизма.

«Только тот, — писал он в статье «О задачах марксистской исторической науки в реконструктивный период»,—кто в истории борется за интересы пролетариата, в соответствии с этим выбирает темы, выбирает противника, выбирает то или иное оружие борьбы с этим противником,—только тот является настоящим историком-ленинцем»¹. Итак, прежде всего «выбор темы» определяет настоящего большевика. Какие же должны быть эти «темы»? На это тов. Покровский отвечает:

«В... историческом анализе современного политического положения, без которого (анализа) это политическое положение невозможно понять, и заключается специфическая, истории свойственная форма соединения теории с практикой»².

Тов. Покровский приводит в качестве важнейшей задачи всей исторической науки борьбу с уклонами («анализ современного положения») и утверждает по этому поводу следующее:

«Не говоря уже об общем корне всего оппортунизма — мелкобуржуазности, — это, так сказать, «социологический» корень оппортунизма,—не-

трудно проследить в глубь если не веков, то десятилетий его конкретно-исторические корни».

И вот тов. Покровский решает важнейшую «задачу истории в реконструктивный период» (!). Это решение гласит:

«Теперешний переплет правого и левацкого уклонов мы встречаем именно в виде переплета еще у народников 70-х годов, которые одним духом утверждали, что тогдашнее Российское государство есть внеклассовая организация и что крестьянин есть герой и творец всей русской истории»³.

Подобную чепуху «конкретно-исторического» характера вряд ли доводилось читателю видеть. Нетрудно сообразить, что этакие исторические экскурсы только затемняют конкретный вопрос о действительных корнях правого и левацкого уклона, смазывают значение вопроса, топчут его остроту, его действительную конкретность и его политический смысл, растворяют действительный анализ (данный партией) в сомнительнейших и пустопорожних исторических аналогиях.

Но вернемся к вопросу в целом.

Итак, выбор темы (т.е. ограничение темы для «настоящего большевика») определяется узкосовременными задачами. Повидимому, именно так нужно толковать установку тов. Покровского. Тем более, что в другом месте той же статьи о задачах истории в реконструктивный период мы читаем о западной истории:

«Руководители этого фронта должны были бы заметить, что увязка теории с практикой в их области начинается уже стихийно и помимо них, в низах: фактически студенты-икаписты западники все связаны с секциями Коминтерна... А где сами западные историки-руководители? Они сидят где-то в дебрях французской революции или истории древнейшего периода германской социал-демократии, или еще где-то в довольно отдаленных местах, которые (места?—Н. Б.) не столько своей отдаленностью, сколько манерой разработки (это у «мест»—манера «своей разработ-

¹ М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». Вып. II. Стр. 393.

² Там же, стр. 393.

³ Там же.

ки» тех же «мест»?—Н. Б.) являются собой отрыв теории от практики»...¹.

Можно подумать, что дело именно в этой отдаленности (отсюда и «дебри» и «дрезнейший период» социал-демократии). Но нет. Дальше тов. Покровский говорит, что «тут дело не в хронологии». Так в чем же? Ведь вопрос немаловажный. Здесь начинается нечто просто маловразумительное:

«Дело не в хронологии — дело в подходе, дело в том, изучать ли историю как таковую, попадая в ловушку хитрых буржуазных исследователей... или же брать историю как оружие классовой борьбы, как средство вскрыть все и всяческие «идеологии» как наших буржуазных противников, так и более близких к нам и укрывающихся иногда под партийными лозунгами оппортунистов»².

Мы возвращаемся к старому. У Покровского нет и намека на познание объективного исторического процесса. Это познание он почему-то считает несовместимым со вскрытием ошибок классовых врагов и их пособников. Более того, в своей последней речи он называет построение объективной науки «академизмом».

«И мой завет вам: не итти «академическим путем»... ибо «академизм» включает в себя, как неперемное условие, признание этой самой объективной науки, каковой не существует. Наука большевистская должна быть большевистской»³.

Большевистская наука не должна быть объективной (т.-е. не должна быть наукой); ибо наука (объективная) не может быть средством классовой борьбы,—такова «мысль» тов. Покровского.

Но т. Покровскому и невдомек, что в руках пролетариата наука является тем более действительным средством классовой борьбы, чем более она «истинна», т.-е. чем больше соответствует она объективной дей-

ствительности. Неужели трудно сообразить, что «Капитал», например, сослужил тигантскую службу классовой борьбе пролетариата и срыванию всех масок с идеологов буржуазии как раз потому, что он объективно, истинно, правильно отражал капиталистическую действительность, вскрыть объективные законы которой ставил своей задачей его гениальный автор (см. предисловие Маркса)?

Где во всем построении Покровского хоть намек на революционную диалектику?

Но, по сути дела, как ни юлит Михаил Николаевич, речь идет о том, чтобы «выбирать темы» «ультрасовременные», или только непосредственно связанные с очередными задачами момента. Именно поэтому один из талантливейших последователей Михаила Николаевича, сам крупный ученый, занимавшийся историей, ныне тоже покойный, М. Н. Коваленский, писал, что во всей школе нужно заниматься только «началом и концом» человеческого развития — первобытностью коммунизмом и современностью. «Все остальное из курса истории культуры, не исключая Древнего Востока, Греции, Средних веков, реформации, гуманизма, татарщины, эпричины, Смутного времени и т. д., может быть вынесено за пределы собственно школьной работы»⁴.

Когда теперь, при просмотре кинофильма «Чапаев» герой его говорит, что хочет знать об Александре Македонском, вся публика аплодирует. А руководители «исторического фронта» объявляют, что это противоречит «задачам истории в реконструктивный период»! Вместе с объективной, т.-е. правильной, исторической наукой они задумали похоронить и тот «великий теоретический интерес» пролетариата, о котором с таким восторгом говорил Фридрих Энгельс. На этом примере с Чала-

¹ М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов. Вып. II. Стр. 395.

² Там же.

³ Там же, стр. 406.

⁴ «Основные вопросы преподавания в средней школе». Стр. 24. Цит. по статье тов. А. Панкратовой («Большевик» за 1934 г. № 23).

евым, как в капле воды, виден весь огромный разрыв между необычайно возросшими потребностями масс в научно-историческом познании и измельчавшей, со всех сторон урезанной, убогой ориентацией руководителя исторического фронта, поставившего знак равенства между партийностью и убожеством. Какое ослепление! Какой вздор!

Тов. Покровский спутал объективную науку с так называемой «чистой», оторванной от практики, наукой. Объективная наука существует: это марксистская наука прежде всего. «Чистой» науки, т. е. независимой от практики, не бывает и не было. Но великая и многообразная практика победоносного пролетариата требует и великой и многообразной теоретической работы. Это — не практика торгашей, их политиканствующих партий или их фашистских башибузуков: это практика, преобразующая весь мир. Поэтому фронт пролетарской объективной исторической науки должен быть несравненно более широким, охватывающим историю всех народов мира. Уже одно то обстоятельство, что основной мировой наш враг — фашизм — с его расовой теорией усиленно работает на историческом фронте, а мы — СССР — поднимаем огромное количество отсталых народов (иногда имевших ранее великие древние культуры), во много раз увеличивает исследовательский фронт и во времени, и в пространстве. Мы ни сколько не хотим преуменьшать всю важность разработки вопроса об уклонах с исторической точки зрения. Но напрасно тов. Покровский думал, что высшая мера партийности марксиста-историка заключается в сведении всей исторической работы к такого рода заданию на весь реконструктивный период. И напрасно он воображал, что историки, занимающиеся германской социал-демократией, или французской революцией, или историей Китая, обязательно должны попасть в хитрые капканы буржуазии. Александр Македонский практически важен, особенно для военных; исто-

рия Китая — для борьбы за его освобождение, для борьбы с фашизмом и т. д. История французской революции («дебри») — для сравнения с нашей и разграничения буржуазной великой революции и великой революции пролетариата (между прочим, Покровский забыл на этот раз, что и Маркс и Ленин учились искусству восстания — очень практическое дело — у Дантона!). Священный союз и Наполеон — весьма полезные предметы изучения, понятно почему. А разве такие, например, новости, как победоносное восстание рабов в Древнем Египте, не расширяют нашего кругозора? Разве, например, рабские революции, о которых товарищ Сталин говорил колхозникам, не имеют для нас значения (почему же тогда о них говорил товарищ Сталин?). И т. д. до бесконечности. Разумеется, должны быть обеспечены прежде всего наиболее важные проблемы. Это — история партии. Но историю партии нельзя оторвать от истории народов. Это — и история народов СССР, и история Китая, и история Японии, и история Европы. Огромные задачи. Однако, пора понять, что здесь нужны специалисты многих отраслей, что это — трудное и многосложное дело, а не прогулка по садам словесности, организованным на «историческом фронте», что нужно работать на всех участках этого фронта, что нелепо ворчать насчет «дебрей французской революции», что нужно создавать все новые и новые исторические специальности. Вот как стоит вопрос.

Специально о популярных учебниках Ленин писал поистине золотые слова:

«...Популярная литература только та хороша, только та годится, которая служит десятилетия. Ибо популярная литература есть ряд учебников для народа, а учебники излагают азы, не меняющиеся по ПОЛУСТОЛЕТИЯМ»¹.

Как это далеко от установок тов. Покровского!

¹ Ленин. Т. V, стр. 232, примечание.

IV. Антиисторизм исторических взглядов тов. М. Н. Покровского

Со всех сторон М. Н. Покровский старался ликвидировать богатство и многообразие исторической науки. Но, будучи автором классического определения истории, как только проекции современной политики на прошлое, и выставляя в качестве идеала один анализ «современности» (да и то лишь одной части ее), тов. Покровский неизбежно должен был впасть в антиисторизм, универсализируя специфически исторические категории и перенося их на другие сферы, подобно тому как при анализе «конкретно-исторических» корней право-левацкого блока он нашел их не в практике современной конкретной полосы развития, а в теоретических взглядах народников 70-х годов.

Здесь невозможно останавливаться не только на всех, но даже на наиболее важных положениях тов. Покровского с этой точки зрения. Но на нескольких примерах мы должны все же остановиться.

Сюда прежде всего принадлежит основная концепция Покровского о роли торгового капитала, как собирателя земли русской и организатора самодержавной власти.

«Событие Руси с самого начала Московского княжества и до Александра I двигалось совершенно определенным экономическим фактором, — этим фактором был торговый капитал»¹.

«...торговый капитал был настоящий царь, который стоял за коронованным, в сущности, призраком или, если хотите, за коронованным манекеном, был руководящей силой, которая создала и Русскую империю и крепостное право»².

Русское самодержавие тов. Покровский рассматривал, как организацию торговых капиталистов.

Эта концепция представляется нам насквозь неверной и в корне антиленинской. Последнее не подлежит никакому оспариванию. Ведь известно,

¹ См. цит. сб. Вып. I. Ст. «Борьба классов и русская историческая литература», стр. 27.

² Там же, стр. 28.

что власть царей Ленин рассматривал, как власть помещиков-крепостников-дворян, а вовсе не торговых капиталистов, торговых буржуа, купцов. Объективную необходимость буржуазно-демократической революции Ленин как раз и выводил из конфликта между экономическим развитием капитализма и помещичьей, крепостнической, феодальной надстройкой самодержавия. Это не нужно доказывать. Это — неопровержимый факт.

А между тем, господство торгового капитала и самодержавия, как его политическая власть, есть ось всей концепции русской истории по Покровскому. Это не случайная обмолвка, не отдельное положение, это — суть взглядов Михаила Николаевича на процесс эволюции «Государства Российского».

Оставим в стороне совершенно неверный взгляд на самодержавие, как на манекен. Перейдем сразу к вопросу о торговом капитализме.

Как известно, обмен и торговля в той или другой пропорции наблюдались почти во все известные нам времена существования человечества. Абсолютно чистых натурально-хозяйственных форм реально не существовало вовсе, поскольку речь идет не о так называемых «доисторических формациях». Это давало и дает повод многим буржуазным историкам говорить о торговом капитализме во все времена и у всех народов. И Э. Мейер в «Geschichte des Altertums» («Истории древнего мира»), и новейший специалист по средневековью, «король» буржуазной современной науки, Д о п ш, и буквально сотни других говорят о торговом капитализме. (На том же основании А да м С м и т считал, что стремление к обмену есть вековечное естественное свойство человеческой души). Между тем торговали и получали барыши не только купцы в собственном смысле этого слова. Торговали и рабовладельческие поместья, и монастыри, и княжеские имения с крепостными, и купцы-рабовладельцы. Теперь, на совершенно особой, отличной от всех предыдущих эпох, основе, торгуют в СССР универмаги, и тресты, и колхозы. Следовательно, категория обмена, торговли, денег,

определенных накоплений от торговли не отвечает еще ни в какой степени на вопрос об общественно-экономической формации. Но и удельный вес торговых операций тоже совершенно различен в разные времена. Все это совершенно упускается тов. Покровским из поля зрения. У него все виды торговли, приносящие барыш, покрываются термином «торговый капитализм», тогда как торговля может сидеть в порах самых разнообразных способов производства, и даже торговый капитал может существовать — и существует — вне особой фазы «торгового капитализма». Это — во-первых.

Во-вторых, тов. Покровский смешивает силу торгового капитала в экономике с силой его в политике. Даже в те времена, когда настоящий торговый капитал был уже довольно силен в экономике; более того, даже тогда, когда в экономике был уже силен промышленный, а затем финансовый капитал, в политике у власти стояли еще помещики-крепостники.

Таким образом, тов. Покровский в основном вопросе всей концепции русской истории очутился в плену у буржуазных историков с их универсальной категорией торгового капитализма.

Второй раз он очутился у них в плену, явно недооценив всего значения истории народов, поработанных самодержавным режимом царей. Такой истории в концепции Михаила Николаевича Покровского просто нет: ему некогда было заниматься этой «малостью». Крайне характерно, что даже в своей критике буржуазных и мелкобуржуазных концепций русской истории тов. Покровский не нашел достаточного места для осуждения их с этой стороны, хотя для «большевика-ленинца» это, казалось бы, является моментом совершенно исключительной важности. Разве не первейшим долгом для нашего историка было бы, в противовес всем и всяким буржуазным историческим концепциям «Истории Государства Российского», разработать историю хотя бы главнейших поработанных им на-

родов? На это никак нельзя ответить «аргументом», что действительной доминирующей силой были, как сие ни печально, господствующие классы «великоруссов». Ибо, ведь марксистский объективизм отличается от струвианского объективизма тем, что он смотрит и вперед. Как же марксисту не пришлось в голову, даже после Октябрьской революции, посмотреть на дело и с этой, исключительно важной точки зрения?.. Лишь в последние годы М. Н. Покровский выдвинул необходимость изучения народов СССР, но при этом впал в другого типа крайность, оторвав изучение этой истории от изучения исторического процесса в России, как определенном государственном образовании.

Но даже если останемся в сфере одной «русской истории» (без других народов), то мы и здесь найдем крупнейшие антиисторические провалы у Покровского: например, его боязнь по-настоящему признать относительную историческую прогрессивность деятельности Петра Великого (вопреки Марксу и Энгельсу, которые признавали положительное значение петровских реформ, ломавших «варварство»); его «революции» и «контр-революции», без точных специфически-исторических характеристик; отсутствие точных оценок различных периодов «русской истории» с точки зрения всего процесса. Так как история есть политика, опрокинутая в прошлое, то все ее агенты — блоком — суть «сплошная реакционная масса», в которой почти все кошки серы, за исключением деятелей крупных революционных народных движений.

Таковы выводы, касающиеся концепции русской истории тов. Покровского.

* * *

В заключение необходимо сказать, что отрицание объективных закономерностей развития (тов. Покровский, между прочим, утверждает, что мы к социализму пришли не в согласии с учением марксизма о законах развития и законах гибели капитализма, а «прорвались» «сквозь всякие законы»!! Это пишет

«марксист»!)¹, об'ективной науки в о-
обще и т. д. идет у тов. Покров-
ского наряду с «вывертами» педагогиче-
ско-организационного свойства.

Так например он в первой статье
цитированного не раз сборника
(вып. 1) пишет: «Несомненно, что я
и всякий другой лектор, читающий
лекции сотням людей,—это, конечно,
остаток старой школы в новом, ком-
мунистическом университете. Это —
нечто вроде остатка хвоста у челове-
ка—инструмент, в значительной сте-
пени ненужный». «...курс мы держим
на время безлекционное». И т. д. То
же о школе вообще, нечто похожее
на пресловутую теорию «отмирания
школы».

Разумеется, это—не случайно. Но
в то же время все это находится в рез-
ком противоречии с действительными
потребностями нашего времени. Мы
должны распрощаться с такими тео-
риями. Мы должны быстро идти к ра-
боте по всему фронту, работе добро-
совестной, глубокой, серьезной, учась

¹ М. Н. Покровский «Ленинизм и
русская история». 1930. Изд. Комкаде-
мии. Кстати, из этой брошюры (стр. 7)
видно, что тов. Покровскому оставалось
неизвестным письмо Маркса 1852 г.,
где он говорит, что главное в его уче-
нии—не открытие классовой борьбы, а
неизбежность диктатуры пролетариата и
уничтожения классов. Хорошенькое дело!

этому делу у великих основоположни-
ков социализма и их продолжателей.

Нужно понять, что история есть
наука, требующая такого же долго-
летнего, вдумчивого изучения, как и
химия или физика; что ей нельзя на-
учиться в порядке налета и наскока;
что она крайне многосложна и раз-
ветвлена по специальностям; что ее
развитие требует многочисленных
кадров специалистов в своей от-
расли, а не беллетристов и не «публи-
цистов»; что необходимо вести исто-
рическую работу по всему громадно-
му фронту этой науки; что нельзя
считать научным занятием стрижку
цитат друг у друга; что нельзя по-
ощрять невежество в области, каса-
ющейся иностранной буржуазной на-
уки; что пора покончить с доморо-
щенным провинциализмом, верхогляд-
ством и комчванством; что нельзя от-
балтываться радикальной фразой и
быть неучем по существу; что нужно
воспитывать историков так же, как
мы воспитываем инженеров: основным
критерием оценки должно быть зна-
ние, глубокое знание фактов и мар-
ксистский метод их обобщения; основ-
ной добродетелью — научная ра-
бота, о которой судят по науч-
ным результатам, а не по ко-
личеству резолюций о текущем мо-
менте на историческом фронте. Пора
перестать болтать. Нужно по-серьез-
ному браться за настоящую работу.

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ СССР

1

Авторами «Истории СССР — учебника для средней школы — часть 1-я» (Ванаг, Греков, Панкратова и Пионтковский) замечания гг. Сталина, Жданова и Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР учтены лишь в малой степени. Не выполнена задача дать историю народов СССР, а не только Великой России.

Прошлое народов, вошедших в состав СССР, либо вовсе не излагается, либо излагается, как правило, очень бледно и мимоходом.

Авторы в недостаточной мере осознали, что в учебнике, по которому будут знакомиться с прошлым своей страны миллионы учащихся, должно быть взвешено каждое слово и каждое определение. Между тем мы имеем здесь много неряшливых и непродуманных формулировок.

Далеко не достаточно показаны истоки национально-освободительного движения покоренных царизмом народов России, почти совершенно не отражена роль и влияние западноевропейских революционных и социалистических движений на формирование буржуазно-революционных движений и пролетарского социалистического движения в России. Контрреволюционная роль русского царизма во внешней политике показана далеко не достаточно.

Если сравнить сокращенный текст учебника с первоначальным авторским текстом, то приходится отметить, что тут сплошь и рядом сокращение произведено чисто механически, так что утрачивается всякий смысл (например, на странице 49-й).

Вопреки указаниям ЦК, в учебнике сохранено смешение феодализма и дофеодального периода, самодержавия и феодального строя. В учебнике мы имеем ряд примеров «дурной социологии», когда изложение гражданской истории заменяется мнимыми социологическими обобщениями. Примером этого являются рассуждения о роде (стр. 11 и след.). Совершенно не показан на фактах гражданской истории процесс создания государства, перехода от родового быта к государственному строю. В учебнике почти полностью отсутствует история культуры не только народов СССР, но великорусского народа. Если авторы учебника и дают изложение гражданской истории — эта гражданская история сводится, главным образом, к перечню войн и завоеваний. Крайне скудны данные по истории письменности, литературы и других сторон культуры народа.

Как пример вольного обращения с терминологией может служить применение термина «феодализм» к эпохе, когда крестьянство еще не было закрепощено (см. отдел 2-й, стр. 15 и след.).

Совершенно не к месту употребляется авторами термин «революция». Они говорят о «революции» даже в Киевской Руси в XI веке, не понимая, таким образом, разницы между революцией и стихийным бунтом.

Серьезнейшим недостатком учебника является то, что его авторы не показали прогрессивного значения «собирания земли русской», создания ядра русского национального государства. В учебнике говорится только о грабежах и насилиях московских князей, так что учащиеся не могут вынести понимания, что образование национального государства великорусского было шагом вперед в историческом развитии.

В связи с этим дается неверная и неправильная картина событий начала XVII века. Лже-Дмитрии 1 и 2 по-

казаны как вожди крестьянских восстаний, между тем как эти авантюристы — ставленники польского панства — только использовали восставшую массу в своих реакционных целях.

Не показано положительное значение борьбы Минина и Пожарского в деле освобождения страны от ее оккупации иноземцами — шведами и поляками — и создания национального государства (стр. 120 — 124 сокращенного текста). Здесь сказывается антимарксистский, своего рода «левацкий интернационализм» — непонимание того, что коммунисты отнюдь не должны отгораживаться от положительной оценки прошлого своей страны.

Нет ясной картины развития крепостного права. Из учебника учащийся не может усвоить хода закрепощения крестьянских масс. Относящийся сюда материал разбросан по отдельным разделам. Не указана достаточно ясно причина поражения крестьянских войн, отсутствие руководства со стороны передового класса. Совершенно не выяснена прогрессивная роль преобразования Петра I — вопреки совершенно ясным высказываниям Ленина и Сталина. Даны только отрицательные черты петровской реформы и разорение ею масс, а не указывается ее прогрессивное значение.

Нет положительной оценки движения декабристов. Они рисуются как корыстные эксплуататоры, думающие только о новых, более надежных формах ограбления крестьянства, спяť-таки вопреки ясным высказываниям Ленина, признавшего прогрессивную роль движения декабристов, как «дворянских революционеров».

Совершенно не учтены важнейшие высказывания Маркса, Энгельса и Ленина о положительном значении польского освободительного движения против прызма в течение XIX века. Оно изображается только как бунт помещиков, стремящихся к монополюной эксплуатации крестьянства.

Вопрос о реформе 1861 г. трактуется так, что учащиеся могут прийти к выводу, что после реформы крестьяне подверглись еще большему закрепощению, чем до 1861 г. Не показана разница между крепостным правом и тем положением, которое соз-

далось после реформы. Изложение соответствующих разделов учебника крайне неясно, сумбурно и прямо-таки неряшливо.

При характеристике народничества не показано ясно отрицание политической борьбы народничеством до образования Народной Воли, не вскрыт ясно порок террористической борьбы, как борьбы одиночек, ослабляющей и дезорганизующей борьбу масс.

Крупным минусом учебника является и отсутствие показа отсталости России по сравнению с западноевропейскими странами. Далеко не достаточно показано, как именно за эту отсталость нас били все, кому не лень (Сталин).

Полное отсутствие умения мыслить диалектически, непонимание необходимости конкретного исторического подхода к фактам прошлого проникает все изложение исторического материала в данном учебнике. Авторы не усвоили марксового понимания прогрессивности капитализма по сравнению с феодализмом и вообще средневековьем. Авторы сбиваются на мелкобуржуазную, анархическую критику капитализма. Они видят в капитализме лишь разрушительную сторону, они не понимают, что капитализм являлся шагом вперед по сравнению со средневековьем. Авторы, как будто, не знают того, что Ленин писал в своей брошюре о продовольственном налоге в апреле 1921 года, уже после победы социалистической революции в нашей стране: «Капитализм есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству». Вот почему авторы учебника не говорят о реформе 1861 года, как о шаге по пути капиталистического развития нашей страны, знаменовавшем движение вперед по пути развития производительных сил, несмотря на разорительность для крестьянской массы «освобождения», проводимого помещиками. Они не поняли того, что Ленин писал еще в своих «Друзьях народа» о прогрессивности реформы 1861 года. Ленин там ясно говорит о «прогрессивности этого нового уклада жизни сравнитель-

но со старым, крепостническим». Между тем, авторы учебника, рисуя победу капитализма в нашей стране, сбиваются на тон тех «друзей» народа, с которыми Ленин воевал еще в 90-х годах прошлого века.

Возьмем другой пример. Вслед за Покровским авторы учебника говорят только о деспотизме и варварстве Петра I, между тем как Ленин ясно указывал на прогрессивное значение его деятельности. В своей брошюре «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» Ленин призывает, говоря о необходимости перенять из Германии практику государственного капитализма, «не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» (XXII, 517).

Декабристы рисуются в учебнике какими-то корыстными эксплуататорами, которые только и думают о новых хитроумных способах закабаления масс. А вот что пишет о них Ленин в своей знаменитой статье «О национальной гордости великороссов»: «Мы гордимся тем, что... среда великороссов выдвинула Радищева, декабристов». В известном докладе о революции 1905 года, прочитанном в Цюрихе 22 января 1917 года, Ленин говорит: «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма». Между тем, те, кто стал бы учиться истории СССР по учебнику Ванага и др., не смогли бы подозревать, что декабристы играли в этой истории революционную роль.

Приведем еще следующий пример. В первоначальном авторском тексте учебника так характеризуется роль крестьян накануне реформы 1861 года: «Война показала, что экономическое развитие страны требует перехода от крепостного строя к буржуазному. Крестьяне пытались решить этот переход революционным путем, уничтожив помещичье землевладение и власть крепостников» (420). Мы не

говорим уже о стиле, но какова мысль, выраженная таким суконным языком? Здесь мы имеем проходящую красной нитью по всему произведению Ванага и др. переоценку сознательности эксплуатируемой массы до выступления на историческую сцену пролетариата. Между тем, Ленин одну из основных причин поражения революции 1905 года видел как раз в недостаточной сознательности крестьянства. Он писал в статье «Лев Толстой, как зеркало русской революции»: «В нашей революции меньшая часть крестьянства действительно боролась хоть сколько-нибудь организуясь для этой цели, совсем небольшая часть поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов, на уничтожение царских слуг и помещичьих защитников. Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала «ходателей» — совсем в духе Льва Николаича Толстого». В статье «Уроки революции» Ленин говорит, что по сравнению с рабочими «крестьяне боролись менее упорно, более разрозненно, менее сознательно, все еще надеясь нередко на доброту царя-батюшки. В 1905 — 1906 годах крестьяне, собственно, только поугали царя и помещиков».

Итак, по Ванагу выходит, что крестьяне уже накануне 1860 года обладали той сознательностью, которой недоставало им еще 50 лет спустя!

Таков «историзм» составителей учебника. Нам уже приходилось говорить об антимарксистском, своеобразном левацком «интернационализме» наших «историков», которые готовы видеть борцов за освобождение крестьянства в отрядах польской шляхты, оккупировавших нашу страну в «смутное время» начала XVII века, а ополчение Минина и Пожарского, изгнавшее оккупантов, просто именует контрреволюционной ратью.

Авторам учебника невдомек, что совсем еще недавно, на VII Конгрессе

Коминтерна тов. Димитров, исходя из указаний Маркса—Ленина—Сталина, напомнил, что нас — коммунистов — касается всякий важный вопрос не только настоящего и будущего, но и прошлого нашего собственного народа, что коммунисты не должны добровольно предоставлять фашистским фальсификаторам все, что есть ценного в историческом прошлом нации, для одурачивания народных масс, что плохими коммунистами являются те коммунисты, которые «полагают, что все это не касается дела рабочего класса, которые ничего не делают, чтобы исторически правильно, в подлинно марксистском, ленинско-марксистском, ленинско-сталинском духе осветить перед трудящимися массами прошлое их собственного народа, чтобы увязать свою теперешнюю борьбу с его революционными традициями в прошлом».

Отметим, далее, частые недостатки: дана очень скупая характеристика христианству как идеологии. Учащиеся не получают представления о значении религии как средства закрепощения масс. Не ясно, откуда взялся Владимир Мономах (стр. 43), что такое «ярлык» (стр. 66), что такое «великое княжение», откуда взялся митрополит (стр. 71). Ломоносов оказывается только «идеологом дворянства» (стр. 191 — 192). Ничего не сказано о русско-турецкой войне 30-х годов XVIII века. При изложении взглядов Радищева не говорится об его отношении к народному восстанию. Очень скомкано изложение войны 1812 г. — военных действий против Наполеона. Крайне неудачно изложено царствование Александра I. На стр. 245 сумбурно рассказывается о поражении Наполеона. Не говорится достаточно о ходе завоевания Северного Кавказа. В изложении крестьянской реформы не сказано толком о выкупных платежах. На стр. 329 — 330 говорится о стачке в Петербурге, но не сказано, на какой фабрике. Далеко не достаточно показана роль антисемитизма в угнетательской политике царизма. Мы уже не говорим о ряде других, более мелких неточностей, неряшливости

языка и неряшливости формулировок (стр. 78, 96, 228, 238, 241, 242, 246, 272, 281, 282, 286, 291, 320, 323, 331, 338, 339, 341, 343, 345).

Мы говорили до сих пор о сокращенном авторском тексте. Теми же недостатками страдает и первоначальный авторский текст и те его разделы, которые были исключены при сокращении учебника. Так, на стр. 333 опять-таки не показано прогрессивное значение польского шляхетства в его освободительной борьбе против русского абсолютизма в XIX веке. И в первоначальном авторском тексте переоценивается значение стихийных движений крестьянства против абсолютизма: этим движениям приписывается недостававшая им сознательность.

Авторы учебника во многих случаях перегрузили свое изложение мелкими фактами, которые все равно не останутся в памяти у учащихся, и недостаточно рельефно изобразили общую линию исторического процесса.

Мы отнюдь не можем здесь поставить себе целью разобрать сколько-нибудь подробно все отступления от учения Маркса — Энгельса — Ленина, от указаний ЦК партии, допущенные в учебнике Ванага и др. Авторы дали яркий пример того, как не следует писать историю СССР для средней школы.

Независимо от принципиальных отступлений от марксистско-ленинского метода, независимо от того, что произведение Ванага и др. не удовлетворяет требованиям, которые мы имеем право предъявить учебнику для средней школы, авторы его отнеслись недопустимо небрежно и к стилю и к отдельным формулировкам. Они не обратили внимания на ясные указания ЦК партии, что в учебнике «должно быть взвешено каждое слово и каждое определение». Из ошибок Ванага и др. должны извлечь урок наши работники исторического фронта. Авторы учебника дали образец того, как не надо писать учебников для школьников.

2

Не лучше обстоит дело и с курсами Истории СССР для начальной школы. Элементарный курс Истории

СССР, составленный Лозинским, Вернадским, Гитисом, Карповой и Фельдманом, дает мало гражданской истории и мало фактического материала. Крайне характерно, что в первой части учебника почти нет хронологии, и здесь факты привлекаются только в качестве иллюстраций для общих социологических положений.

Как достоинство учебника можно отметить ясность и популярность изложения, но оно неровное и слишком сжатое.

В учебнике Лозинского и других не вскрыта положительная роль образования великорусского государства, не показано значение борьбы Минина и Пожарского против иноземцев за освобождение России от чужеземного господства (стр. 79—80).

Лже-Дмитрий I, именуемый в учебнике Дмитрием, изображается как вождь крестьянского восстания! (Стр. 77).

Нечего и говорить, что и здесь мы не имеем истории народов СССР, а только историю Великороссии.

Правда, авторы учебника пытаются связать русскую историю с мировой историей, но делают это не вполне удачно. Так, например, во второй части ряд страниц посвящен буржуазной революции конца XVIII века во Франции без раскрытия прогрессивной роли буржуазии того времени.

При изложении новейшей истории страны дается мало фактов.

Отсутствует в учебнике показ национально-освободительных движений. Ничего не сказано о польских восстаниях 1830 и 1863 годов против царизма, хотя авторы должны были бы знать то громадное значение, которое придавали Маркс, Энгельс и Ленин борьбе шляхетской Польши, как форпоста европейской демократии, против царского абсолютизма.

Недостаточно показана и колониальная политика царизма. В учебнике не сказано о захвате Финляндии и Приамурья в XIX веке.

Сплошь и рядом в этом учебнике допускаются неряшливые формулировки, которые могут ввести в заблуждение учащихся. Так, из изложения на стр. 110 можно подумать, что Маркс уже в молодости изучал русский язык.

На стр. 120 неправильно изложено

отношение Маркса и Энгельса к войне 1870 — 1871 гг. Не показана положительная оценка Марксом и Энгельсом национальных войн. Не показано прогрессивное значение реформы Петра I для развития страны; не показана роль реформы 1861 г. как шага по пути буржуазного преобразования страны.

Очень нескладно изложена февральская революция 1917 г.

Изложение фактов недостаточно конкретно. Так, например, в рассказе о положении в деревне в период, предшествовавший Октябрьской революции, приводится факт расправы с крестьянами карательным отрядом, но не говорится, где и в каком месте произошли рассказанные события.

Изложение новейшей русской истории, особенно XX века, более удалось авторам учебника и может быть признано удовлетворительным.

Нужно еще добавить, что и в этом учебнике почти отсутствует показ истории русской культуры; хотя авторы пытаются кое-где это сделать, но делают это неудачно.

Общий вывод: элементарный курс русской истории Лозинского и других должен быть коренным образом переработан на основе замечаний ЦК партии для того, чтобы стать пригодным к употреблению.

Переходим теперь к элементарному курсу истории СССР Минца, Мороховца, Нечкиной, Сыроечковского и Сыроечковской.

Этот курс страдает теми же недостатками, что и другие учебники. Здесь изложение фактов гражданской истории сплошь и рядом подменяется «дурной социологией». Не показывается положительное значение образования национального великорусского государства, борьба Минина и Пожарского в 1613 году против поляков и шведов трактуется в антимарксистском духе, то есть в духе левацкого «интернационализма». И здесь нет истории народов СССР. Авторы ограничивают свое изложение только великорусским народом. Движение Минина и Пожарского, выбивших поляков из Кремля, трактуется просто как «контрреволюция».

Изучающие историю по этому учебнику: дети могут думать, что

Дмитрий-Самозванец был революционером и вождем крестьянских войн начала XVII века.

Авторами данного учебника ничего не говорится о положительной роли петровских преобразований. Говоря о буржуазной революции во Франции XVIII века, они не отмечают, что она знаменовала шаг вперед в развитии человечества.

Авторы учебника упускают из виду то азбучное положение марксизма, что капитализм есть благо в отношении к средневековью. Тем самым они становятся на антиисторическую точку зрения.

Авторы данного учебника умалчивают о польском восстании 1830 г. против царизма, о захвате Финляндии и Приамурья самодержавием в XIX веке.

При изложении XX века авторы Элементарного курса не учитывают в своем изложении борьбы течений в рабочем движении вопреки ясным указаниям ЦК ВКП(б). (Это относится и к учебнику ленинградской группы).

Очень мало внимания уделено борьбе с меньшевиками. Ничего не сказано о роли большевистских депутатов четвертой думы. Неверно изложено содержание манифеста 17 октября 1905 г. (стр. 105). Не удалось авторам изложение февраля 1917 г. и апрельских тезисов Ленина.

Достоинством учебника является ясное и популярное изложение эпохи интервенции и гражданской войны.

И в данном учебнике имеется ряд крайне неряшливых, небрежных формулировок.

На стр. 111 читаем об Австрии: «Рабочие вышли на улицу и добились от буржуазии права выборов — в 1905 г». Нужно было сказать: «все-

общего, равного, прямого и тайного избирательного права», так как в выборах участвовали рабочие и раньше.

При изложении событий XX века и истории нашей партии не редки примеры вульгаризации, — так обстоит дело с изложением спора о параграфе 1 устава на II съезде партии.

Вот как рисуются «левые» эпохи реакции: «Богданов, Каменев, Луначарский требовали от Ленина поскорее выступить с восстанием!» (стр. 117).

На стр. 114 читаем о Пражской конференции нашей партии в 1912 г.: «Она постановила исключить из партии левых»!

Колониальная политика (стр. 117) характеризуется так: «Немцы, англичане, французы, американцы и русские бесцеремонно захватывали целые государства в Азии, Африке и Австралии». Какие были государства в Австралии?

На стр. 127 так характеризуется тактика Ленина в июльские дни 1917 г.: «Рабочим Петрограда надо подождать, пока вся страна разберется в политике» (?).

О II съезде советов мы читаем: «Новая власть объявила конец войны» (стр. 133), и т. д., и т. д.

Подобных примеров неряшливости формулировок и искажения фактов можно было бы привести очень много.

Это показывает, что и авторы данного пособия не учли, что перед ними стоял вопрос о создании учебника, в котором должно быть взвешено каждое слово, так как он пишется для миллионов.

В данном виде учебник непригоден для употребления в школе и должен быть коренным образом переработан.

П. Ефремов

XIV СЪЕЗД ПАРТИИ—

СЪЕЗД СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СТРАНЫ

1

Внутренняя и внешняя обстановка ко времени XIV съезда характеризовалась двумя основными моментами: окончанием восстановительного периода в нашей стране и частичной, или временной, стабилизацией капитализма и отливом революционного движения в Европе. К этому времени наша страна в результате быстрого подъема промышленности и сельского хозяйства подходила уже к довоенному уровню производства. Планом 1926 года намечался объем промышленной продукции в 87—88% довоенного уровня, по сельскому хозяйству—около 95% довоенной нормы. Особенностью экономического положения в 1925 г. было то, что если в предыдущие годы имело место некоторое отставание в промышленности и как следствие этого «ножницы» между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары, то в 1925 г. рост промышленности происходил быстрее роста сельского хозяйства. XIV партийная конференция приняла ряд хозяйственно-политических мероприятий, направленных к ликвидации отставания сельского хозяйства.

При общем росте промышленности в целом происходил более быстрый рост государственной и кооперативной промышленности (социалистического сектора) по сравнению с частной промышленностью, которая в абсолютных цифрах продолжала еще расти, но удельный вес ее прогрессивно падал: с 23,7% в 1923—1924 г. до 20,7% в

1924—1925 году. Большие успехи ко времени XIV съезда мы имели в области торговли и кооперации. 1924—1925 хозяйственный год был первым годом, когда и в розничной торговле доля государственной и кооперативной торговли стала больше доли частной торговли; в особенности крупные успехи были достигнуты нами в области кооперативного строительства.

С окончанием восстановительного периода на очередь дня со всей остротой встали задачи социалистической реконструкции всего народного хозяйства. В области классовых взаимоотношений в это время был большой рост численности рабочего класса как результат быстрого развития промышленности и улучшения материального положения рабочих: средняя заработная плата подходила к довоенному уровню, а по отдельным отраслям промышленности превысила его. В связи с быстрым ростом промышленности на фабрики и заводы приходили новые слои рабочих—полукрестьяне, не оторвавшиеся еще полностью от деревни, уезжавшие туда на летние работы и в своем отношении к производству и к государственным фабрике и заводу отражавшие деревенские, мелкобуржуазные настроения.

Рост продукции сельского хозяйства привел к улучшению материального положения крестьянства. С хозяйственным ростом страны поднималась политическая активность всех классов населения. Тезисы Сталин в политотчете ЦК на XIV партсъезде указал: «Мы вступили в полосу оживления всех классов и всех социальных группировок. Оживился рабочий класс, оживилось крестьянство со всеми своими группировками, оживилась и новая буржуазия, ее агенты в деревне (кулаки), ее представители в интеллигенции. Этот факт послужил основой того поворота в нашей политике, выражением которого являются решения XIV партконференции. Политика оживления советов, политика оживления кооперации, профсоюзов, уступки крестьянству в смысле уточнения вопросов об аренде и наемном труде, мате-

риальная помощь бедноте, политика прочного союза с середняком, ликвидация остатков военного коммунизма,— вот в чем главным образом выразился новый курс партии в деревне»¹.

Основными фактами международного положения ко времени XIV партс'езда были отлив резолюционного движения в Европе при одновременном росте его в колониях и полукOLONиальных странах и частичная, или относительная, стабилизация капитализма: капитализм временно выкарабкался из того хаоса, в котором он очутился после войны, и начал наступление на рабочий класс. Наша быстро растущая и крепнущая страна вынуждена была строить и развивать свое хозяйство, разрешать труднейшие задачи социалистического строительства в обстановке враждебного капиталистического окружения, когда темпы мировой революции замедлились.

2

В такой переломный момент с исключительной остротой встал вопрос о дальнейших путях нашего социалистического строительства, основной вопрос о возможности построения социализма в нашей стране. Впервые этот вопрос был сформулирован Лениным в 1915 г., во время мировой империалистической войны, на основе глубокого марксистского анализа империализма как новой, высшей стадии капитализма и открытого Лениным закона о неравномерности экономического и политического развития капитализма. В статье «О лозунге Соединенных штатов Европы» Ленин писал тогда: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприровав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы

других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств»².

С тех пор Ленин и Сталин и до и после Великой пролетарской революции 1917 г. неоднократно подтверждали правильность этого положения. На XIV партконференции по этому вопросу была принята специальная резолюция. В своем докладе активу московской организации об итогах работ конференции товарищ Сталин с особенной силой подчеркнул этот вопрос, указав, что отрицание возможности построения социализма в нашей стране является вместе с тем и отрицанием социалистического характера нашей революции, «...ибо если возможность и необходимость построения полного социалистического общества исключается по тем или иным соображениям, то тем самым теряет смысл и Октябрьская революция»³.

На XIV партийном с'езде товарищ Сталин, исходя из ленинского учения о возможности построения социализма в одной стране, наметил основные линии социалистического строительства в нашей стране и выдвинул лозунг социалистической индустриализации страны, превращения ее из аграрной в индустриальную, экономически самостоятельную, производящую своими силами средства производства (машины и оборудование) для всех отраслей народного хозяйства, способную благодаря своему экономическому росту служить могучим средством революционизирования рабочих всех стран и угнетенных народов колоний и полукolonий. Эти задачи должны были осуществляться пролетариатом и его партией на основе прочного союза со средним крестьянством, при опоре на бедноту, через политическую изоляцию и хозяйственное оттеснение кулака и городского капиталиста, через вовлечение все большей массы крестьянских хозяйств при помощи кооперации в русло социалистического строительства, обеспечивая тем победу социалистических хозяйственных форм над капиталистическими.

² Ленин. Т. XVIII, стр. 232—233.

³ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 124. Партиздат. 1932.

¹ Стенографический отчет XIV с'езда, стр. 41. Госиздат. 1926.

В области внешней политики товарищ Сталин указал, что нашей задачей является борьба против новых войн, за сохранение мира и обеспечение так называемых нормальных отношений с капиталистическими странами путем разоблачения попыток, предпринимаемых международной буржуазией в подготовке войны, путем использования противоречий между капиталистическими странами и расширением в то же время наших торговых связей с капиталистическим миром при сохранении и укреплении монополии внешней торговли.

С особой силой товарищ Сталин подчеркнул на съезде значение партии как основной руководящей силы в системе диктатуры пролетариата.

«Но эти успехи,—говорил товарищ Сталин,— были бы невозможны, если бы наша партия не стояла на высоте задач, если бы она не росла и не крепла. Значение партии в этом отношении, как руководящей силы, неизмеримо. Диктатура пролетариата проводится не самотеком, а, прежде всего, силами партии, под ее руководством. Без руководства партии в современных условиях капиталистического окружения диктатура пролетариата была бы невозможна. Стоит только поколебать партию, ослабить ее, чтобы мигом поколебалась и ослабла диктатура пролетариата. Этим именно и объясняется, что все буржуа всех стран с бешеным говорят о нашей партии»¹.

3

Против генеральной линии партии, против сталинских установок о социалистической индустриализации страны выступили на XIV партийном съезде штрейкбрехеры Октября Зиновьев и Каменев, которые между XIV партконференцией и XIV съездом гнусными методами обмана, демагогии и двурушничества сколотили против партии и ее ленинского ЦК антипартийную группировку так называемой «новой оппозиции». Этими же методами они подобрали ленинградскую делегацию на съезд из сторонников оппозиции и противопоставили ее Центральному

комитету партии и подавляющему большинству съезда.

Основной вопрос, по которому Зиновьевская антипартийная группа атаковала линию партии, был вопрос о возможности построения социализма в нашей стране. «...Неверие в победу социалистического строительства, — писал вскоре после XIV съезда товарищ Сталин, — является основной ошибкой новой оппозиции. Ошибка эта является, по-моему, основной потому, что из нее проистекают все остальные ошибки новой оппозиции»².

Из неверия в победу социалистического строительства в нашей стране вытекала штрейкбрехерская, капитулянтская позиция Зиновьева и Каменева в Октябре и тотчас после Октября: их отказ идти на Октябрьское восстание и их предательское поведение в переговорах с Викжелем после победы революции, когда они соглашались на образование «социалистического» правительства из меньшевиков и эсеров, т. е. на сдачу уже завоеванной пролетариатом власти буржуазии. В обстановке переломного периода в 1925 г. Зиновьев и Каменев снова выступают против линии партии. Накануне XIV партконференции Зиновьев и Каменев утверждали на одном из заседаний Политбюро, что «...мы не сможем справиться с внутренними трудностями из-за нашей технической и экономической отсталости, если только нас не спасет международная революция»³.

Таким образом, Каменев и Зиновьев отрицали наличие внутренних предпосылок для построения социализма в СССР и по существу переходили на точку зрения троцкизма. На XIV партконференции Зиновьев и Каменев признали формально правильность партийной линии по вопросу о строительстве социализма в одной стране и голосовали за резолюцию по этому вопросу. Лицемерно, двурушнически соглашаясь с линией партии на конференции, Зиновьев через несколько месяцев выпускает книгу «Ленинизм», в которой, извращая ленинское учение, доказывал, что строить социализм

² Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 141. Партиздат. 1934.

³ Стенографический отчет XV партконференции, стр. 445. Госиздат. 1927.

¹ Стенографический отчет XIV съезда, стр. 51. Госиздат. 1926.

в одной стране можно, но построить нельзя до тех пор, пока в западно-европейских странах не установится диктатура пролетариата. На XIV партийном съезде сторонники Зиновьева из ленинградской делегации потребовали содоклада для Зиновьева, который выступил на съезде с ревизией основ ленинизма по всем коренным вопросам революции. Он заявил, что оппозиция спорит с партией по вопросу о том, «можно ли окончательно построить социализм и закрепить социалистический строй в одной стране, и притом не в такой стране, как Америка, а в нашей, крестьянской»¹.

Признание возможности построения социализма в одной стране Зиновьев нагло осмелился характеризовать как национальную ограниченность, как отход от интернационализма. Капитуляция перед капиталистическими элементами в СССР и перед мировой буржуазией — вот к чему в конечном итоге сводилась позиция зиновьевской антипартийной группы. Съезд признал, что взгляды оппозиции, «...делая невозможным сознательное отношение масс к строительству социализма вообще и социалистической промышленности в частности, способны лишь затормозить рост социалистических элементов хозяйства и облегчить борьбу с ними со стороны частного капитала. Съезд считает поэтому необходимой широкую воспитательную работу для преодоления этих извращений ленинизма»².

Все остальные ошибки «новой оппозиции» вытекали из основной ее ошибки — из неверия в победу социалистического строительства в нашей стране. «Что такое неверие в победу социалистического строительства в нашей стране? — ставил вопрос товарищ Сталин и отвечал следующим образом: — Это есть, прежде всего, отсутствие уверенности в том, что основные массы крестьянства могут втянуться, в силу известных условий развития нашей страны, в дело социалистического строительства. Это есть, во-вторых, отсутствие уверенно-

сти в том, что пролетариат нашей страны, имеющий в своем распоряжении командные высоты народного хозяйства, способен втянуть основные массы крестьянства в дело социалистического строительства»³.

Механически перенося на нашу страну пролетарской диктатуры те условия развития крестьянства, которые существовали в капиталистических странах, «новая оппозиция» не верила в возможность и неизбежность социалистического пути развития деревни, отрицала ленинский кооперативный план социалистической переделки крестьянского хозяйства, преувеличивала процесс дифференциации деревни, впадала в панику перед кулаком и недооценивала роль и удельный вес середняка, который являлся центральной фигурой земледелия. Решения XIV партконференции, которые имели целью способствовать более быстрому развитию производительных сил в деревне и ликвидации отставания сельского хозяйства от промышленности, Каменев на съезде истолковывал не как уступки крестьянству, имеющие целью облегчить его приобщение к социалистическому строительству, а как уступки кулаку, обвиняя партию в недооценке кулацкой опасности. Каменев клеветал на партию, сознательно замалчивая те решения XIV партконференции, которые были направлены к ограничению эксплуататорских, кулацких элементов деревни. Свои просчеты, как руководителя СТО, в области хлебозаготовок Каменев пытался переложить на партию, доказывая, что эти просчеты явились результатом неправильной политики партии в деревне. Осенью 1925 г. Каменев выступил на пленуме МК с докладом о политическом положении страны, в котором доказывал, что 14% кулаков держат в своих руках 61% хлебных излишков. Это означало, что центральной фигурой в деревне был уже не середняк, а кулак; этим по существу ревизовалась вся политика партии в деревне, направленная на обеспечение прочного союза с середняком.

Товарищ Сталин в политотчете ЦК указал, что в партии наметились два уклона: уклон в сторону преуменьше-

¹ Стенографический отчет XIV съезда, стр. 98. Госиздат. 1926.

² Там же, стр. 516.

³ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 141, Партиздат. 1934.

ния кулацкой опасности, который нашел свое выражение в писаниях Богушевского, Слепкова и др., и уклон в сторону переоценки кулацкой опасности, в растерянности и панике перед кулаком. Этот второй уклон по отношению к крестьянству выражала новая оппозиция. Съезд особенно подчеркнул необходимость борьбы с этим последним уклоном, так как «...этот второй уклон грозит возвратом к политике раскулачивания, срывом нынешней линии партии в деревне, линии, уже обеспечившей серьезные политические успехи, срывом смычки между пролетариатом и крестьянством и, стало быть, срывом всей нашей строительной работы»¹.

Съезд одобрил решения XIV партконференции, направленные на дальнейшее улучшение политики партии по линии укрепления союза рабочего класса с крестьянством. Съезд констатировал, что решения XIV партконференции коренным образом улучшили положение в деревне, подняли авторитет пролетариата и его партии среди крестьянства и создали прочную базу для широкой организаторской работы по вовлечению крестьянства в социалистическое строительство. Съезд одобрил также решение октябрьского пленума ЦК о материальной помощи бедноте и об организации групп бедноты, принятое пленумом на основе тезисов товарища Молотова о работе в деревне. Создание особых групп или фракций бедноты имело целью организованный классовый отпор бедноты кулакам как на хозяйственном, так и на политическом фронте и превращение бедноты в надежную опору пролетарской политики в борьбе за сплочение середняка вокруг пролетариата.

4

Не веря в победу социалистического строительства в нашей стране на основе внутренних сил революции, новая оппозиция впадала в панику перед трудностями нашего строительства, капитулянтски преувеличивала отрицательные стороны нэпа и, не по-

¹ Из резолюции съезда по отчету ЦК. Стенографический отчет XIV съезда, стр. 518. Госиздат. 1926.

нимая двойственной природы его, трактовала нэп, как отступление по преимуществу. Она преувеличивала роль капиталистических элементов нашего хозяйства и преуменьшала роль наших экономических командных высот (социалистической госпромышленности, транспорта, кредитной системы, монополии внешней торговли). Оппозиция отрицала, что наши государственные фабрики и заводы являются предприятиями последовательно социалистического типа, и объявляла их госкапиталистическими. Такие взгляды оппозиции особенно вредили делу воспитания новых слоев рабочего класса, на несознательности которых оппозиция спекулировала. Разновидностью госкапитализма оппозиция объявляла и кооперацию. Наиболее ярко выразил капитулянтскую позицию Зиновьевской антипартийной группы Сокольников, который сталинской линии на социалистическую индустриализацию страны противопоставил другую, диаметрально противоположную линию на аграризацию, на подчинение нашей страны иностранному капиталу, на превращение ее в придаток капиталистической системы. Сокольников считал госкапитализмом и социалистическую госпромышленность, и транспорт, и Госбанк, и государственную внутреннюю и внешнюю торговлю. В начале 1922 г. Сокольников предлагал превратить тресты из чисто государственных предприятий в частнохозяйственные, работающие при участии иностранного капитала, и отменить монополию внешней торговли. На этой капитулянтской, ликвидаторской позиции Сокольников продолжал оставаться до XIV партсъезда. На самом съезде он предлагал свертывание нашей промышленности под видом усиления сельского хозяйства, экспорта за границу и ввоза предметов широкого потребления. Все эти предложения, как охарактеризовал их тов. Рудзутак в своем выступлении на съезде, являлись отрицанием основ нашей экономической политики, ведущим к подрыву советской власти. Товарищ Сталин разоблачил аграризаторскую платформу Сокольникова как капитуляцию перед мировым империализмом.

Съезд отверг платформу оппозиции и поставил задачей: «...вести эконо-

мическое строительство под таким углом зрения, чтобы СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратилась в страну, производящую машины и оборудование, чтобы таким образом СССР в обстановке капиталистического окружения отнюдь не мог превратиться в экономический придаток капиталистического мирового хозяйства... для чего держать курс на индустриализацию страны, развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования»¹.

Новая оппозиция извращала ленинское учение о диктатуре пролетариата и ленинское учение о партии. В своей книге «Ленинизм», вышедшей перед XIV партс'ездом, Зиновьев отождествлял диктатуру пролетариата с «диктатурой» партии, отрицая ленинское положение, что партия руководит советами и всеми массовыми организациями рабочего класса, но не подменяет их. Ленинско-сталинскую партию, это величайшее орудие освобождения трудящихся, оппозиционеры считали обреченной на перерождение.

На XIV с'езде тов. Захаров, приветствовавший с'езд от имени армейских большевиков ленинградского гарнизона, рассказал, как Зиновьев на собрании актива Василеостровского района 7 ноября говорил о том, что «...15 000 бюрократов социал-демократии в Германии изменили, переродили германскую социал-демократическую революционную партию»². Залуцкий, который был секретарем Ленинградского губкома, открыто говорил о перерождении старой ленинской гвардии. Выступая в роли «спасителей» от такого перерождения, оппозиционеры предлагали к XV с'езду довести процент рабочих от станка в партии до 90.

Товарищ Молотов в организационном отчете ЦК указал, что если провести в жизнь это предложение, то необходимо было бы к миллиону членов и кандидатов партии принять дополнительно еще 5 миллионов рабочих от станка. Это означало для

того времени поголовный прием в партию всех рабочих, включая и только что пришедших из деревни. Таким образом полностью стерлись бы грани между партией как авангардом рабочего класса и рабочим классом в целом. Это был возврат к планам меньшевика Аксельрода в 1906—1907 гг. о создании «широкой рабочей партии», подобной английским лейбористам. Под видом внутрипартийной демократии новая оппозиция требовала свободы фракций и группировок внутри партии.

В свих атаках на партию Зиновьев и Каменев все усилия направляли на дискредитацию всегда партии товарища Сталина и неоднократно выступали со всякого рода «платформами и проектами», которые имели целью сменить руководство партии и дать большинство в ЦК Зиновьеву, Каменеву и их сторонникам. Товарищ Ворошилов в своем выступлении на с'езде разоблачил махинации Зиновьева и Каменева, которые созывали в конце 1923 г. в Кисловодске «пещерное» совещание своих сторонников и предлагали блок Троцкому для борьбы с партией, для борьбы против товарища Сталина. В конце 1924 г. Зиновьев и Каменев требовали исключения Троцкого из партии, а в 1926 г. они полностью солидаризировались с ним и организовали оппозиционный блок на платформе троцкизма. Таким образом, брошенный Зиновьевым на XIV с'езде клич ко всем разбитым партией оппозиционным группировкам об объединении нашел свое осуществление.

С'езд дал решительный отпор всем попыткам оппозиции ослабить единство партии, расшатать большевистскую партийную дисциплину. С'езд указал, что правильное регулирование социального состава партии может проводиться только на основе поднятия качественного состава партийных организаций, поэтому наряду с облегчением формальных условий для вступления в партию рабочих с'езд указал на необходимость большей внимательности при индивидуальном приеме в партию. С'езд отверг меньшевистско-аксельродовские «планы» оппозиции как попытки, «...ничего общего с ленинизмом не имею-

¹ Из резолюции с'езда по отчету ЦК. Стенографический отчет XIV с'езда, стр. 514 и 516. Госиздат. 1926.

² Стенографический отчет XIV с'езда, стр. 923. Госиздат. 1926.

щие, отрицающие правильное соотношение между партией (авангардом класса) и классом и делающие невозможным коммунистическое руководство. Руководящая роль партии может быть полностью обеспечена лишь при абсолютном единстве воли, сплоченности партийных рядов, сохранении и укреплении большевистской пролетарской дисциплины в партии»¹.

Новая оппозиция, исходя из своей антипартийной позиции недооценки середняка, предлагала и в отношении комсомола вместо вовлечения в него лучшей части середняцкой молодежи создавать из нее отдельные делегатские собрания вокруг комсомола. Это в условиях роста активности крестьянства создавало угрозу оформления крестьянского союза молодежи, противопоставляющего себя комсомолу, угрозу разрыва союза рабочего класса с крестьянством.

5

Какими методами новой оппозиции удалось хотя бы на короткое время ввести в заблуждение ленинградскую организацию и противопоставить ленинградскую делегацию на XIV съезде ленинскому Центральному комитету и подавляющему большинству съезда? Это было достигнуто путем самого гнусного обмана, бесстыдной демагогии, двурушничества, клеветы на ЦК, угрозами и зажимом в ленинградской организации, где Зиновьев, Залуцкий и др. были в то время в руководстве.

Товарищ Каганович в своем выступлении на съезде с предельной ясностью разоблачил демагогию зиновьевцев, их «левые» фразы, которыми они прикрывали свое капитулянтство. Зиновьев выступал с демагогическим эсеровским лозунгом равенства, предлагал дать по лошади каждому безлошадному. Каменев на пленуме МК перед съездом и на московской губпартконференции предлагал участие рабочих в прибылях — маневр, который применяли капиталисты в некоторых странах для одурачивания рабочих.

¹ Из резолюции съезда по отчету ЦК. Стенографический отчет XIV съезда, стр. 520. Госиздат. 1926.

Товарищ Каганович в упор поставил Зиновьеву как руководителю в Ленинграде, Каменеву как председателю СТО и Сокольникову как руководителю Наркомфина вопрос, почему они, вместо того чтобы демагогически болтать о помощи бедноте, не осуществили этого на практике, хотя бы в небольшом районе.

Зиновьевская антипартийная группа сделала двурушничество системой своей антипартийной «работы». Мы упоминали уже о двурушничестве в поведении Зиновьева и Каменева на XIV партконференции. Выступая на районных и на XXII ленинградской губпартконференции, сторонники новой оппозиции не противопоставляли свои взгляды линии ЦК, а, наоборот, подчеркивали, что они стоят за ЦК, за единство партии. Выносили резолюции доверия ЦК, а одновременно с этим вели тайную, фракционную работу, подбирали сторонников, сколачивали кадры фракционеров. Зиновьев за три дня до съезда участвовал в пленуме ЦК и голосовал за все основные положения, которые предлагались съезду, ни слова не говоря на этом пленуме о разногласиях с большинством ЦК, а через три дня выступил на съезде с содокладом.

В Ленинграде перед съездом велась тщательная «подготовка». Из списков делегации на съезд снимались крепкие большевики-ленинцы и заменялись сторонниками оппозиции. Тайная фракционная работа велась при подготовке конференции как путем индивидуальной «обработки» отдельных членов партии, так и путем совещаний, на которые допускались только сторонники оппозиции.

Товарищ Ярославский, которому как секретарю партколлегии ЦКК, было поручено выяснить всю антипартийную «работу» тогдашнего ленинградского руководства, рассказал на съезде, как секретарь райкома Черный давал задания члену своей организации тов. Филиппу Иванову — «...вести осторожно подготовительную работу, начав с тех ребят, кого ты больше и лучше знаешь... Мы должны вести осторожно такую подготовительную работу к районным и губернским конференциям и к XIV съезду,

чтобы свою точку зрения перед всей партией и ЦК заявить: в четверть голоса на районных конференциях, в полголоса на губернской партконференции и полным голосом должна будет заявить эту точку зрения наша делегация на XIV партс'езде»¹. Подбирались «надежные» люди в руководство партийными коллективами и парторганизациями на местах — «некрепких» снимали. Так был снят секретарь Гдовского укома тов. Васильев.

Товарищ Молотов в своем заключительном слове показал все лицемерие оппозиционеров, когда они на словах кричали о внутрипартийной демократии, а на деле применяли методы самого грубого зажима. Товарищ Молотов напомнил «демократические» приемы работы оппозиции, выразившиеся, между прочим, и в том, что еще до партийной конференции полный список губкома и губКК нового состава был утвержден старым губкомом. Во время самого с'езда, когда Выборгский райком пытался собрать партийный актив для вынесения приветствия с'езду, Ленинградский губком запретил это собрание актива. Тов. Черкасов, приветствовавший с'езд от рабочих-коммунистов завода «Знамя труда», рассказал с'езду о той обстановке, какую оппозиционеры создали в Ленинграде, когда партийную литературу с информацией о работе с'езда рабочие-коммунисты вынуждены были получать нелегально. В свою антипартийную «работу» оппозиция втянула комсомол. Руководителями ленинградской организации комсомола тогда были Румянцев, Котолынов, Толмазов и др., которые стали впоследствии участниками контрреволюционного подпольного «Ленинградского центра», организаторами и соучастниками злодейского убийства товарища Кирова.

Незадолго до XIV с'езда ленинградский губком комсомола, по зиновьевским указаниям, пытался создать наряду с ЦК ВЛКСМ другой параллельный центр в Ленинграде. На ленинградскую комсомольскую конференцию

¹ Стенографический отчет XIV с'езда, стр. 202. Госиздат. 1926.

он созывал представителей комсомола от целого ряда губернских организаций и от национальных республик. Ленинградским губкомом была пущена в обращение «снятая папка» с тенденциозно подобранными документами, содержащими клевету на ЦК и имеющими целью противопоставить комсомол партии.

Выступление зиновьевской оппозиции явилось предметом ликования для всей белогвардейщины. Товарищ Ворошилов в своем выступлении на с'езде привел сообщение из газеты «Дни», издающейся в Берлине, с заголовком «Петербург против Москвы»; в этом сообщении белогвардейские писаки солидаризировались с зиновьевской фракцией, хвалили ее за «боевое» выступление против ЦК. Товарищ Орджоникидзе, анализируя методы борьбы оппозиции против ЦК, сказал, что содоклад Зиновьева является торжеством для белогвардейцев. Белогвардейцы всех мастей рассчитывали, что выступление зиновьевской оппозиции поколеблет стальное единство нашей партии и покачнет диктатуру пролетариата. Но, как и всегда, и на этот раз они просчитались. Вся партия сплотилась еще теснее вокруг ленинского ЦК, вокруг любимого вождя партии товарища Сталина и нанесла сокрушающий удар штрейкбрехерам и капитулянтам, разгромив оппозицию.

6

На XIV партс'езде оппозиция потерпела жесточайшее поражение. Товарищ Сталин в своем заключительном слове камня на камне не оставил от ее «принципиальных» положений и от ее практических предложений. Перед оппозицией товарищем Сталиным был поставлен со всей твердостью вопрос о подчинении большинству партии. Зиновьевцы выбрали другой путь и продолжали борьбу против партии и после с'езда, пытаясь удержать под своим влиянием ленинградскую организацию. Но никакая демагогия, никакие ухищрения и маневры не могли спасти оппозицию. Еще до с'езда против зиновьевского руководства губкома выступил Выборгский район, во главе которого стояли испытанные большевики-ленинцы. Во время с'езда одна за другой

приезжали делегации от коммунистов-рабочих с предприятий заявить о своей преданности партии и готовности бороться с оппозицией. За Выборгским районом последовал партийный актив Петроградского района, который выступил против оппозиции, несмотря на противодействие райкома. Огромное значение имело выпущенное с'ездом обращение «Ко всем членам организации РКП(б)», в котором разоблачались обман и двурушничество оппозиции и выражалась уверенность, что Ленинградская организация, которая всегда шла в передовых рядах партии, «сумеет исправить ошибки, допущенные ленинградской делегацией».

Тотчас после с'езда ЦК направил в Ленинград группу членов ЦК: товарищей Кирова, Молотова, Калинина и Ворошилова,—для того чтобы обеспечить правильное партийное освещение решений с'езда перед ленинградскими рабочими-коммунистами. Огромная работа, развернутая этими членами ЦК по раз'яснению решений с'езда, вскоре дала свои результаты: не прошло и месяца, как оппозиция была разбита полностью, оппозиционно настроенные элементы были изгнаны из бюро коллективов и из руководства райкомов. 12 февраля на чрезвычайной ленинградской губпартконференции был избран новый состав губкома во главе с товарищем Кировым. Ленинградская организация снова сплотилась вокруг ленинского ЦК. Товарищ Киров, руководя почти в течение десятка лет Ленинградской организацией, провел колоссальную работу по выкорчевыванию остатков оппозиции, по сплочению партии вокруг ЦК. Вот почему такой звериной ненавистью пылали к товарищу Кирову презренные подонки зиновьевской оппозиции. Нам известна дальнейшая судьба зиновьевской оппозиции: еще раз они пытались, объединившись со всеми другими разбитыми антипартийными группировками, выступить против партии, но были еще раз биты и выброшены из партии. Затаивши злобу, ничтож-

ная кучка заклятых врагов партии, сделавшая двурушничество и обман своей системой, проникла снова в ряды партии, продолжая вести подпольную работу, готовя заговоры и террористические акты против вождей партии и рабочего класса. Превратившись в замаскированную белогвардейскую банду, сомкнувшуюся с зарубежной контрреволюцией через посредство консула капиталистического государства, оппозиция закончила свой позорный путь злодейским убийством товарища Кирова.

Десятилетие, прошедшее после XIV с'езда партии, полностью подтвердило абсолютную правильность генеральной линии нашей партии, гениальность и величие ленинско-сталинского плана построения социализма в СССР.

На основе сталинской программы социалистической индустриализации страны, победоносно осуществляя план первой и второй пятилеток, наша страна добилась колоссальных успехов, вступила в полосу зажиточной жизни. Социализм победил окончательно и бесповоротно. Успехи социалистического строительства, мощное стахановское движение открывают новый этап и в развитии мировой пролетарской революции, показывая пролетариям капиталистических стран и угнетенным народам колоний единственный правильный путь для их освобождения от ига капитализма. Эти колоссальные успехи достигнуты нашей страной под руководством большевистской партии и ее ленинского ЦК во главе с вождем партии и народа товарищем Сталиным.

Закончившаяся проверка партийных документов, очистившая партию от классово чуждых элементов, троцкистов, зиновьевцев и других врагов партии, подняла на неизмеримо большую высоту большевистскую бдительность и боевую сплоченность рядов партии. Несокрушимой стеной стоит партия вокруг своего ЦК и любимого вождя товарища Сталина.

Жюль Роше

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ФРАНЦИИ НА Боевом посту

Коммунистическая партия Франции пришла к своему 15-летнему юбилею с большими успехами. Опыт создания единого рабочего фронта и народного фронта против фашизма и войны, героические бои в феврале 1934 г. и массовые народные демонстрации в июле 1935 г., во главе которых шли французские коммунисты, имеют международное значение. Это особенно ярко подчеркнул в своей речи на закрытии VII всемирного конгресса Коммунистического интернационала тов. Димитров:

«Заслуга французской коммунистической партии в том, что она поняла, что нужно делать сегодня, не послушалась сектантов, державших партию и мешавших осуществлению единого фронта борьбы против фашизма, а смело, по-большевистски пактом о совместных действиях с социалистической партией подготовила единый фронт пролетариата как основу для складывающегося антифашистского народного фронта. Этим делом, отвечающим жизненным интересам всех трудящихся, французские рабочие, коммунисты и социалисты, вновь выводят французское рабочее движение на первое, ведущее место в капиталистической Европе, показывают, что они являются достойными потомками коммунаров и носителями славных заветов Парижской коммуны.

Французской коммунистической партии и французскому пролетариату

принадлежит заслуга, что они своей практикой борьбы единым пролетарским фронтом против фашизма помогли в подготовке решений нашего конгресса, имеющих такую огромную важность для рабочих всех стран» (выделено мною.— Ж. Р.)¹.

Как и какими путями коммунистическая партия Франции сумела добиться этой величайшей похвалы со стороны сталинского рулевого Коммунистического интернационала тов. Димитрова? Как и какими путями компартия Франции сумела добиться того, что французское рабочее движение вновь выходит на первое, ведущее место в капиталистической Европе? Ответ на эти вопросы можно получить только при рассмотрении всего славного и героического пути, который прошла компартия Франции.

Борьба за создание коммунистической партии Франции.

В апреле 1919 г. Ленин писал: «Глубокие корни III Интернационала надо знать, чтобы понять его неизбежность и различие в путях, подводящих к нему разные национальные социалистические партии» (выделено мною.— Ж. Р.)².

История борьбы за создание компартии Франции, охватывающая период с августа 1914 г. по декабрь 1920 г., со всей наглядностью вскрывает глубоко лежащие корни III, Коммунистического интернационала.

Официальные вожди Французской социалистической партии (ФСП) и Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) уже в самом начале мировой империалистической войны выступили в роли предателя рабочего класса Франции.

¹ Г. Димитров. Конгресс широкой мобилизации сил против фашизма и войны. Речь на заключительном заседании VII конгресса Коммунистического интернационала 20 августа 1935 года. («КИ» № 23—24 за 1935 год, стр. 6).

² Ленин. Т. XXIV, стр. 243.

В. И. Ленин. 1917 г.

Предательство вождей дезорганизовало и обезоружило массы перед лицом классового врага—буржуазии.

Рабочие все более становятся в оппозицию по отношению к верхам Французской социалистической партии, тысячами покидают ее ряды, перестают выписывать и покупать газету «Юманите», занявшую социал-шовинистические позиции. Число членов социалистической партии, которое доходило в начале 1914 г. до 94 тыс., упало в первый год войны до 24 тыс., а тираж «Юманите» с 66 тыс. в июле 1914 г. падает до 25 тыс. в декабре 1914 года.

Оппозиция по отношению к верхам растет не только внутри французской социалистической партии, но и во Всеобщей конфедерации труда.

Рабочие, солдаты и трудящиеся Франции постепенно узнают, что Ленин — руководитель большевиков — открыто выступил против империалистической войны и шовинизма, против тех социалистов, которые пошли на сделку со своей отечественной буржуазией, против II интернационала, за превращение империалистической войны в гражданскую и за создание нового, III интернационала.

В сентябре 1915 г. на первую международную социалистическую конференцию в Циммервальде (Швейцария)

полулегально отправляются из Франции синдикалист Мерргейм (секретарь Национальной Федерации металлистов) и социалист Бурдерон (секретарь союза бочаров).. Оба они примыкают к правому крылу конференции и выступают против тех элементов, которые группируются вокруг Ленина. И Мерргейм и Бурдерон больше всего боялись раскола со своими социал-шовинистическими верхами, больше всего боялись развязать подлинно массовое революционное движение. Но объективно участие Бурдерона и Мерргейма в Циммервальдской конференции и подписание ими совместно с «врагами» — немецкими делегатами — манифеста сыграло положительную роль в развитии во Франции движения против войны и шовинизма. Возвратившись во Францию, Мерргейм и Бурдерон первое время выступают в своих организациях против открытого социал-шовинизма Жуо, Тома, Самба и Реноделей. Уже на конгрессе ФСП в декабре 1915 г. сторонникам Циммервальда удается собрать против официального руководства 76 голосов. Это была первая победа французских циммервальдистов. В январе 1916 г. они создают Комитет по восстановлению международных связей (КВМС).

Возникнув как организация для пропаганды идей Циммервальда, этот Комитет вскоре объединил вокруг себя значительное число сторонников Циммервальда. Листовки и брошюры, которые Комитет выпускал только для членов организации, пользовались большой популярностью и среди рабочих, так как в них бичевался шовинизм, разъяснялось, что «эта война—не наша война», что «защита отечества—не социалистическое д.

Среди металлистов, землекопов, учителей, среди женщин-социалисток, среди социалистической молодежи создаются группы циммервальдистов, идущие значительно дальше чем Мерргейм и Бурдерон. Уже в 1916 г. отдельные интернационалисты во Франции начинают разделять и проповедывать взгляды сторонников «циммервальдской левой».

Ленин, внимательно следивший за малейшим развитием оппозиционного движения против войны, в феврале 1916 г. пишет обращение к фран-

цузским товарищам «О задачах оппозиции во Франции». В этом обращении он дал французским левым программу революционных действий, указал им путь дальнейшей борьбы за революционную партию, за пролетарскую революцию.

Задача заключалась в том, чтобы еще теснее связаться с массами, заставить колеблющихся или уйти с дороги или перестать колебаться, а также в том, чтобы левые циммервальдисты взяли руководство Комитетом по восстановлению международных связей и превратили его в центр подлинно интернационалистских элементов. Обращение Л е н и н а сыграло решающую роль в сплочении левого крыла циммервальдского движения во Франции.

Опубликованное отдельной листовкой, это обращение получило широкое распространение во Франции и способствовало росту сторонников левых. Один рядовой французский рабочий, ознакомившись с обращением Л е н и н а, заявил: «Раньше я думал, что социализм мертв, но теперь я вижу, что он живет, и весть об этом живом социализме я понесу в массы».

Сквозь тройную цензуру — правительство, ФСП и ВКТ — сторонники «циммервальдской левой» во Франции и отдельные русские большевики (И. Арманд, С. Гопнер, Л. Сталь и др.), находившиеся тогда во Франции, несли весть о живом, подлинном социализме, знамя которого высоко держал Л е н и н .

Во время II международной социалистической конференции в Кинтале (апрель 1916 г.) наблюдалось уже значительное укрепление группы сторонников «циммервальдской левой» во Франции. Правда, французские делегаты из-за правительственных репрессий не смогли выехать на конференцию.

На конференцию по собственной инициативе прибыли три депутата-социалиста: А. Блан, П. Бризон и Раффен-Дюжанс. Под давлением левых элементов конференции эти три «кинтальских паломника», как их прозвала французская буржуазная пресса, взяли на себя обязательство выступать против войны и шовинизма и го-

Тов. Димитров.

лосовать во Французской палате против военных кредитов.

Бризон и Раффен-Дюжанс приняли на себя это обязательство из боязни потерять влияние в массах и желая путем ловкой «левой» фразеологии удержать рабочих от революционных выступлений. Но в революционное движение как раз в это время вступили достойные и лучшие сыны французского народа: возвращается с фронта раненый Анри Барбюс, который пошел добровольцем на войну, и издает в 1916 г. свой знаменитый антимилиитаристский роман «В огне», явившийся набатным призывом к борьбе против войны и шовинизма. Рядом с А. Барбюсом становятся молодые писатели Раймонд Лефевр (инициатор и организатор Союза красных фронтовиков во Франции) и Вайян Кутюрье (один из активных деятелей циммервальдистского, а затем и коммунистического движения), ныне ответственный редактор «Юманите».

Рост революционного движения выдвигает новые кадры, крепнущие в борьбе против войны и шовинизма, и отбрасывает малодушные, трусливые элементы вроде Мерргейма и Бурдерона, которые в конце 1916 г. открыто переходят на сторону социал-шовинистов.

Руководство циммервальдским дви-

Тов. Торез.

жением внутри ФСП переходит к Раппопорту, Вайян Кутюрье, Лефевру и др. Против шовинистического руководства в ВКТ: Жуо, Дюмулена, Бледа и К^о — сколачивается оппозиционная группа, во главе которой стоят Мидоль, Монмуссо, Семар и др.

Французские циммервальдисты приветствуют Великую пролетарскую революцию в России и поднимают во Франции знамя борьбы в защиту Советской России.

Под влиянием пролетарской революции в России, с одной стороны, и резкого ухудшения жизненного уровня народных масс вследствие затянувшейся войны — с другой, во Франции с 1917 г. начинается мощный подъем рабочего и революционного движения. В апреле и мае 1917 г. во французской армии прокатывается волна восстаний: целые корпуса отказываются выполнять приказы командования; в ряде мест создаются нелегальные советы солдатских депутатов, распространяются листовки и прокламации с лозунгом «Смерть генералам, долой войну!» Два революционных полка покидают позиции и идут на Париж, чтобы силой оружия заставить правительство и генералов прекратить

войну. В самом Париже в эти месяцы (май и июнь) происходят всеобщие забастовки. На улицах и площадях появляются демонстрации с красными знаменами и лозунгом «Верните наших солдат с фронта!»

Франция переживает острейший революционный кризис, из которого французская буржуазия сумела выйти, опираясь, с одной стороны, на колониальные войска (аннамитов), а с другой — на социал-предателей из ФСП и ВКТ, которые в те дни представляли последний якорь спасения для буржуазии.

Подавленное в крови летом 1917 г., революционное движение поднимается — под влиянием победы Великой пролетарской революции в России — с новой силой в конце 1917 г. и весной 1918 года. По стране прокатывается волна всеобщих политических забастовок, основным лозунгом которых является лозунг «Долой войну!»

В 1918 г., когда немецкие войска оккупировали Украину и Прибалтику и первые японские интервенционистские войска вступили на Дальнем Востоке на территорию Советской России, французские циммервальдисты выступают как самые ярые противники интервенции. В выпущенной ими листовке подчеркивается, что политика Германии и Японии ведет к «новой войне феодальной и империалистической Японии против русской революции с согласия и с помощью союзника. Возникнув как раз в тот момент, когда социалистическое правительство России пытается добиться передышки... эта война стремится к удушению русской социалистической революции, атакуемой одновременно с Востока и Запада».

Французские циммервальдисты заканчивают листовку следующим призывом:

«Так как будущее Европы и развитие социалистического и рабочего движения теснейшим образом связаны с судьбой революции, развертывающейся на огромной территории России, то французский пролетариат протестует против новой, чисто империалистической и открыто контрреволюционной войны, готовой вспыхнуть на Дальнем Востоке, и призывает рабо-

Забастовка металлистов в Гавре. 1920 г.

Митинг в лесу.

чий класс всего мира с величайшей энергией воспротивиться интервенции».

Это выступление французских циммервальдистов против интервенции и в защиту Советской России показало, что французский пролетариат теснейшим образом связал свою судьбу с судьбой Великой пролетарской революции в России. Об этом же свидетельствуют и все последующие выступления французского пролетариата в защиту Советской России в 1919—1921 гг. и в особенности выступление—под руководством А. Марти — моряков французского флота на Черном море, поднявших весной 1919 г. знамя восстания в защиту Советской России.

В марте 1919 г. в Москве под руководством Ленина и Сталина образовался Коммунистический интернационал, к которому присоединились французские циммервальдисты.

Комитет по восстановлению международных связей был реорганизован в «Комитет III интернационала», основной задачей которого были пропаганда идей Коммунистического интернационала, главным образом среди французских социалистов, завоевание ре-

волюционных социалистических элементов на сторону коммунизма и присоединение французской социалистической партии к Коммунистическому интернационалу. Это была трудная задача потому, что французские центристы во главе с Лонге, Поль Фром и Фроссаром, пытаясь удержать массы, тяготеющие к коммунизму, вели очень ловкую и завуалированную пропаганду против III интернационала.

Ленин, чтобы облегчить французским товарищам, примкнувшим к III интернационалу, задачу разоблачения социал-центристов, обратился к ним со специальным письмом, в котором, указывая на трудности, встающие перед ними в их борьбе против французских центристов типа Лонге, советовал им быть более энергичными и твердыми в проведении своей линии (октябрь 1919 г.).

Однако Лорио, один из руководителей Комитета III интернационала, не только не последовал совету Ленина, но на конгрессе ФСП в Страсбурге, в феврале 1920 г., выступил против положений Ленина, заявив, что мнение Ленина о Лонге еще не есть мнение всего Коммунистического интернационала. Лорио также возражал

Гов. Мануильский.

против ленинских лозунгов, поражения своего правительства и превращения империалистической войны в гражданскую.

Выступление Лорно до известной степени деморализовало сторонников III интернационала. Этим воспользовались центристы (Поль Фор, Лонге и др.), выступавшие против линии Коммунистического интернационала. Они предложили реорганизовать Интернационал и созвать конгресс всех партий, входящих во II и III интернационалы, а также и вышедших из II интернационала. Их резолюция собрала 3031 голос против 1621 голоса сторонников немедленного присоединения к III интернационалу.

Однако массы рабочих во Франции вопреки центристам неудержимо тяготели к III интернационалу. Это особенно ярко сказалось после окончания мировой войны, все бремя которой, равно как и расходы по интервенции в Советскую Россию в 1919—1920 гг. были возложены на плечи трудящихся. Еще в октябре 1919 г. Ленин писал:

«...кризис, вызванный войной, настолько серьезен, что даже в странах-победительницах трудящиеся массы неизбежно осуждены на ужасающую нищету. Отсюда—быстрый рост коммунизма, растущая симпатия к

Советской власти, к III интернационалу»¹.

В 1919—1920 гг. по всей стране прокатывается мощная волна экономических и политических стачек, массовых демонстраций и манифестаций.

В мае 1920 г. происходит грандиозная всеобщая забастовка железнодорожников, к которой присоединились металлисты, горняки, химики, матросы торгового флота и представители ряда других профессий. Но вследствие предательства реакционных вождей ВКТ (Жуо, Бледа и К^о) железнодорожники терпят поражение.

Раймонд Лефевр, один из активнейших борцов за создание компартии Франции, писал: «Опыт стачечной борьбы 1920 г. показал массам, что есть только одно решение: или диктатура пролетариата или полное закабаление рабочего класса».

Массы решительно поворачивают к коммунизму. И под нажимом масс значительная часть в ФСП объявляет себя сторонниками Коммунистического интернационала.

В Москву отправляются Кашен и Фроссар. Они с правом совещательного голоса участвуют во II всемирном конгрессе Коммунистического интернационала. Возвратившись во Францию, Кашен и Фроссар подписывают совместно со сторонниками Комитета III интернационала резолюцию о присоединении к Коминтерну с обязательством защищать ее на очередном конгрессе ФСП в Туре в декабре 1920 года.

Эта резолюция находит широкую поддержку среди членов ФСП.

Социал-оппортунисты и центристы, действовавшие заодно, сделали все возможное, чтобы провалить на конгрессе ФСП сторонников присоединения к III интернационалу: для выступлений на Турском съезде они мобилизовали своих лучших ораторов, вносили десятки заявлений, требовали пересмотра повестки дня и т. д. Социал-центристов поддерживал Фроссар.

Огромную поддержку сторонникам III интернационала оказала Клара Цеткин, приехавшая полулегально на съезд ФСП в Тур в качестве пред-

¹ Ленин. Т. XXIV, стр. 501.

COMITÉ D'ACTION INTERNATIONALE
SECTION FRANÇAISE

Dirigé par: H. VAN DE LANSBEEKEN - PARIS

№ _____

Nom _____

Prénoms _____

Adresse _____

Le Secrétaire: _____ Le Trésorier: _____

Signature de l'Adhérent

Proletaires de tous les pays, unissez-vous!

ANNÉE 1916

		SEPTEMBRE
DECEMBRE	NOVEMBRE	DECEMBRE

Adhésion: 0,50. — Cotisation mensuelle: 0,50

Членский билет французской секции «Интернационального комитета действия».

ставителя Коминтерна. В своей речи Клара Цеткин заявила:

«Надо отрешиться от прошлого, от реформистской, оппортунистической политики большинства и от центризма, от их оппортунистических и контрреволюционных идеологий и фразеологий... надо перемениться по существу. Не следует лишь в книгах проповедывать III интернационал. Коммунизм обязывает французский пролетариат делать революцию не только на бумаге. Нужны революционные действия».

Выступление Клары Цеткин, телеграмма ИККИ, подтверждавшая ленинскую характеристику Лонге и К^о как утонченных оппортунистов, с которыми коммунистам не по пути, содействовали победе сторонников присоединения к III интернационалу.

Большинством в 3208 голосов против 1022 при 397 воздержавшихся и 32 отсутствующих съезд высказался за присоединение к III интернационалу.

Большинство на съезде в Туре призывает меньшинство подчиниться решению конгресса, но Поль Фор,

Блюм, Ренодель и др. предпочитают продолжать политику классового сотрудничества с буржуазией, чем подчиниться решению большинства. Они нарушают политическое единство рабочего класса Франции и, выступая как раскольники, создают в противовес большинству съезда в Туре свою партию — партию диссидентов и соглашателей, выступающих против политического единства рабочего класса и в течение свыше десятка лет против единого фронта пролетариата Франции.

Поль Фор, Лонге Ренодель и др., заявлявшие на съезде в Страсбурге в начале 1920 г. о своем выходе из II интернационала, уже в 1921 г. снова возвращаются в этот «старый дом».

Против фроссаровщины, за консолидацию компартии Франции

Образование в декабре 1920 г. коммунистической партии было только первым шагом в создании подлинного, боевого авангарда революционного пролетариата во Франции. Перед французскими интернационалистами встала труднейшая задача — превра-

Адри Барбюс.

твить в повседневной жизни и борьбе свою партию в действительно революционную партию, т. е. соответственно этому пересмотреть содержание, формы и методы партийной работы. Еще в марте 1922 г. Ленин писал, что «преобразование старого типа европейской парламентской, на деле реформистской и лишь слегка подкрашенной в революционный цвет партии в новый тип партии, в действительно революционную, действительно коммунистическую партию, это — вещь чрезвычайно трудная. Пример Франции показывает эту трудность, пожалуй, всего нагляднее»¹.

В компартии Франции осталось значительное число правооппортунистических элементов типа Фавра, Бризона, Мерика, Верфейля и др., уже выступавших против основных принципов и тактики Коммунистического интернационала. В частности Бризон, Верфейль и Пиок, тогдашний секретарь коммунистической организации Парижа, заявили, что Красная армия Советской России должна показать пример «абсолютного уничтожения милитаризма» и полностью разоружиться.

Эти «мысли» развивались в газете «Ваг», которую редактировал Пьер Бризон, отказываясь поставить ее под какой бы то ни было контроль партии.

На этот же путь отказа от контроля партии стал и Фавр, редактор «Журналь дю пепль», вокруг которого он группировал всех интеллигентствующих литераторов, попутчиков, недовольных III интернационалом. Эти правооппортунистические элементы находили полную поддержку у тогдашнего секретаря ЦК партии Фроссара, саботировавшего целый ряд решений ИККИ и, в частности, решение об исключении из рядов партии Фавра. Левые элементы в партии, продолжавшие объединяться с «Комитетом III интернационала» (был распущен только в конце 1921 г.) и журналом «Коммунистический бюллетень», при поддержке Коммунистического интернационала выступили против правооппортунистической тактики Фроссара и К^о. В партии создалось напряженнейшее положение, приведшее к кризису, который разразился на марсельском съезде партии в декабре 1921 года.

Перед КПФ стояла задача разработки своих программных, тактических и организационных принципов. В этом отношении огромное значение имело использование опыта партии большевиков и реализации тех прямых указаний, какие систематически давал Французским коммунистам Ленин.

Марсельский конгресс КПФ среди ряда вопросов должен был обсудить также и аграрный вопрос, тезисы по которому были подвергнуты Лениным суровой критике. Ленин в своих указаниях марсельскому съезду подчеркивал, что пролетариат должен стать во главе широчайших народных масс и задача французских коммунистов состоит в том, чтобы показать, «какое громадное большинство сельского населения Франции выиграло бы тотчас, немедленно и очень значительно от пролетарской революции»².

Эти, как и целый ряд других указаний Ленина, сыграли колоссальную роль в деле преобразования КПФ в подлинный революционный авангард французского пролетариата и трудящихся масс. Но правые оппортунисты во главе с Фроссаром выступили против указаний ИККИ и Ленина

¹ Ленин. Т. XXVII, стр. 203.

² Там же, стр. 105.

о перестройке партии на основе демократического централизма, против усиления роли Центрального комитета партии, против введения строгого контроля партии над парламентской, журналистской и прочей деятельностью членов партии, против тесной связи с Коммунистическим интернационалом и подчинения его директивам. Фроссар отстаивал принцип построения партии на основе автономизма и децентрализма:

«Я представлял себе Интернационал как сумму партий, в то время как Москва рассматривает Интернационал как единую партию, строго централизованную и руководимую маленькой группой лиц, пользующейся всей полнотой власти. Подобное представление только повторяет ошибку I интернационала, который погиб вследствие своего централизма».

Правые оппортунисты на съезде в Марселе добились того, что интернационалистские элементы, избранные съездом в состав ЦК, отказались войти в него, и ЦК целиком попал в руки Фроссара и его сторонников.

Оппортунистическая тактика Фроссара, а также и крупная ошибка интернационалистских элементов были осуждены ИККИ в марте 1922 года. ИККИ дал французской секции Коминтерна совершенно ясную и четкую линию дальнейшей борьбы за преобразование партии и за завоевание большинства рабочего класса. Французская делегация огласила на заседании ИККИ декларацию, в которой обязалась «положить конец фракционности, внутренним раздорам и злобной полемике, дабы осуществить тесное сплочение всех коммунистов».

Ни одно из указаний ИККИ, однако, не было выполнено руководящей группой в ЦК компартии Франции во главе с Фроссаром. Последний вместе с Мериком и К^о выступил ярким противником тактики единого фронта. Выставлялись десятки аргументов, придумывались сотни отговорок, чтобы доказать невозможность применения тактики единого фронта во Франции. Фроссар и К^о стремились к тому, чтобы, изгнав из компартии Франции наиболее активные интернационалистские элементы и тем самым изолиро-

Раймонд Лефевр.

вав их от рабочего класса, расколоть и ликвидировать компартию. Эта раскольническая и предательская тактика Фроссара, тайно подготовлявшего удар коммунистическому движению во Франции, стала явной на съезде КП Франции в Париже в октябре 1922 года.

На этом съезде фроссаровское большинство с провокационной целью объявило, что левым будет предоставлено в Центральном комитете и в редакции «Юманите» только незначительное число мест. Кое-кто из левых поддался на эту провокацию и потребовал раскола с большинством съезда.

Создалось чрезвычайно тяжелое положение. И только благодаря настойчивости и большевистской твердости присутствовавшего на съезде в качестве руководителя делегации Коммунистического интернационала тов. Мануильского удалось избежать раскола коммунистической партии Франции.

В своем обращении к левым делегатам съезда тов. Мануильский писал:

«Интернационал просит левую войти в Центральный комитет на паритетных началах и принять те посты, которые вам доверит конгресс как в политбюро, так и в других органах партии. Преклоняясь перед волей Ин-

Андре Марти в 1908 году.

тернационала, после предварительного совещания вы должны заявить о том, что вы сохраняете за собой право протестовать перед IV конгрессом Коммунистического интернационала против положения, созданного в партии».

Однако правые и примиренчески от-

Группа матросов французского броненосца «Франс», где были волнения 19—23 апреля 1919 г. Севастополь.

носящиеся к ним элементы (увидя, что левые интернационалистские элементы, верные дисциплине Коммунистического интернационала, соглашались на их требования) решили пойти на дальнейшую провокацию и заявили, что не предоставят левым ни одного места ни в ЦК, ни в редакции «Юманите».

Это наглое и неслыханное требование Фроссара и К^о вызвало взрыв негодования среди левых, и некоторые из них выступили с требованием немедленно покинуть съезд и создать свою особую партию.

Тов. Мануильскому стоило большого труда убедить левых не оставлять съезд, а, подчинившись этим неслыханным требованиям, протестовать против них перед IV конгрессом Коминтерна.

Благодаря тов. Мануильскому и дисциплине в рядах левых линия на раскол партии, систематически подготавливаемая Фроссаром и К^о, потерпела поражение, и коммунистическая партия Франции осталась единой.

IV конгресс Коммунистического интернационала, происходивший в конце 1922 г., осудил оппортунистическую тактику фроссаровцев и разработал боевую программу действия для французских коммунистов.

Фроссар покидает ряды партии. Вместе с Мериком, Пиоком и К^о он создает партию «социалистов-коммунистов», которая в течение года влачит жалкое существование, после чего почти все ее члены переходят во французскую социалистическую партию.

Первое испытание огнем

Франция в это время переживала период самой обостренной классовой борьбы. Реакционное правительство Пуанкаре оккупировало Рур. Все революционные организации рабочего класса были поставлены, по существу, вне закона. Началась полоса суровых репрессий против руководителей компартии и красных профсоюзов. Французские коммунисты прилагают все усилия, чтобы добиться единства действий пролетариата Франции в его борьбе против французского империализма.

В этот напряженнейший момент

Французские коммунисты оказались на высоте положения. Уже 6 и 7 января 1923 г. на международной коммунистической конференции в Эссене, созванной в связи с оккупацией Рура, руководители французской делегации гг. Кашен и Монмуссо берут на себя обязательство развернуть в стране самую широкую антимилитаристскую кампанию. КП Франции выпускает десятки листовок, воззваний и обращений против оккупации Рура. Газета «Юманите», редактируемая Кашеном, мобилизует массы на борьбу против французского милитаризма и его наиболее реакционных представителей — Пуанкаре, Мильерана, Фоша и др.

14 января в Париже по призыву созданного по инициативе КПФ «Комитета действий против империализма и войны» устраивается демонстрация, в которой участвует 20 тысяч. Демонстрация проходит под лозунгами: «Долой оккупацию Рура!», «Долой Пуанкаре!», «Да здравствует война войне!»

Рабочий класс Франции отвечает на оккупацию Рура массовыми стачками: 7 февраля забастовало свыше 100 тыс. горняков железорудной промышленности; 16 февраля под руководством красных профсоюзов объявляется всеобщая забастовка горняков, в которой участвует свыше 200 тысяч.

Особенно массовый характер принимают стачки, манифестации и демонстрации в день 1 Мая. Не было ни одного промышленного центра, ни одного крупного предприятия, где рабочие Франции в той или иной форме не протестовали бы против оккупации Рура. Основными лозунгами 1 Мая были немедленная эвакуация Рура, отмена Версальского договора, полная амнистия всем политическим заключенным и восстановление нормальных отношений с СССР. Авторитет компартии в результате правильной боевой тактики колоссально повысился. Тираж «Юманите» со 120 тыс. поднимается до 250 тыс. экземпляров, а компартия в течение нескольких недель собирает по подписным листам на фабриках и заводах 500 тыс. франков на расширение кампании против оккупации Рура.

В эти труднейшие для партии дни в

Клара Цеткин. 1920 год.

ее ряды вступают Андре Марти, освобожденный под давлением масс из каторжной тюрьмы, где он пробыл почти пять лет, Анри Барбюс, упорный и страстный борец против войны, за дело коммунизма, а за ними — сотни лучших рабочих и представителей трудовой интеллигенции. В ряде городов Рура, откликаясь на призыв компартии Франции и Германии, братались французские солдаты и немецкие рабочие. В Майнце за братание было арестовано свыше 20 французских солдат и немецких рабочих. Французский генерал Дегут, командовавший оккупационными войсками в Руре, провоцирует в марте 1923 г. кровавое столкновение в Эссене, в результате которого было убито 13 и ранено 30 рабочих. В связи с этими событиями ИККИ и Исполбюро Профинтерна в своем воззвании «К рабочим всех стран» призывают рабочих Франции выйти

«на демонстрацию против кровавого режима генерала Дегута в Рурском бассейне на улицы Парижа под лозунгами: «Долой рурскую оккупацию!», «Да здравствует мир с германскими трудовыми массами!»

Выполняя указания ИККИ о тактике единого фронта, КП Франции обращается к съезду ФСП, открывшемуся 3 февраля 1923 г. в Лилле, с предложением установить единый фронт борьбы против оккупации Рура, милитаризма и войны. 6 февраля съезд ФСП отклоняет предложение комму-

Агитплакат компартии Франции в 1923 году.

нистов о едином фронте, поддерживая тем самым реакционное правительство Пуанкаре. Компартия и красные профсоюзы неоднократно в течение 1923 и 1924 гг. обращаются к ФСП и реформистским профсоюзам с предложением установить единый фронт, но систематически получают отказ. Линия компартии на единый фронт не могла не вызвать симпатий к подлинным борцам против войны и империализма—коммунистам.

Активная боевая деятельность компартии Франции против империалистической политики вызвала самые острые репрессии со стороны правительства.

Уже 10 января 1923 г. в здании «Юманите» и в здании красных профсоюзов были произведены обыски и арестованы Монмуссо и ряд других деятелей КП Франции и Унитарной всеобщей конфедерации труда.

20 января 371 голосом против 173 был лишен парламентской неприкосновенности руководитель коммунистической фракции парламента М. Кашен. При выходе из палаты он был арестован и отправлен в тюрьму. Репрессиям подвергся также и комсомол.

По указаниям Пуанкаре, стремившегося организовать большой процесс против коммунистов, был сфабрикован подложный документ, имевший целью обвинить КПФ и УВКТ в государственной измене и подготовке ниспровержения существующего строя.

Вождь германского пролетариата тов. Тельман в своей статье, посвященной 10-летию оккупации Рура, приводит отрывки из обвинительного акта, в котором французским коммунистам инкриминировалось их участие в эссенской конференции и подписание ими общего манифеста.

«В этом манифесте,—гласил обвинительный акт,—мы находим подстрекательство к гражданской войне, призыв к солдатам не выполнять своего долга... Этот манифест — резкий обвинительный акт против версальского мирного договора и против плана оккупации Рурской области» (подчеркнуто Э. Тельманом)¹.

Отмечая боевые заслуги французских коммунистов и международную солидарность, проявленную ими, тов. Тельман пишет, что генеральный прокурор республики

«вменил нашим французским товарищам в вину такие их действия, которые навеки останутся в памяти международного пролетариата как славные революционные подвиги»².

Выбросив за борт Фроссара и его друзей, начав перестройку партии на основе фабрично-заводских ячеек, КП Франции выдержала первое испытание огнем и своей борьбой против французского империализма в период оккупации Рура показала, что она сделала значительный шаг вперед в деле выполнения завета Ленина о преобразовании партии старого типа в новую, подлинно коммунистическую партию. Однако это был лишь первый шаг.

Компартия Франции на пути большевизации

Реакционная политика Пуанкаре и Мильерана, поставившая экономику и

¹ Э. Тельман «Вперед—Красная армия освобождения!». «КИ» № 3 за 1933 год, стр. 48.

² Там же.

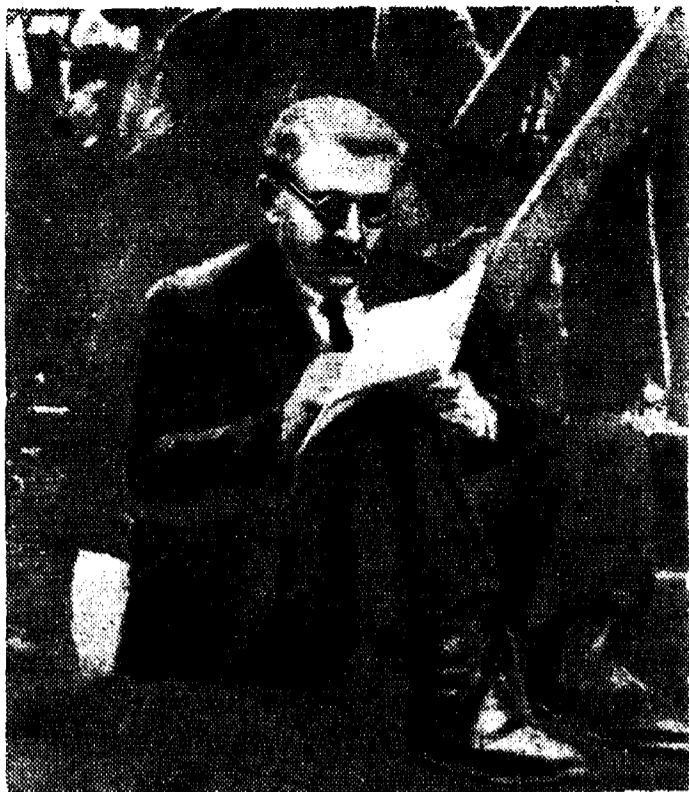
финансы Франции на край пропасти, значительно ухудшившая положение народных масс, вызвала глубокое недовольство не только пролетариата и трудящихся, но даже и средней буржуазии. Реакционные партии, составлявшие национальный блок, потерпели жестокий урон на парламентских выборах в мае 1924 года.

К власти приходит радикальное правительство во главе с Эррио. Компартия, завоевавшая благодаря своей активности симпатии масс, получает на выборах 900 тыс. голосов и 26 мест, причем из них Париж дал компартии 300 тыс. голосов и 12 мест. В результате коммунистическая фракция в парламенте выросла с 12 до 26 депутатов и компартия стала значительной политической силой, особенно в Париже. Под нажимом масс рабочих и трудящихся правительство Эррио возобновляет дипломатические отношения с СССР.

Во время парламентских выборов 1924 г. французские коммунисты дважды обращались к социалистам с предложением образовать в противовес буржуазному рабоче-крестьянский блок. Но французские социалисты предпочли пойти на соглашение с буржуазными партиями и не сочли даже нужным ответить на предложение коммунистов.

Правительство Эррио, прикрываясь пацифистскими фразами и выставляя себя на словах защитником трудящихся масс, при поддержке которых оно пришло к власти, на деле продолжает политику Версаля, политику новых колониальных захватов и дальнейшего наступления на рабочий класс. В апреле 1925 г. правительство Эррио уходит в отставку, и после ряда временных министров к власти в июле 1926 г. снова приходит Пуанкаре, который и находится у власти вплоть до июля 1929 года.

Именно в эти годы (1926 — 1927) правительство национального единения путем инфляции, а затем стабилизации франка на уровне одной четверти его довоенной стоимости перекладывает на плечи рабочих и трудящихся города и деревни всю тяжесть военных расходов, расходов по оккупации Рура, по проведению войн в Марокко и Сирии и колоссальные из-

Марсель Кашен готовится к выступлению на митинге. 1934 г.г.

держки, которые повлекла за собой реконструкция почти всей французской промышленности.

В эти тяжкие для рабочего класса Франции годы французская социалистическая партия проводит через парламент военный закон Поля Бонкура. По этому закону, все трудящиеся, в том числе женщины и старики, подлежат милитаризации. Реакционные вожди ФСП и ВКТ продолжают политику раскола рабочего класса, отказываясь от каких бы то ни было совместных выступлений с коммунистами.

Отдельные группы социалистических рабочих и некоторые местные реформистские профессиональные союзы вступают на путь совместной с коммунистами борьбы. В мае 1926 г. состоялся съезд французской социалистической партии в Клермон-Ферране. Компартия снова обратилась к делегатам съезда с предложением установить единый пролетарский фронт борьбы против правительства Пуанкаре, против войны в Сирии и Марокко. В ответ на это предложение социалистическая партия запретила своим членам участвовать в каких бы то ни было совместных выступлениях с коммунистами, запретила им входить в организации единого пролетарского фронта и даже в организацию МОПР.

Таковы были те условия, в ко-

торых лучшим представителям коммунистической партии Франции: гг. Марти, Кашену, Торезу, Мидолю, Вайян Кутюрье — приходилось бороться за установление единого пролетарского фронта борьбы.

Одним из важнейших условий для осуществления этой задачи была борьба за разгром антипартийных элементов внутри компартии, за идейно-политическое и организационное укрепление ее рядов, за большевизацию партии.

При самой активной поддержке Коммунистического интернационала и вождя международного пролетариата товарища Сталина компартии Франции удалось разгромить анархистские и анархо-синдикалистские элементы троцкистского толка (Росмер, Монатт и др.), которые пытались вбить клин между КП Франции и профессиональным движением. С помощью преданных делу рабочего класса руководителей УВКТ: гг. Фрашона, Монмуссо, Мидоля, Семара и др. — удалось улучшить работу красных профессиональных союзов.

Монмуссо.

Созванные КП Франции в 1925 г. в ряде департаментов рабоче-крестьянские съезды активно выступают против колониальных войн французского империализма в Марокко и Сирии. Массовая всеобщая политическая забастовка в октябре 1925 г., охватившая свыше миллиона человек, несмотря на некоторые организационные промахи неопомнала, как подчеркнул VI пленум ИККИ, «о лучших революционных традициях французского рабочего класса».

Упорная борьба против правых элементов типа Лорио—Паз, смыкавшихся с контрреволюционной группой Суварина, и против контрреволюционных троцкистских элементов типа Сюзанны Жиро и Трена привела к очищению компартии от антипартийных группировок, к укреплению ее рядов и подготовила партию к проведению тактики «класс против класса», которая была успешно применена на выборах 1928 года.

В годы 1928—1931 внутрипартийное положение КП Франции характеризовалось следующими фактами. В условиях стабилизации франка и начавшегося промышленного подъема усилилось наступление предпринимателей на зарплату рабочих, наступление реакции на революционные организации пролетариата и в особенности на компартию. Французский империализм, находившийся тогда во главе антисоветских сил, лихорадочно готовил войну против Советского союза. Ряд антипартийных группировок грубо, правооппортунистически извращал тактику партии. Эти элементы трактовали тактику единого фронта как установку на беспринципный новый «левый картель», они всячески пытались стереть границы между КП Франции и социалистической партией. В руководстве партии пользовалась влиянием антипартийная группа, во главе которой стояли агенты классового врага—Барбе и Селор.

Партия ведет упорную борьбу на два фронта. Эта борьба за очищение КП Франции от антипартийных группировок, за идейно-политическое и организационное укрепление ее рядов дала возможность коммунистической партии добиться тех успехов, с какими она пришла к VII конгрессу Ком-

мунистического интернационала и к своему 15-летнему юбилею.

Во главе масс против фашизма, войны и наступления капитала

Экономический кризис, который во Франции начался несколько позже, чем в США, Германии и других странах, с неменьшей силой ударил по всему хозяйству страны.

В поисках капиталистического выхода из кризиса французская буржуазия развертывает широкое наступление против рабочего класса, крестьянства, государственных служащих и инвалидов войны. Чтобы облегчить себе капиталистический выход из кризиса, реакционные круги французской буржуазии поощряют деятельность фашистов и в особенности поддерживают наиболее мощную фашистскую организацию «Боевые кресты». В этих условиях компартия Франции развертывает борьбу за создание единого фронта против наступления капитала, против фашизма и войны. Создается массовое движение против войны и фашизма, так называемое движение Амстердам—Плейель. И в февральские дни 1934 г., в ответ на выступление фашистов, рабочие дают им решительный и быстрый отпор.

Через головы реформистских вождей коммунисты устанавливают единый рабочий фронт снизу и организуют 9 февраля демонстрацию против фашизма. Эта мощная демонстрация 9 февраля явилась боевой мобилизацией сил рабочего класса и своеобразной репетицией всеобщей политической забастовки против фашизма.

И 12 февраля 1934 г., впервые в истории послевоенной Франции, забастовало около 4 млн. чел., из которых свыше миллиона участвовало в антифашистских демонстрациях.

Этот массовый под'ем рабочего движения против фашизма не мог не отразиться на поведении верхов французской социалистической партии. И если еще в мае 1934 г. съезд социалистов в Тулузе в ответ на предложение коммунистов вновь принимает решение об отказе установить единый рабочий фронт, то уже в июле того же года происходит встреча делегаций коммунистической и социалистической партий, а 27 июля 1934 г. под-

Вайян Кутюрбе.

писывается пакт о единстве действий против фашизма и войны.

Это было крупнейшей победой компартии Франции, которая с первых же дней своего существования вела борьбу за единство рабочего движения, за единый фронт пролетариата против буржуазии.

Но компартия Франции не остановилась на достигнутых успехах. На основе единого рабочего фронта был образован народный фронт против фашизма и войны. Внушительная антифашистская демонстрация народного фронта 14 июля 1935 г., в которой участвовало свыше полумиллиона человек, полностью подтвердила правильность тактической линии компартии Франции. Эта демонстрация показала, что между рабочим классом Франции и широкими слоями мелкой буржуазии можно создать блок для борьбы против фашизма, войны и наступления капитала. Значительных успехов компартия сумела добиться также и на муниципальных выборах и на выборах в сенат. Впервые за всю 15-летнюю историю КП Франции в

Люксембургский дворец — этот оплот консервативной французской буржуазии — вошел представитель компартии — тов. Марсель Кашен.

Под давлением широчайших народных масс, приведенных в движение благодаря величайшей активности коммунистов, собравшаяся в ноябре 1935 г. палата депутатов вынуждена была принять несколько законов, направленных против фашистских организаций.

Принятие закона о фашистских лигах — несомненный новый успех народного фронта. Но нужно помнить, что фашистские организации, выступившие в палате с «мирными» заявлениями, не думают самораспускаться или саморазоружаться. Рабочему классу Франции и его славной компартии предстоит еще большая работа для дальнейшего расширения и укрепления антифашистского и антивоенного фронта, для полного уничтожения фашистских организаций и мобилизации масс на победоносную борьбу за социализм.

* * *

Достигнутые компартией Франции успехи объясняются прежде всего тем, что коммунистическая партия Франции за 15 лет своего существования неизменно вела борьбу за идейно-политическое и организационное сплочение своих рядов вокруг Коммунистического интернационала и вождя международного пролетариата товарища Сталина.

Эти успехи объясняются тем, что компартия Франции отстаивала чистоту принципов и тактики Коммунистического интернационала, систематиче-

ски боролась против сектантства и правого оппортунизма.

Эти успехи можно объяснить тем, что коммунистическая партия Франции под неуклонным руководством Коммунистического интернационала смело и решительно боролась за проведение его решений и за завоевание на свою сторону рабочих, находящихся под влиянием реформистов и анархо-синдикалистов.

Но эти успехи — только первые шаги в завоевании большинства рабочего класса. Руководители коммунистической партии Франции прекрасно запомнили слова тов. Димитрова на закрытии VII всемирного конгресса Коммунистического интернационала: «...то, что сделано во Франции, — это лишь первые шаги». Выдвинутые на передовые позиции международного рабочего движения в капиталистической Европе, французские коммунисты ясно отдают себе отчет в тех огромных трудностях, которые им еще предстоит преодолеть в борьбе против фашизма, войны и наступления капитала.

Развитие коммунистического движения во Франции и его успехи, в особенности за последние годы, являются лучшей гарантией того, что компартия Франции под руководством Коммунистического интернационала сумеет по-боевому выполнить задачи, выдвинутые VII конгрессом Коминтерна, — завоевать большинство рабочего класса на сторону коммунизма и повести его в нужный момент на штурм капитализма, чтобы претворить в жизнь лозунг «Советы повсюду!»

★

В. Богданов**СМОЛЕНСКОЕ
ВОССТАНИЕ****„ЧЕРНЫХ
ЛЮДЕЙ“
В 1440 ГОДУ**

Редко у кого из русских буржуазных историков царского времени упоминается о смоленском восстании 1440 года. Нет ни слова о нем у В. Ключевского; у С. Соловьева в соответствующем месте лишь одна строка: «В старых городах: Смоленске, Муроме, Брянске — жители вмешивались в княжеские усобицы». Те же из старых буржуазных историков, которые описывали смоленское восстание, например Д. Мурзакевич, Писарев, Н. Никитин и др., освещали его в патристическом и национально-религиозном духе¹.

¹ Необходимо сделать несколько замечаний о состоянии источников, которыми приходилось пользоваться при освещении смоленских событий 1440 года. Естественно предполагать, что важнейшие первоисточники должны были сохраниться в Смоленске. Однако во время пожара 1812 г. погибли все архивы и все книгохранилища Смоленска.

Самым полным из сохранившихся летописных западно-русских списков является супрасльский список, относящийся к 1519 г. (уже после присоединения Смоленска к Московскому государству).

Однако этот список значительно уступает по полноте польскому списку Быховца.

Сравнительно полон список Ольшевского, передающий русский текст латинскими буквами и имеющий много польских слов.

В новгородской летописи (первой) события записаны кратко и очень неточно.

Академический список, передающий

Задача настоящего очерка кратко осветить действительные причины и ход восстания.

1

В начале XV в. Смоленское княжество занимало северо-восточный угол великого княжества Литовского. На севере оно соприкасалось с Новгородской землей, а на востоке граничило с Тверским княжеством (у истоков реки Западной Двины) и Великим княжеством Московским (по реке Угре).

Площадь, занимаемая Смоленским княжеством (около 50 тысяч кв. км), вдвое превосходила соседнее с ним Тверское княжество.

Население Смоленска было многонациональным: помимо русских там жили поляки, литовцы и др. Многонациональный состав населения важно учесть для правильного анализа событий 1440 года, так как некоторые буржуазные историки пытались объяснить вспыхнувшую там борьбу национальной рознью.

Точной цифры населения Смоленска к середине XV в. не удалось установить. Смоленск несколько раз вымирал от голода, несколько раз выгорал от пожаров.

Есть основание предполагать, что в XV в. население Смоленска было гораздо больше чем в 1804 году.

Так, в 1430 г. князь Свидригайло только с одними смоленскими ратниками отвоевал себе литовский престол. В 1482 г. князь Казимир имел в Смоленске 10 тысяч ратников.

В 1484 г. литовский король Андрей, «боящийся московского князя, держал в Смоленске 10 тысяч человек ратных», которые стояли в Смоленске «осень и зиму и лето все». (Псков-

значительную часть «Летописца великих князей Литовских», неудовлетворителен, как объясняется в предисловии к изданию, «вследствие потери рукописных листов».

Итак, кроме списка Быховца и приближающегося к нему по тексту супрасльского списка, не сохранилось документов о восстании.

ская летопись). В 1409 г. киевский митрополит поехал не в Киев, перед тем разрушенный татарским князем Эдигеем, а в Смоленск, находя его лучше и богаче Киева.

Д. Т. Багалеи в своей «Русской истории» считает, что население Смоленска превышало 30 тысяч человек.

Смоленское княжество к началу XV в. было типичным феодальным княжеством, в котором, с одной стороны, имелись крупные землевладельцы-феодалы, а с другой — крестьяне, находящиеся в экономической и политической зависимости от них. Крестьянин фактически был прикреплен к земле определенного феодала, так как хотя он и имел право уйти от феодала, но, уходя, лишался земли.

К концу XIII в. земледелие становится основным занятием жителей Литвы, Белоруссии и Западной Руси. Постепенно земля все более и более сосредоточивалась в руках князей, бояр и монастырей, что приводило к обострению взаимоотношений между землевладельцами и крестьянами.

Формами феодальной повинности были барщина и оброк. Барщинные работы были разнообразны: «орати, сеять, пожать, свезти, сено косити, сады оплетати, пруды прудити, церковь наряжати, двор тынити, на бобра ходити» и т. д.

Общая сумма крестьянских повинностей превышала половину валового дохода крестьянина.

Оброк вносился как продуктами скотоводства и земледелия (скот, мед, воск, сыр, хлеб), так и деньгами — серебщиной (с конца XIV в.).

Торговля с немецкими городами, а также непрерывные войны содействовали развитию городских цеховых ремесел. В начале XV в. в Смоленске имеются специалисты: кузнецы, котельники, кожемяки, сыромятники, мясники, сапожники, овчинники, соляники, калашники и т. д. Летописцы называют этот развивающийся слой населения «черными людьми» и часто причисляют к ним всех платящих подати, начиная от купца и кончая учеником ремесленника и смердом.

С переходом Смоленского княжества под господство Литвы и с ослаблением местной княжеской власти

«черные люди» начинают играть большую политическую роль.

Это ясно видно, например, из записи под 1440 г. летописного списка Быховца, приведенного в XVII т. «Полного собрания русских летописей»: «Задумали смольняне, черные люди, кузнецы, кожемяки, мясники, котельники, Андрея (наместника. — В. Б.) силою заслати с города».

2

События, непосредственно предшествующие восстанию 1440 г., привели к крайнему ослаблению города и его окрестностей. Город только что отстроился после пожара 1415 г., во время которого он весь выгорел. В 1433 г. литовский князь Витовт высылал из Смоленска всех русских князей и бояр и хитростью выслал их в Литву, рассчитывая таким образом ослабить княжество.

В 1438 г. в Смоленске был невиданный голод. Голод этот — одна из ярких картин разорения крестьянских хозяйств в результате княжеских походов, мобилизаций и поборов. Вот как записано о нем в Западно-русской летописи (список Рачинского):

«Был голод великий по селам и по городам, звери людей едали, а в городе у Смоленску по месту и по улицам собаки людей едали, головы, руки и ноги человеческие псы по улицам волочивали, люди людей едали, матки деток своих ели от великого голоду, а в пост великий мясо едали по селам и по волостям, а в тот час четверть жыта была по три копы грошей и много лиха того году вчынлося по всей земле Литовской и Русской и много кровопролитья сталося, брат брата своего рожего убивал и мор был вельми великий на люд, иж о таком страхе люди старые не могут паметати».

Голод, разорение, военные походы, междоусобицы князей, феодальный гнет, подати — подготовили восстание.

Непосредственным же толчком к восстанию послужили литовские события.

Литовский князь Сигизмунд, опасаясь измены, арестовал своих близких родственников, князей Юрия Лингвеневица и Олелька Владимировича, и

посадил первого в замок Трокский¹, а второго — в Керновский.

Замышляя расправу с другими шляхтичами, он вызвал в 1439 г. в Троки (резиденция Сигизмунда) на сейм своих наместников. Из Смоленска приехал Ян Гаштольт. Зная о его польской ориентации, Сигизмунд послал на его место в Смоленск наместником Андрея Исаковича.

В это время обиженная Сигизмундом шляхта, чтобы прекратить его «злые учинки», организовала заговор. Предполагалось убить Сигизмунда и на его место избрать Свидригайло. Отряд в 1800 человек под руководством воеводы Виленского Довгерда, воеводы Трокского Лелюши и князя Чарторийского, спрятавшийся в обозе с сеном, пробрался в Троки. Сигизмунд был зверски убит. Вместо него был избран князем 13-летний Казимир, сын Ягайла, племянник Яна Гаштольта. Казимир (вернее, его опекун) освободил князей, арестованных Сигизмундом. Юрию Лингвеневичу Казимир дал всю его вотчину — Мстиславль и Кричев, и тот отправился на княжение².

Новый наместник в Смоленске, Андрей Исакович, узнав весной 1440 г. о смерти Сигизмунда, имел достаточно оснований опасаться различных политических осложнений в Смоленском уделе. На всякий случай он организовал присягу смолян, чтобы «кого князи и панове литовский господарем оберут, (—им) от того не отступити, а иного господаря мимо того (им) не искати, а меня вам держати в себе воеводою, покуль сядет князь великий на Вильни»³.

Эта присяга оказалась искрой в бочке пороха.

У городских «черных людей» под влиянием удачного убийства Сигизмунда возник вопрос: почему бы вообще не воспользоваться моментом и

не освободиться от гнета бояр и князей? Почему бы им не выбрать правителем Смоленского княжества своего человека, который отражал бы и защищал бы интересы торгового и ремесленного люда?

Момент для восстания против литовских князей был чрезвычайно подходящим: московские князья Василий и его дядя Юрий Галицкий свыше 10 лет вели борьбу за великое княжество и не угрожали смолянам с тылу.

По мнению Мурзакевича⁴ и Писарева⁵, причина восстания объясняется тем, что «смоляне взбунтовались наскуча правлением литовцев» и «думали водворить русское православное правительство».

3

Летописи не называют имен организаторов и руководителей восстания. Восстание началось, как пишут летописцы, на святой неделе в среду (апрель 1440 года). «Черные люди задумали Андрея силою выгнать из города, а целование (присягу) преступити». Они вооружились. Взяли луки, стрелы, косы, секиры и, зазвонивши в ратный колокол, вышли толпой на площадь ко дворцу Андрея, около собора.

Уже такое начало исключает всякие сказки о православных, восставших против католиков, и ясно, что защитники православия выступали на площади около собора с оружием на четвертый день пасхи. Восставшие нарушали присягу, стремясь выгнать из города «от бога поставленного» князя.

Увидя на площади вооруженную толпу, перепуганный Андрей созвал совет бояр. Бояре решили сопротивляться и, собрав свои отряды, пошли против восставших.

Столкновение произошло возле церкви Бориса и Глеба. Бились жестоко. «Черные люди», вооруженные хуже бояр, отлично владели своим оружием, и их было значительно больше. Летописи не рассказывают, сколько «черных людей» и крестьян

¹ Замок выстроен на острове, посреди озера.

² Новгородская летопись не упоминает об аресте Юрия Сигизмундом и называет Юрия — Семеновичем, а не Лингвеневицем.

³ Список Быховца «Полное собрание русских летописей». Т. XVII, стр. 539—540.

⁴ Д. М. Мурзакевич «История губернского города Смоленска». Смоленск. 1804.

⁵ Писарев «История Смоленска».

участвовало в вооруженном столкновении с боярами. «Черные люди» дали отпор боярам. Много было убитых и раненых с обеих сторон¹. Ночью Андрей с женой и боярами выехал из города. Это ободрило восставших: схватив смоленского маршалка Петрыху, они утопили его в Днепре.

Вслед за этим все власти и все начальники были перебиты, утоплены или изгнаны из города.

Организуя свою власть, «черные люди» посадили себе «воеводой» князя Андрея Дорогобужского.

Но когда этот князь оказался нерешительным и неподходящим защитником восставшего Смоленска, «черные люди» заменяют его другим, но... князем же.

В том, что для организации военной защиты восставших был приглашен князь, и в том, что ему слепо доверились «черные люди», следует видеть одну из основных причин гибели восстания.

Вторым выбранным князем был Юрий Лингвеневи́ч. Князь Юрий — представитель оппозиции. Он сидел по распоряжению Сигизмунда, в Трокках и был отпущен в свою вотчину лишь после убийства Сигизмунда. Зная об этом, смольняне выбирают его в князья.

Летописцы связывают приглашение восставшими князя Юрия Лингвеневи́ча с возвращением смоленских бояр из Литвы после выборов сейма.

По списку Быховца рассказывается так: «Простые люди одностойною радю... умыслили взяти себе господарем князя Юрия Лингвеневи́ча», а затем приехали бояре от князя Казимира.

По супрасльскому списку дело было иначе: «Бояре же смоленские приехали из Литвы ко Смоленску и черны люди не пустиша их у город. Они

¹ По Мурзакевичу, не считающемуся ни с какими летописями, но боящемуся провала своей национально-православной теории, никакой битвы не было: «Он (Андрей) лишь усмотрел толпу народа, то в свирепости своей, вооружа копьями своих ботр и домашних, севши на лошадей, устремился убивать собравшихся в замок перед церковью св. Бориса невооруженных купцов и мастеровых, а ночью, опасаясь худого последствия, с приверженцами выехал из города».

же раз'ехали по своим селом и затымь бысть брань велика меж бояр и черных людей. И бояся бояр, черныя люди призваша к собе осподарем князя Юрия Лингвеневи́ча».

И в том и в другом случае «черные люди» не были застигнуты врасплох. Если отпор вернувшимся боярам они оказали еще без помощи князя Юрия, — значит, они озаботились об организации защиты своего города. Если же они до приезда бояр пригласили другого князя вместо нерешительного Андрея, — значит, восстание и первая битва на площади не были временной вспышкой.

Как действует воевода Юрий Лингвеневи́ч? Скупое говорят об этом летописи, но определенно. Юрий перестреловал бояр. Многие из бояр были умерщвлены, другие — закованы в цепи. Земли их и имения Юрий «все поотнимал и подавал своим боярам». Кто же были его бояре? Действовал ли он в интересах «черных людей» или уже отошел от восстания и бил бояр на свой риск и страх, чтобы округлить свой собственный фео́д? На первых порах его вражда с окрестными боярами делала его сторонником восстания. Под боярами Юрия следует разуметь тех, которые были к нему приставлены от восставших смольнян, или тех смоленских бояр, которые прикнули к восстанию. Короче говоря, надо предположить, что земли он раздавал активным участникам восстания. Это предположение далеко не фантастическое. Текст летописи списка Быховца вслед за фразой о раздаче имений «своим боярам» говорит: «...и умыслил себе в непослушенстве быти у великого князя Казимира. И князю Казимиру того жаль было вельми и посылает панов рад своих з войском ко Смоленску».

В раздаче земель «своим боярам» летописец (и Казимир) усмотрел крупное политическое преступление. Едва ли обычная драка между князьями, а тем более едва ли обиды князьями бояр считались такими серьезными и редкими для середины XV в. проступками.

«Преступность» раздачи имений «своим боярам» именно в том и заключалась, что этими «своими боярами» были восставшие ремесленники

и мелкие бояре. Не обошлось, конечно, и без самовольных захватов боярской земли и боярских коней крестьянами.

Раздача захваченных земель восставшим крестьянам еще больше сближает обездоленные князьями крестьянские массы с городскими ремесленниками. Весной 1440 г. крестьяне засевают княжеские и боярские земли для себя. Никто не смеет их потревожить в течение всего лета, и они успевают собрать урожай в свою пользу.

Поздней осенью, приблизительно в середине ноября, пришли к Смоленску литовские княжеские войска.

Восставшие защищались отчаянно. Поддержка городских «черных людей» крестьянами сказывалась очень ощутительно. Княжеские войска стояли под Смоленском две с половиной недели. Восемнадцать дней! Большие силы и хорошая организация снабжения была у смольнян—княжеские войска не могли взять города. Пожгли посады, церкви, монастыри, множество людей перебили, «кровапролития не мало учинили... много живых повели в плен и много зла сотворивши пошли прочь».

Повстанцы отразили нападение княжеских войск.

Казимир не мог примириться с поражением: той же зимой он собрал снова все свои силы и лично «сам, своею головою», пошел на Смоленск.

Предстояла последняя и решительная битва. Смольняне готовы были выдержать и эту битву. Но в самую решительную минуту Юрий предал восставших и убежал в великий Новгород. Ослабленные предыдущей битвой и неожиданным бегством Юрия, смольняне оказались не подготовленными к новому сражению. Найти себе нового воеводу они не успели. В декабре 1440 г. в Смоленск нагрянули войска Казимира и разгромили повстанцев.

Расправа была жестокой: много смольнян было перебито, казнено и заковано в цепи.

Казимир распорядился, чтобы старый порядок был полностью восстановлен. В Смоленске наместником снова был посажен Андрей Исакович.

Смоленское восстание 1440 г.— один из наиболее ранних и удачных классовых боев угнетенных смердов, действующих совместно с городскими «черными людьми» против феодалов — бояр и князей.

ОГНЕННОЕ ЗАПАЛЕНИЕ МОСКВЫ*

Майские пожары 1748 года

В декабре 1748 г. императрица Елизавета выехала из Петербурга на целый год в Москву. Незадолго перед тем, к седьмой годовщине восшествия Елизаветы на престол, знаменитый М. В. Ломоносов посвятил ей льстивую оду, в которой коснулся предстоящего посещения Москвы. По словам угодливого ученого, древняя столица проникается восторгом, ожидая прибытия «обожаемой» императрицы. В оде, между прочим, читаем следующие строки:

«Москва едина, на колени
Упав, перед тобой стоит,
Власы седые простирает,
Тебя, богиня, ожидает,
К тебе, единой, вопия:
Воззри на храмы опаленны,
Воззри на стены разрушенны,

Я жду щедроты твоя.
Гряди, краснейшая денницы,
Гряди и светлостью лица
И блеском чистой багряницы
Утешь печальные сердца —
И время возврати златое».

Эти строки являлись отголоском бедствия, причиненного москвичам пожаром, пережитым ими в мае 1748 года. Москва в течение веков привыкла к частым пожарам, однако опу-

* Статья написана на основании архивных документов, хранящихся в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ) в Москве (Дела Сыскаго приказа и Московской управы благочиния).

стошения этого года произвели особенно сильное впечатление.

В течение каких-нибудь пятнадцати дней произошел целый ряд пожаров в разных частях города. Первый из них, 10 мая, был особенно истребительным: в этот день сгорело 1202 дома, обгорело 25 церквей и погибло в огне 96 человек.

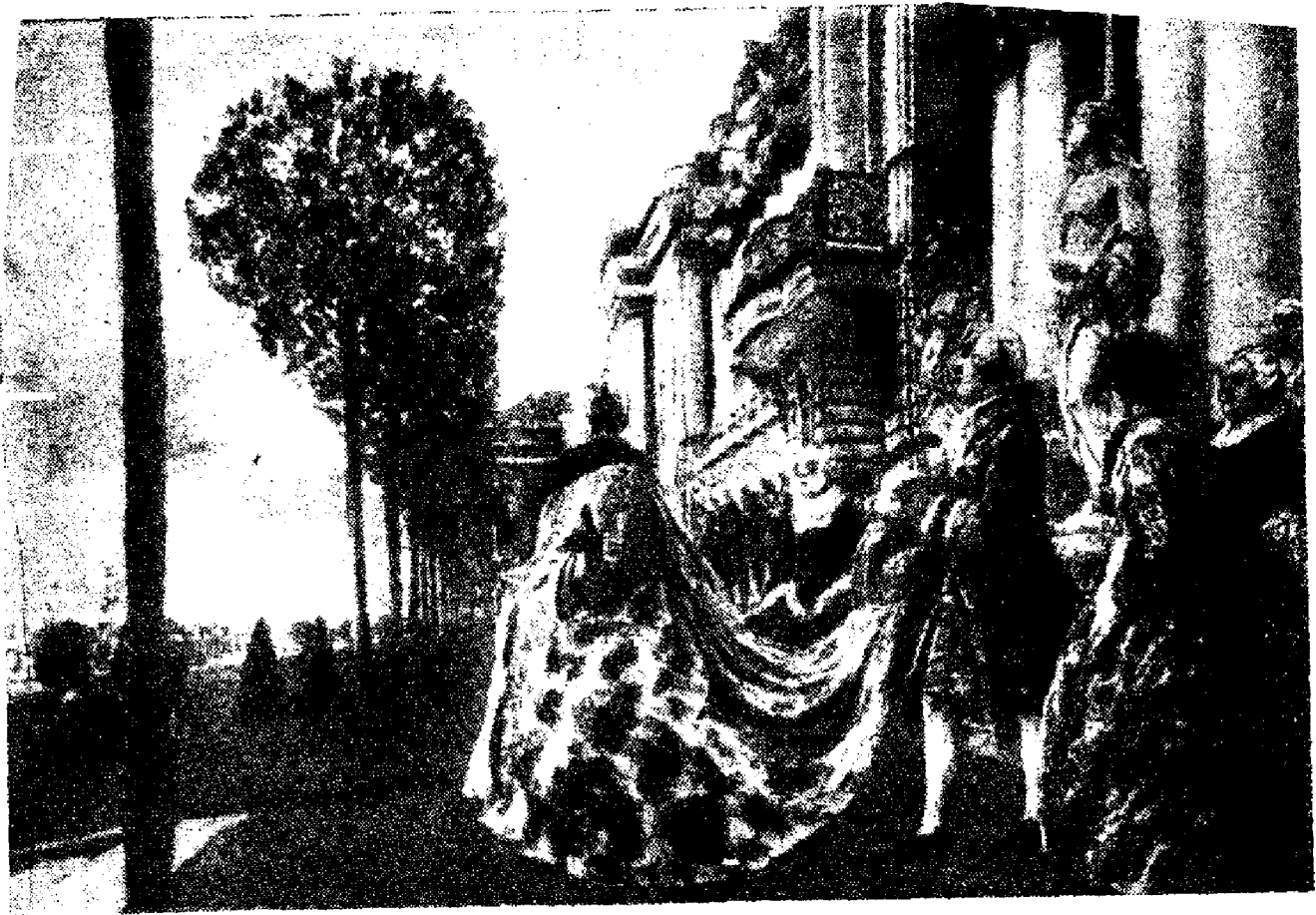
Особенно часто пожары повторялись в конце месяца: за 9 последних дней мая известно 25 случаев, а был один день (23 мая), когда пожары возникли в 8 местах Москвы. Только за 5 больших пожаров (10, 15, 23, 24 и 25 мая) сгорело 1883 двора. Всего же пострадало до двух тысяч дворов.

Все эти происшествия развернулись в очень короткий промежуток времени и вызвали во всех слоях населения чрезвычайное возбуждение. Казалось, везде пылали костры. Над каждым жителем навис дамоклов меч — разориться и остаться без крова. Перед лицом безжалостной стихии Москва чувствовала себя беспомощной.

Масса московского населения, бесправная и запуганная, не могла иметь никаких навыков общественной самодеятельности. Она была неспособна сама бороться с огнем и, тем более, предупреждать его. Крайнее проявление эгоизма, взаимная подозрительность и общая растерянность породились этим бедствием. Поползли и получили широкое распространение темные слухи об умышленных поджогах. Дворянское правительство, растерявшееся не меньше населения, живо восприняло эти слухи и, действуя по линии наименьшего сопротивления, устремило свои усилия на поимку «зажигателей», ища их, конечно, среди неимущих слоев населения.

Общая тревога усиливалась еще и известиями, получавшимися из провинциальных городов. Одновременно с пожаром в Москве 10 мая выгорел почти весь Воронеж (681 двор). В течение мая и июня истребительные пожары произошли в Болхове, Севске, Глухове, Можайске, Ярославле, Михайлове, Сапожке, Переяславле и в других городах.

По мере повторения пожаров в самой Москве и по мере подтверждения сведений о провинциальных пожарах

Императрица Елизавета в Царском селе.

С картины Лаксере.

москвичами овладевало беспокойство, граничащее с отчаянием. Стало казаться опасным жить так, как жили перед тем, — в домах и квартирах. Начали выбираться из домов, как будто все постройки непременно обречены огню. Причем вся тяжесть такого положения прежде всего ложилась на бедноту. Один из тогдашних москвичей, генерал-майор И. А. Маслов, 26 мая писал своему знакомому Мещерскому в Петербург: «Все свободные (т. е. не служившие люди), оставя свои дома, выезжают в деревни. Кто не имеет деревень, все выехали в поле и там живут, а бедные, кому лошадей нанять нечем, на себе вытаска скарбишки свои, расположились и живут по пустырям, где и спасение от таких пожаров худое, да куда же деться?.. Копают ямы да свои пожитки туда прячут, чего, чаю, от польского разорения не бывало»¹.

Москвичи, по выражению Маслова, обретались «в таком ужасе, описать истинно не могу, и как родился, такого в людях страху не видывал и не слыхивал; да нечего говорить о людях, я и сам в числе том».

¹ «Архив князя Воронцова», кн. 5-я, стр. 9.

Страх перед „подлым“ народом

Для расследования дел о поджогах московский генерал-губернатор Левашев создал следственную комиссию, которая, по мнению Маслова, действовала недостаточно энергично в попытке «зажигателей» и в производстве следствия. Губернатор склонен был объяснять возникновение пожаров «божьим гневом». Маслов же считал, что, не отвергая «божьего пощужения», следовало бы нарядить чрезвычайную комиссию для расследования. Об этом он писал Мещерскому в расчете, что последний продвинет это мнение в высшие петербургские сферы. И действительно: письмо Маслова попало от Мещерского к канцлеру Бестужеву, а последний довел о нем до сведения императрицы. Через несколько дней по «высочайшему повелению» была организована особая следственная комиссия с чрезвычайными полномочиями. Руководителем комиссии Елизавета назначила генерал-майора Ф. И. Ушакова «для скорейшего искоренения злодеев и пресечения злых дел».

Деятельностью этой комиссии Ушакова и ограничилась вся деятельность высшего правительства в отношении

огромного бедствия. Когда сотни и тысячи жителей остались без крова и скрывались по пустырям, правительство свои заботы о Москве направило лишь на поиски поджигателей, да и этот шаг подсказан был из самой Москвы такими лицами, как генерал Маслов. На ноги была поставлена вся полиция. Чрезвычайно строго стали следить за выполнением обывателями караульной службы. Неисправных в этом отношении лиц из «подлого» звания наказывали «кошками». Военные части, пребывавшие в Москве были усилены новыми батальонами. Вызваны были военные части даже из провинции.

В том же письме своему петербургскому корреспонденту Маслов с удовлетворением сообщал, что он сам лично поймал одного поджигателя. Из следственных материалов сыскного приказа мы узнаем характерные обстоятельства этой поимки. Изловлен был некто «гуляющий человек» — Юда Игнатъев. Он показался Маслову подозрителем тем, что, когда на Петровке (25 мая, днем) начался пожар у бригадира Сабурова, он, Игнатъев, «незнаемо откуда выскоча», бежал по улице «во всю силу». Маслов его схватил, сам стал допрашивать, кто он, откуда и зачем бежит. Игнатъев, оказавшийся пьяным, в своих ответах явно путался и грубил генералу, и генерал принялся его собственноручно бить, а потом отправил к стоявшему недалеко пикету. Уже будучи под караулом, Игнатъев резко бранился и говорил, что «разве-де я умру, то этого генерала не достану», и хотя не называл, какого именно генерала он собирался «достать», но Маслов относил эту угрозу к себе и в ней усматривал очевидное доказательство прикосновенности Игнатъева к пожарам. Маслов не ограничился тем, что сам арестовал и побил Игнатъева. Он представил в полицию письменно свои подробные соображения, почему он считал пойманного им человека подозрительным. А через несколько дней, когда, к удивлению своему, узнал, что Игнатъева еще не допрашивали в сыском приказе, он вошел с новым представлением о необходимости скорейшего и строжайшего допроса изловленного им «плута». Словом, пере-

пуганным Масловым было проявлено большое упорство в преследовании человека, которого он раньше 25 мая никогда не встречал, но который имел несчастье попасться генералу на глаза. Из-за подозрительности Маслова Игнатъев просидел почти два месяца в колодках и несколько раз допрашивался «с пристрастием». Никакого отношения к поджогам в действиях Игнатъева ушаковской комиссии обнаружить не удалось и пришлось его освободить.

Помимо Маслова было немало дворян-домовладельцев, которые сами зорко следили и высматривали, нет ли где подозрительных по поджогам субъектов. Чаше, однако, богатые домовладельцы организовывали выслеживание через своих «служителей» и тех дворовых людей, которым доверяли. Они не довольствовались обычной уличной охраной, усиленной в эти дни многочисленными пикетами, караулами и дозорами, расставленными и разезжавшими по городу. Каждая значительная дворянская усадьба превратилась в своего рода замок, покинутый владельцем, но оберегаемый денно и нощно верными слугами. И наиболее ревностные из них, чтобы не подвергнуться упреку в небрежности, нередко старались поймать хоть одного — двух поджигателей. Достаточно было у кого-нибудь из проходивших увидеть огарок восковой свечи или огниво, кремень, кусок серы, вообще что-либо легко воспламеняющееся, даже просто сухое тряпье или веревку, — это было уже «уликой». Обладателя таких компрометирующих вещей ташили в полицию, а оттуда в сыскной приказ и в комиссию генерала Ушакова. Но можно было, и не имея никаких подозрительных предметов, быть арестованным.

Исключительное стихийное бедствие вызвало у имущих слоев населения панический страх перед народом, отчужденность и полное к нему недоверие. Одни торопились бежать из Москвы в свои деревни, другие, поневоле остававшиеся в городе, набрасывались на первого попавшегося человека из «подлого» звания и, видя в нем «зажигателя», спешили передать его в распоряжение властей. Власти же принимали все меры для «искоре-

нения злодеев». Вместо сколько-нибудь положительной программы правительственных действий население Москвы испытывало на себе одни только меры запрещения и пресечения.

Так, полномочным председателем комиссии о поджогах Ушаковым было послано в мануфактур-коллегию, т. е. в учреждение, ведавшее фабриками и заводами, распоряжение, требовавшее, чтобы «оная коллегия всем фабрикантам объявила с наикрепчайшим подтверждением и взяла с них подписки, дабы они, фабриканты, своих работников и учеников содержали на своих фабриках при работах и по улицам бродить не допускали и определили над ними смотрителей». Иначе сказать, фабрично-заводские рабочие, вызывавшие, очевидно, сугубые подозрения, обрекались на безотлучное пребывание в фабричных помещениях под особым присмотром. Если произойдет какое-либо повреждение при участии рабочих, то, грозил Ушаков, «оное взыщется на самих фабрикантах без упущения». Требование это, видимо, повторное, так как помечено датой 12 июня, т. е. днем, когда пожары уже стихли, и, очевидно, запрещение не ограничивалось каким-либо сроком...

Целые группы населения признавались особо ненадежными и подвергались суровым стеснениям. Идущий свободно по улице фабричный рабочий казался уже сам по себе человеком опасным.

Всем обывателям было объявлено под расписку, «чтобы в нынешнее летнее время из домов своих с огнивами, кремнями, с трутом и ни с чем, что до огня касается, по улицам ходить не дерзали». Полиции предложено следить за этим «с крайней и неусыпной ревностью».

Столкновение на Пресне и в Покровском

Ловля «зажигателей», организованная правительством и самими домовладельцами, разные меры огульного запрещения, шальные аресты, повальные «обыски», т. е. опросы всех соседей о лицах, имевших несчастье быть заподозренными в «злодействе», — все это чрезвычайно возбуждало и возмущало массу московского населения. Пожары и без того приносили сотням

семей разорение и нужду, заставляли людей покидать дома и отсиживаться в огородах, в поле, по пустырям. А тут еще стеснительные правила и постоянное ожидание всяческих придинок со стороны полицейских и военных дозоров, со стороны взяточников — чиновников сысского приказа, со стороны озлобленных господ и их прислужников. Создавалась атмосфера приглушенной злобы, которая при подходящих условиях легко могла выйти наружу в форме резкого столкновения. О трех таких конфликтах мы узнаем из следственных материалов. Два из них произошли в подмосковном селе Покровском (ныне район Бакунинской улицы с переулками), фактически уже тогда почти слившемся с городом, но еще не состоявшем в ведении московской полиции. Село было дворцовой вотчиной, управляемой местной конторой вотчинного управления самой императрицы и местными выборными лицами из крестьян. Обстоятельство это выделяло покровцев из среды горожан и порождало у них некоторое чувство независимости от городских полицейских чиновников.

24 мая из сысского приказа был командирован в Покровское чиновник Телегин с командой из 12 человек драгун и солдат. С ним был отправлен также «зажигатель» Шишилов, арестованный 20 мая и «сознавшийся» в намерении совершить поджоги по подстрекательству будто бы какого-то покровского крестьянина Михайлова и лесоторговца, жившего тоже в Покровском. Поручение, данное Телегину, заключалось в том, чтобы по указаниям Шишилова найти оговоренных покровских жителей и арестовать их. Однако миссия Телегина окончилась полной неудачей. Во-первых, Шишилов привел его только к пустому, погорелому месту, на котором стояла будто бы изба подстрекателя Михайлова. Во-вторых, приход воинской команды всполошил крестьян. Возбужденные, они толпой подступили к Телегину. Из них выделился один старик, видимо, староста, и стал упрекать приехавших: «Мы-де и так разорились от пожара, а вы приехали с языком еще нас разорять!» «И приказал тот мнимый староста (так докладывал потом Телегин в сысской при-

каз) меня с командою бить смертно, и те мужики, схватя шесты, а другие—горелые головни, а иные—кирпичи, и погнались за нами». От побоев и погони они едва ускакали в вотчинную контору. Самому Телегину один удар пришелся в правый висок.

Еще позорнее окончилась поездка капитана Черевина 26 мая. Он поехал в Покровское уже с командой в 32 человека для ареста тех же «оговорных» Шишиловым лиц. Но как только эта команда показалась в Покровском, раздался крик «караул!», бежалось множество народу, и в капитана с его командой посыпались удары камнями и кольями. Пришлось Черевину бежать. Крестьяне гнались за беглецами до самого артиллерийского двора (он находился там, где теперь Октябрьский вокзал). Скрывшись сюда, команда не досчитала из своего состава 9 человек: они отстали и были потом приведены в дворцовую контору избитыми.

Третье столкновение произошло 24 мая около Новинского монастыря, который находился в нынешнем Б. Новинском переулке. Сюда направился секретарь сыскного приказа Попов с драгунами и с арестованным «зажигателем» Алексеем Крутым, который на допросе показал, будто к поджогу его подговорил лесоторговец Петр Иванов, живший под Новинским монастырем. Попову было поручено найти Петра Иванова, обыскать и арестовать его. Крутой указал Попову на один двор, расположенный против самого монастыря. Однако в указанном дворе никакого Иванова не оказалось, а жила там грузинка Зимстандара, ни слова не говорившая по-русски. Она горячо запротестовала против обыска, который начал было производить в ее доме Попов, и стала кричать. Новинский монастырь в то время был отдан грузинам; его архимандритом был грузин Эвдемос; в монастыре жила вдова грузинского царевича Симеона, бывшего грузинского князя; вокруг монастыря находились по преимуществу грузинские дворы. Это была, по существу, грузинская слободка. На крик Зимстандары быстро бежались грузины в количестве, превышавшем команду Попова. Послышались энергичные протесты и брань.

«На тот двор и ко двору прибежало человек 100 грузинцев и закричали своим языком и, выхватя огородные колья, и, не спрося ничего, стали команду одного секретаря бить кольем и кулаками и на улице солдат били ж; а приведенный колодник Крутой в таком великом шуме едва не учинил угечки».

Драку сумел прекратить один из грузин, видимо, имевший среди них авторитет. Вышедши из монастыря и узнав от Попова о цели его приезда, он убедил возмущенных грузин в том, что команда ошиблась адресом и что она ищет несуществующего у них лесоторговца.

О других каких-либо столкновениях с командами мы в следственных материалах указаний не встречаем. Их, вероятно, и не было. Полицейский режим в Москве к половине XVIII в. был уже таков, что дезорганизованная и безоружная масса оказывалась неспособной к коллективным выступлениям, даже и таким примитивным, какие произошли в Покровском и в Грузинах. Прежняя слободская организация, хотя и слабая, была ликвидирована. К тому же, наученное опытом 24 — 26 мая, высшее начальство распорядилось впредь посылать за оговоренными людьми вооруженные команды и притом более многочисленные, а командирам внушалось, что «ежели где в забрании оговорных людей произойдут противности и посланные команды будут бить, в таком случае, сколько возможно, стараться тех бойцов поймать, а ежели уже оные бойцы осилеют, то в самом крайнем случае велеть из фузей трех выстрелить по ногам и тем дать страх и переловить».

Мы не поймем смысла этих «противностей», если недооценим всей меры недоверия к правительству и его агентам, всей глубины убежденности рядового населения в том, что органы дворянского правительства неспособны охранять действительные народные интересы и что его низшие, часто продажные агенты не в состоянии быть ни беспристрастными, ни искусными. Если сами господа дворяне, не надеясь на предержавшую власть, бежали из Москвы и организовывали самостоятельную охрану своих

Публичная казнь. Клеймение и вырывание поздрав.

Акварель XVIII в.

московских домов, то низшие слои населения готовы были принять в колья посланцев этой предрержащей власти.

Хватают направо и налево

Из правительственных учреждений поимкой поджигателей и дознанием по их делам заведывала сначала одна полиция, потом — сыскальной приказ и комиссия Левашева и, наконец, с июня до сентября — комиссия Ушакова. При всей уверенности в том, что пожары возникали от умышленных поджогов, ни одно из названных учреждений не имело, однако, никаких основательных предположений относительно того, кто же, в сущности, мог быть заинтересован в поджогах. Аресты производились вслепую, и следственные органы ревностно принимались за допросы и пытки арестованных, какие бы неправдоподобные обвинения ни возводились на них.

Так, где-то под Ярославлем был задержан один беглый московский солдат Быков, скрывшийся из Москвы на родину. Будучи задержан, он стал путано объяснять, кто он и откуда. Же-

лая скрыть свой побег, он начал фантазировать, будто встретил в лесу 34 человека разных наций: поляков, персов, турок, — а также 4 московских рабочих с суконной фабрики Журавлева. Встреченные им люди, к которым он временно пристал, будто бы говорили ему, что они имеют поручение от польского короля Лещинского сжечь Москву и другие «знатные» русские города. Показанию Быкова местное ярославское начальство придало серьезное значение, и был наряжен целый отряд драгун, солдат, рекрут, ярославских обывателей и ямщиков «для поимки показанной злодейской партии». Никого, разумеется, не нашли. Сам Быков был отправлен в Москву, где он первое время пробовал занять своей выдумкой внимание и следственной комиссии Ушакова. Но, подвергнутый в застенке пытке, он на вопрос о подробностях вынужден был признать, что все рассказанное им о «злодейской партии» — чистейший вымысел. Быкова трижды пытали, поднимали на дыбу и жгли огнем. В конце концов комиссия гипотезу о польских кознях оставила, а о самом

Быкове вынесла решение: «За злоумышленное и затаенное разглашение, причиняющее в людях страх, смуту и беспокойство, его надлежит казнить смертью».

Подобные же вымыслы о подосланных из-за границы поджигателях сочинены были беглым крестьянином Дубненком и беглым рекрутом Степаном Воробьевым. Последний с целью «избыть за побег свой наказания» напел следователям,—и ему поверили,—будто сидевший с ним в тюрьме солдат Баулов является агентом коварной Турции. Будто Баулов в течение 15 лет скрывался за границей и теперь вернулся в Россию, подкупленный Турцией вместе с шестью другими державами, для поджога русских городов. Версию о вмешательстве Турции в московские пожары следственная комиссия находила допустимой, серьезно допрашивала как Баулова, так и Воробьева и обоих истязала неоднократно пытками.

Много хлопот комиссии причинили показания нескольких арестованных о том, что к поджогам их подкупали лесоторговцы, которые заинтересованы были в пожарах, «чтобы лес лучше брали». Указывались имена этих подстрекателей, торговый ряд, где они торговали. Комиссия пыталась найти таких «оговорных» лесников и не отыскивала. Она наряжала команды для обысков и арестов, опрашивала соседей, вызывала для допроса всех лесных торговцев данного района, забирала однофамильцев и тезок, наводила справки в мытенной таможне,—но все было напрасно. Ни оговоренных лиц, ни реального доказательства виновности каких бы то ни было лесоторговцев не оказывалось.

Приехавший мирно в Москву 22 мая один зарайский купец Пирожников, привез для продажи большую партию яиц. На беду его за эти дни случились пожары, и пошли разговоры о поджигателях. В Зарядье наехал на него какой-то ретивый офицер, обыскал его и нашел весьма «подозрительный» железный обруч, надетый на пояс и обмотанный тряпьем. И просидел Пирожников в тюрьме целый месяц, пока не выяснилось, что его обруч—это не страшное орудие, а бандаж, которым он стягивался. «понеже у него высы-

паются черевы», а обматывал он тот обруч тряпьем, чтобы «не гнело».

Следственная комиссия считала равно подозрительными всех лиц, доставленных ей безответственными полицейскими и сыскными органами. Приступая к следствию, комиссия не имела никаких руководящих, хотя бы гипотетических догадок о происхождении пожаров; не сумела она напасть на следы преступлений и в процессе следствия. Она брела наощупь. Да и были ли, вообще, умысленные поджоги, комиссия с уверенностью сказать не имела оснований. А между тем вся ее задача состояла в отыскании поджигателей. Она не оправдала бы своего чрезвычайного назначения, если бы не нашла преступников, производивших «огненное запаление». Отсюда и ее готовность прислушиваться ко всевозможным, даже нелепым догадкам.

Но отсутствие определенной линии в раскрытии поджогов отнюдь не обозначало того, что поиски поджигателей были свободны от классового подхода. Наоборот, во всей деятельности следственной комиссии, сыского приказа и полиции наблюдалось решительное преобладание предвзятой мысли, что виновников пожаров можно найти только в немущем населении, что их нечего искать в среде дворян и вообще зажиточных москвичей.

Из «экстрактов», приложенных к всеподданейшему докладу Ушакова, нам известны имена и социальное положение свыше 100 лиц, арестованных и привлеченных в той или иной степени к следствию по обвинению в поджогах. И вот из всего числа таких лиц не было ни одного дворянина. Огромное их большинство—из людей низших слоев населения. Тут фабричные рабочие (16), солдаты и вообще нижние воинские чины, их жены и вдовы (26), дворовые люди обоюбого пола (14), крестьяне обоюбого пола (17), ремесленники (8), ямщики и низшие служители (6) и «гулящие» люди (4). Владельцы крепостных душ, хозяева фабрик, командиры военных частей, экономически солидные люди были вне подозрения.

В числе привлеченных к следствию мы насчитали 14 лиц купеческого звания, т. е. такой категории обывателей,

которые могут показаться солидными. Но, при ближайшем рассмотрении, оказывается, что из 14 только трое были действительно торгующими купцами. В половине XVIII в. термин «купец» охватывал собой и тех, которые впоследствии именовались мещанами и причислялись к низшему податному сословию. Можно определенно сказать, что купечество в общей своей массе, не говоря уже о верхушке, о фабрикантах и откупщиках, не было затронуто следствием.

„Козлы отпущения“

Расследованию причин и раскрытию виновников московских пожаров верховная власть придавала большое значение. Организованная Ушаковым из московских чиновников разного ранга канцелярия была по тому времени многочисленна и помещалась в особо отведенном доме. Усиленные воинские команды производили бесчисленные аресты по всему городу и даже по уезду. В застенке неусыпно работали «заплечные мастера».

В действительности, никаких систематических поджогов, никакой преступной организации комиссия Ушакова так и не раскрыла. Не обнаружила она и отдельных виновников. Многие из арестованных после допросов «с пристрастием» были отпущены на волю, так как выяснялась их полная непричастность к «зажигательству». Еще больше было таких лиц, которые по решению комиссии признаны невиновными в поджоге, но не освобождены, а переданы в разные учреждения «по принадлежности». Так, беглые нижние воинские чины отданы в военные ведомства; уличенные в краже различных пожитков у погорельцев—в сыскной приказ; лица купеческого звания, оказавшиеся не записанными в оклад, пересылались в магистрат, фабричных рабочих отправляли к владельцам фабрик, и пр.

Но десять человек комиссия признала тяжело виновными, и приговор о их смертной казни постановила представить на утверждение императрицы. Стало быть, небольшая группа лиц была резко выделена из общего числа арестованных. Не они ли, по расследованию комиссии, произвели московские пожары?

Если, однако, познакомиться с обстоятельствами и мотивами приговора, то окажется, что и эти присужденные к смерти люди не поджигали Москвы.

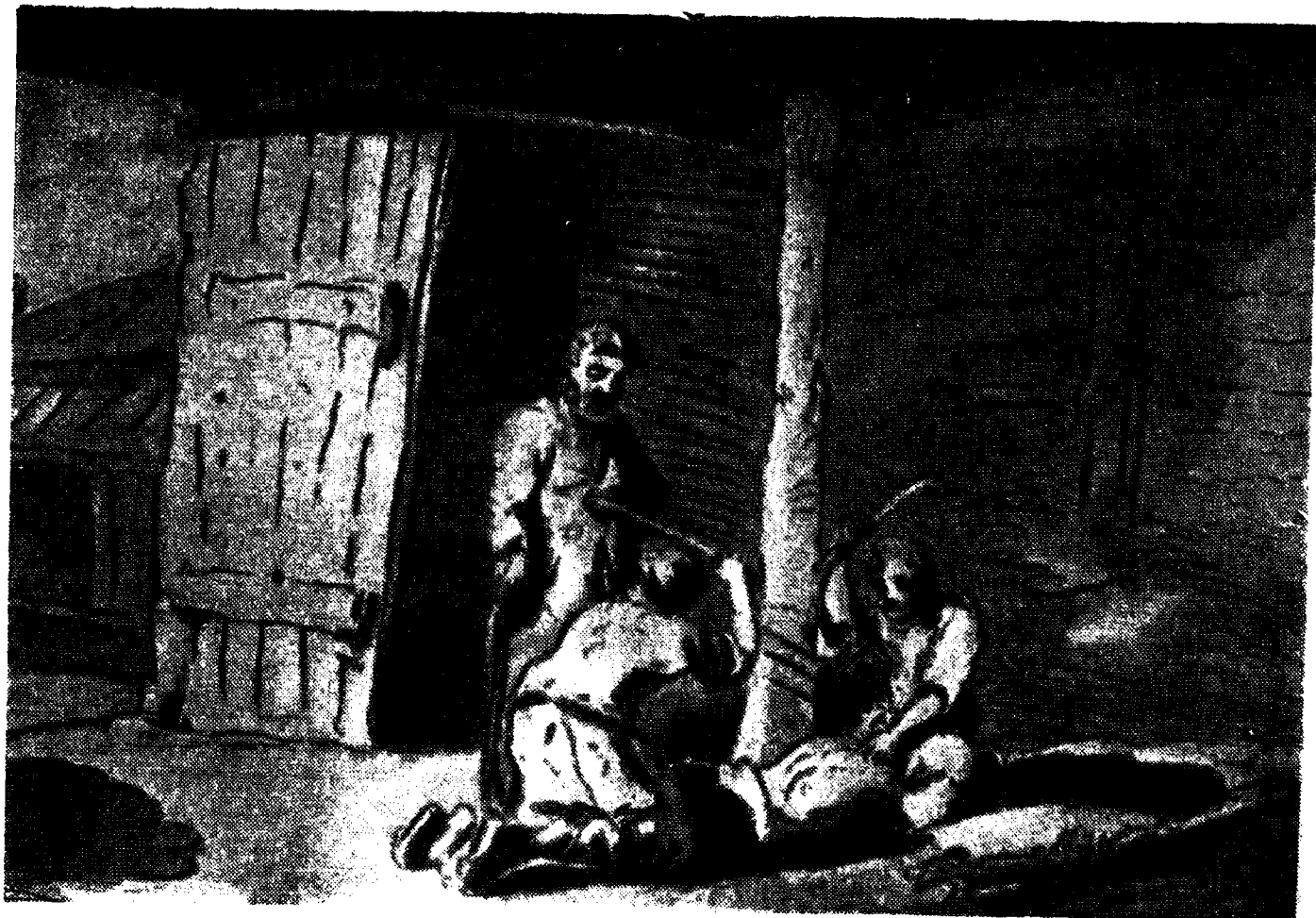
В самом деле, трое из них были только «разгласителями». Это те беглые, о которых уже упоминалось выше: Быков, Воробьев и Дубненок. Они были виновны в том, что, будучи задержаны, придумали или повторяли чужие выдумки об иностранных агентах, устраивавших в России пожары, но сами они, во всяком случае, поджигателями не были.

Четвертый, беглый Насонов, был признан достойным смертной казни за то, что, зная от своего товарища, такого же беглого «фурлета» Колобова, о его намерении поджечь в Москве двор своего прежнего помещика, никому об этом не донес. Поджигать же сам он никого не собирался.

К смерти были приговорены еще двое: дворовый человек Куприянов и крестьянка Ермолаева. Они были виновны в поджоге, но не в Москве. Первый из них поджег избу в Боровском уезде, в сельце Дулове, а вторая — в селе Архангельском, Рязского уезда. Оба эти поджога вне Москвы совершены были на почве личной вражды, из-за семейных неурядиц; оба поджога произведены в половине июня, т. е. после окончания полосы московских пожаров. К делу о московских поджигателях Куприянов и Ермолаева были пристегнуты произвольно.

Седьмым из присужденных к смертной казни был рабочий большого суконного двора Алексей Крутой: «за умышленное им к зажигательству намерение в Москве, на Кисловке, обывательского двора». Тот самый Крутой, который на допросе утверждал, будто его к поджогам подкупил таинственный лесоторговец Иванов, живший якобы у Новинского монастыря. Крутой признался, что он хотел поджечь на Кисловке какой-то дом. Фактически же он ничего не поджигал. Следовательно, и Крутой не мог быть виновником хотя бы одного из пожаров.

За подобное же намерение произвести поджог усадьбы баронов

Наказание батогами.

По рисунку Аткинсона.

Строгановых была приговорена к смертной казни и вдова дворового человека Ильина. Она на допросе показала, что собиралась поджечь Строгановых, рассчитывая «себе получить, ежели б зажгла, что-нибудь вприбыток, и к тому зажжению огарок вощаной подняла подле того Строганова двора, а огонь где-нибудь хотела взять». Кроме преступного намерения комиссия в действиях Ильиной ничего не раскрыла, а между тем ее тоже постиг смертный приговор.

Наконец, относительно последнего, девятого из присужденных к смертной казни, солдатского сына, рабочего суконной фабрики Козьмы Козьмина, комиссия установила, что он не только намеревался, но и пытался поджечь. Он был пойман в тот самый момент, когда подкладывал горящую головню под кровлю конюшни графа Разумовского, на Гороховом поле. Свою неудавшуюся попытку Козьмин на допросах сначала объяснял подкупом какого-то харчевника Алексеева, а потом признался, что делал это сам спяна. Под каким бы влиянием ни действовал Козьмин, все равно его попытка не могла повлечь за собой пожара, да и пожар в тот день (23 мая)

начался не с усадьбы Разумовского. Таким образом, пред нами прошли все девять главных преступников, и, оказывается, ни один из них не был фактическим виновником пожаров, и сама комиссия таковым никого из них не называла.

Можно категорически сказать, что все предположения о «злодейском заплении» Москвы разбились вдребезги. Девять человек, на которых обрушилась чрезвычайная кара, служили лишь «козлами отпущения». Никого из них нельзя назвать ни членом какой-либо преступной организации, ни одиночным поджигателем, вызвавшим, хотя бы косвенно, майские пожары в Москве. Трудно предположить, чтобы для самого Ушакова и его соратников не была очевидна натянутость обвинения этих лиц. Это было лицемерие, прикрывавшее явный провал всей многообещающей затеи по искоренению злодеев.

Но не меньше лицемерия заключалось и в том, чтобы карать смертью людей за «злодейское разглашение» разных, хотя бы вздорных слухов о причинах повсеместных пожаров. Эти слухи возникали вследствие того, что многочисленные воинские ликеты, до-

зоры и раз'езды, усиленные дневные и ночные караулы, посылки команд для ареста, повальные опросы разных групп жителей волновали население; на этой основе возникали всякие расказни, мрачные настроения и тревожные ожидания. С теми же, кто высказывал эти настроения, ушаковская комиссия расправлялась как с преступниками. Причем опять-таки характерно: к ответственности привлекались лишь неимущие, эксплуатируемые слои населения. Так например дворовый человек майора Зиминского Сидоров был приговорен к наказанию кнутом при следующих обстоятельствах. В Замоскворечье, где он жил с своим господином, 25 мая начался недалеко от их квартиры пожар. Сидоров влез на крышу, смотрел на пожар вместе с другими любопытными и говорил, что «в Петров день всей Москве гореть». Эти слова он слышал от офицера Шамардина, гостя своего господина. Последний это подтвердил. Однако следственная комиссия не наказала ни прапорщика Шамардина, ни майора Зиминского. Сидоров же был приговорен к «нещадному наказанию» на Красной площади, «понеже он, Сидоров, слышав такие слова, ни где не доносил, а сам такое непристойное разглашение учинил».

Были ли поджоги?

Скудные результаты допросов и сысков комиссии Ушакова сами по себе еще мало свидетельствуют о действительном отсутствии поджогов. Но несомненно, что основной причиной пожаров не было какое-то умышленное «огненное запаление». Длинная цепь майских пожаров 1748 г. возникла не от поджигателей.

Москва, вообще, горела много. Колоссальное количество пожаров в Москве, изумлявшее иностранцев, продолжалось до самого конца XVIII века.

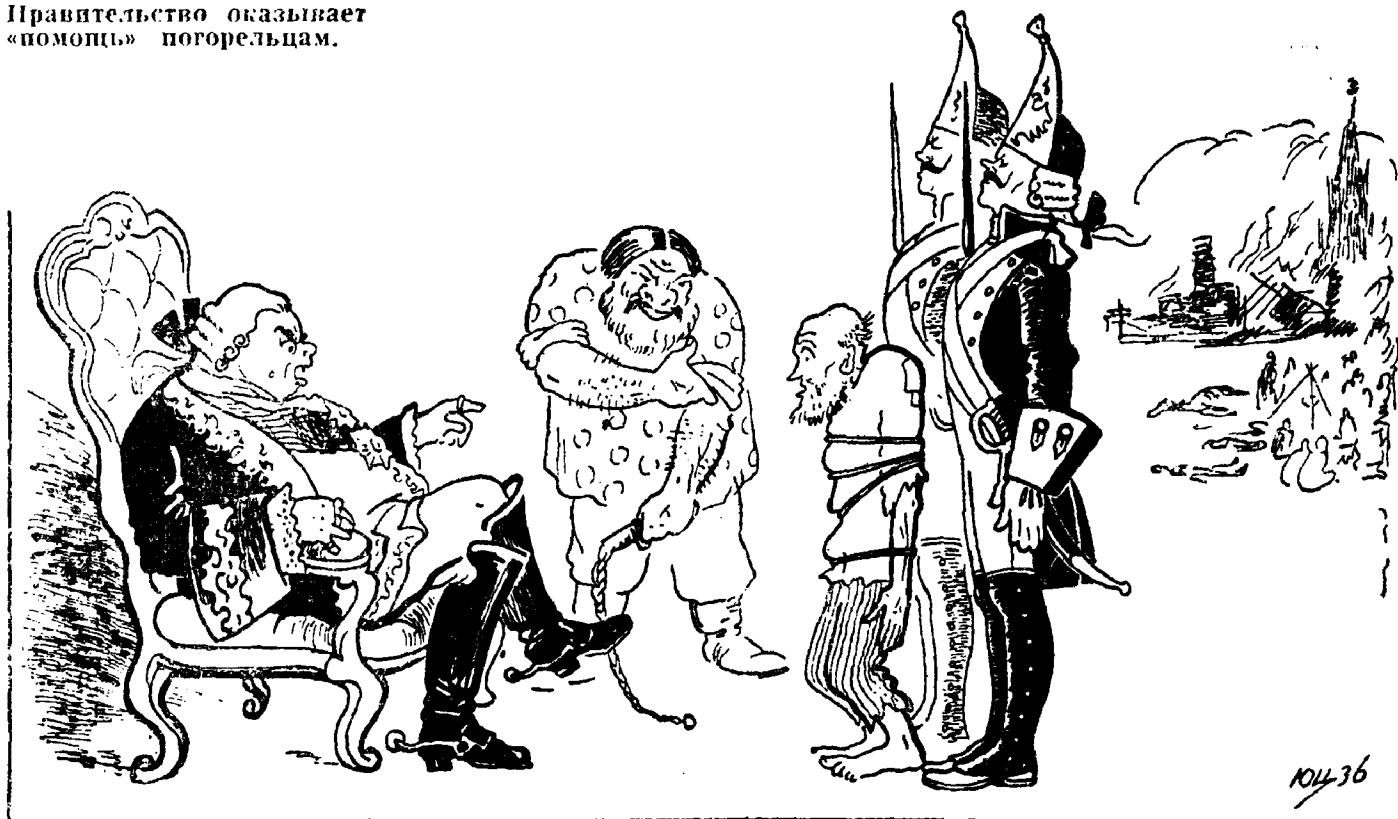
В весенние месяцы особенно часто случались пожары, и огонь беспрепятственно гулял по скученной, деревянной, а частью и соломенной Москве. В мае 1748 г. погода стояла исключительно благоприятная для возникновения и распространения пожаров. В письме генерала Маслова от 26 мая, которое мы цитировали выше, сообща-

лось, что тогда «жары великие и вихри были, ржи засохли, а яровое не выходит». Нечего, стало быть, и удивляться тому, что в такую ветренную засуху без всяких «зажигателей» неоднократно возникали и быстро распространялись пожары. Если не смотря на свое наблюдение тот же Маслов приписывал происхождение пожаров злодеям-поджигателям и был серьезно озабочен их поимкой, то это говорит прежде всего о силе социального антагонизма в крепостнической Москве. Состояние классовой настроенности было состоянием обычным, а в критические моменты оно обострялось до чрезвычайности.

Сыскной приказ еще до образования следственной комиссии с особым рвением, с применением плетей и «кошек» старался выяснить по свежим следам обстоятельства, при которых начались пожары, и везде устанавливал, что причиной пожара была небрежность с огнем, недосмотр или что-либо еще, но никак не поджог. Так, первый, самый большой пожар, 10 мая, разгорелся при «сильном и ужасном ветре», начавшись с крыши кузницы, которая в этот день усердно работала. Кузница была расположена в очень скученной части города, в начале бывшей Мясницкой улицы, близ нынешней площади им. Дзержинского. Второй пожар, в ночь под 15 мая, в Гончарах, начался с булочной («калачной избы»); в эту ночь под воскресенье топились три печи на дворе для печения саек, и совершенно правдоподобно показание владельца двора о том, что пожар начался без всякого поджога. Большой пожар 23 мая в Покровском начался с избы рядовой крестьянки Евдокимовой; сама владелица не имела побуждений поджигать свою избы, из посторонних же никого она не подозревала. Точно так же и в другие дни никаких признаков поджогов сыскным приказом не обнаружено. Поэтому твердую уверенность в происхождении пожаров от «злодеев» следует признать бездоказательной. Она порождена атмосферой враждебных отношений между угнетающим меньшинством и массой населения.

Вместе с тем представляется вполне допустимым предположение, что были

Правительство оказывает
«помощь» погорельцам.

«Такой-де человек по обиде сделать ничего не может, разве только злодейски зажечь дом».
Рис. Ю. Цшепковского.

отдельные случаи удавшихся и неудавшихся поджогов. Цели и мотивы таких поступков могли быть различны.

Поджог, «красный петух», как акт мести и борьбы был вообще нередким явлением в деревянной России. Москва не могла быть исключением, и не раз социально-политическая борьба в ней сопровождалась большими пожарами. При этом случалось, что обе борющиеся стороны обвиняли друг друга в поджогах. В половине XVIII в. в Москве было огромное количество бездомных и необеспеченных людей, недовольных своей судьбой. Множилось в Москве число дворовых, крепостных крестьян, отставных и беглых солдат, подневольных фабричных рабочих и прочих пасынков крепостного строя, не знавших форм организованной борьбы. Тем из них, кто не мирился со своим положением, приходилось применять методы, если можно так выразиться, уголовного террора — поджога и разбоя. Именно в этот период под Москвой усиленно развился бандитизм: по дорогам, ведущим в столицу, орудовали шайки разбойников, рекрутировавшихся в значительной мере из обездоленных низов столичного населения. В обстановке бесправия массы и безраздельного господства кучки дворян и откупщиков

для протестующего человека поджог представлялся иногда целесообразным актом борьбы с врагом, с экономическим и внеэкономическим насилием.

Генерал Маслов, изловив на Петровке «гулящего человека» Игнатьева, признал его подозрительным и в качестве одного из доводов того, что изловленный действительно поджигатель, привел следующий довод: «Такой-де человек к обиде больше сделать ничего не может, разве только злодейски зажечь дом».

В сущности говоря, здесь Масловым дана правильная формулировка безвыходного состояния раздраженного и озлобленного московского бедняка. В отдельных случаях поджоги такого рода могли быть и в мае 1748 года. Надо заметить, что ряд заподозренных лиц задержан близ усадеб барона Строганова, графа Разумовского и других богатых домовладельцев. Обстоятельство это, правда, объясняется прежде всего тем, что усадьбы эти с особой зоркостью охранялись «верными людьми». Но возможны и действительные попытки к «запалению» домов выдающихся по богатству московских вельмож. Быть может, не случаен пожар 29 мая во дворе прокурора сыскаго приказа Никиты Безобразова (пожар скоро потушили).

С другой стороны, пожары в Москве, приносившие домовладельцам разорение, были желательным событием для тех, кто хотел поживиться за чужой счет. Связанная со всяким пожаром общая растерянность давала возможность легко растаскивать вещи, в беспорядке выбрасываемые на улицу.

В числе задержанных пикетами и раз'ездами было немало лиц, уличенных в похищении имущества, вынесенного погорельцами. Ловили людей с разнообразными предметами: с бельем, платьем, серебряными вещами и пр.

Ушаковскую комиссию сильно беспокоили так называемые «подметные письма». Много ли таких писем подбрасывалось и каково их полное содержание, из материалов, имеющих у нас, не видно. Но кое-какие сведения о них все-таки имеются. Так, 27 мая сенатору Левашеву доставлено фабрикантом Милютиним одно подметное письмо, поднятое по соседству с фабрикой, на Мясницкой улице, у забора Лобкова. Письмо было подписано Лаврентьевым, а говорилось в нем «о горении всей Москвы на троицын день в обедни и чтоб убираться, а ежели не выедут, то гореть всем». Видимо, подметное письмо предназначалось для того, чтобы побудить москвичей выносить свои пожитки из дому. Определялся даже точный срок, совпадающий с народной молвой о новом в троицын день пожаре. Это не призыв к поджогам, это не угроза поджогами, а предупреждение о предстоящих пожарах с настойчивым советом спастись и выбираться из домов. Можно допустить, что профессиональные воры решались даже на поджог, чтобы заставить обывателей выносить свое имущество из

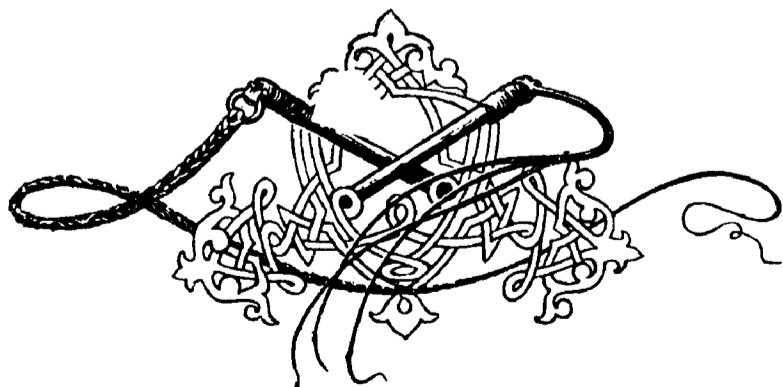
домов. А воровство в Москве того времени было чрезвычайно развито. Оно питалось как общим характером социальных отношений, так, в частности, феноменальной продажностью полицейских и сыскных органов. Достаточно указать, что именно к 40-м годам XVIII столетия относится виртуозная уголовная деятельность «доносителя сыскаго приказа», провокатора Ивана Каина, которому ничего не стоило самому организовать поджог, разграбить имущество погорельцев и затем предать всех тех, кто поджигал по его же подстрекательству.

Майские пожары 1748 г. в основном произошли не от умышленного «запаления». В то же время не исключена, по нашему мнению, возможность того, что были отдельные случаи поджогов из мести, или протеста, или с целью ограбления погорельцев.

Историк С. М. Соловьев, делая обзор елизаветинского царствования за первое его семилетие, с 1741 по 1748 г., приходил к заключению, что «описываемое время оставило по себе приятное воспоминание в народе»¹. Для московского населения в его массе это «приятное» воспоминание, как мы видели, связано со страшными пожарами и с последовавшими за ними безалаберным, жестоким следствием, с обременительными караулами и постоями, с начальнической суетой, тяжко обрушившейся на «подлые» слои населения.

В провинциальных городах, переживших одновременно с Москвой большие пожары, происходили подобные же поиски поджигателей, сопровождавшиеся такими же арестами, пытками и нелепыми приговорами.

¹ См. «Историю России с древнейших времен». Кн. 5-я, стр. 522.

И. Разгон

„КУБАНСКОЕ ДЕЙСТВО“ РАЗГРОМ КУБАНСКОЙ РАДЫ ГЕНЕРАЛОМ ДЕНИКИНЫМ

1

История гражданской войны в СССР дает немало примеров разгрома различного рода «самостийников», «федералистов», «автономистов» и других контрреволюционеров, объединившихся с русской буржуазией и помещиками для совместной борьбы против молодой Советской республики.

Украинская буржуазия и кулачье, донская, кубанская казачья кулацкая верхушка, помещичье - буржуазный блок горских народов Кавказа получили жестокий отпор со стороны рабочих, крестьянской и казачьей бедноты, руководимых великой партией Ленина.

На помощь кулачеству Украины, Дона и Кубани выступила русская «Добровольческая армия». Она была сформирована царскими генералами Алексеевым, Корниловым, Деникиным и др. в конце 1917 г. на Дону из бежавших туда после разгрома в Петрограде и Москве контрреволюционных офицеров, помещичьих и буржуазных сынков. «Добровольческая армия» боролась за интересы русских помещиков и буржуазии, стремясь восстановить «великую, единую, неделимую Россию».

Местная же контрреволюция: украинская, донская, кубанская и пр. — мелкобуржуазная по своему составу — хотела обеспечить монополию

своей буржуазии и помещиков в эксплуатации трудящихся своей национальности. На этой основе росли украинский федерализм, автономизм донцов и кубанское самостийничество.

Поэтому с первых же шагов начинаются столкновения между местной контрреволюцией и руководством «Добровольческой армии».

Представления местной контрреволюции о формах новой государственной власти шли вразрез с официальной программой «Вооруженных сил юга России» (ВСЮР) — так назывались объединенные контрреволюционные силы русских помещиков и буржуазии и их союзников: верхушки донского, кубанского, терского кулачества и горской контрреволюции.

Постепенно царские генералы — руководители ВСЮР — ликвидируют местные правительства или заставляют их служить интересам русских помещиков и буржуазии. Так, захватив с помощью правительства Республики союза горцев Кавказ, Деникин ликвидирует горское правительство. Казачьи кружки и войсковые правительства Терского казачьего войска, правительство «Всевеликого войска донского» также служат интересам восстановления «единой и неделимой».

Сложнее были отношения между деникинской и казачьей контрреволюцией на Кубани, где в августе — сентябре 1918 г. деникинщина выросла в опасную для Республики советов силу. Кубань используется как плацдарм для формирования белогвардейских частей и дальнейшего наступления «на Москву».

Вся политика войскового кубанского правительства и «представительных» органов кубанского казачества — ее Краевой и Законодательной рад — также была направлена на борьбу с пролетарской революцией. Однако кубанская контрреволюция, не будучи в силах самостоятельно уничтожить возникшую на Кубани в начале 1918 г. советскую власть, заключила союз с Деникиным. Слабость кубанской мелкобуржуазной контрреволюции прежде всего объясняется глу-

боким классовым расслоением в сельском хозяйстве Кубани.

Немногочисленный местный пролетариат имел сильного союзника в лице батраков, крестьянской бедноты из так называемых «иногородних» и казачьей бедноты.

Деникинщина в борьбе с пролетарской революцией играла здесь руководящую роль. Местная контрреволюция, нуждавшаяся в практической помощи и руководстве со стороны своего «старшего брата», этому руководству подчинилась без всякого сопротивления.

С ликвидацией у себя «большевистской заразы» и уменьшением, как казалось руководителям Кубанской рады опасности ее появления вновь у кубанских «самостийников» росло желание освободиться от опеки деникинской «Добровольческой армии», видевшей в Кубани неразрывную часть «единой и неделимой».

Деникинцы же, в первый период своего формирования мирившиеся с «самостийностью» своих союзников, с продвижением вперед, на север, и приближением к Москве повели с этой «самостийностью» жестокую борьбу.

В этой борьбе Деникин использовал внутренние противоречия между двумя группировками казачьей верхушки Кубани.

В Краевой и Законодательной радах шла борьба между так называемыми «линейцами» и «черноморцами». Возникновение этих двух группировок относится еще ко времени захвата Кубани царским правительством и ее колонизации.

«Черноморцы», жившие в северо-западной части Кубани, являлись потомками поселенных здесь казаков из разгромленной Екатериной II Запорожской Сечи. Они сохранили украинский язык. В их среде наиболее остро проявилось классовое расслоение: кулацкая прослойка здесь была очень сильна. Свое господство казачье кулачество подкрепляло внешним сохранением форм «общественного» самоуправления.

«Линейцы» — потомки донских казаков, поселенных по «Старой ли-

нии»¹, — сохранили русский язык и большую связь с Центральной Россией.

Краевая рада, состоящая в большинстве из «черноморцев» — представителей кулачества, была настроена федералистически и несклонна была уступать своего господства. Значительную роль здесь играл и национальный момент. «Черноморцам» — потомкам выходцев с Украины — не было чуждо стремление к блоку с националистическим правительством Украины. Войсковое же правительство Кубани, состоявшее из «линейцев», представлявших интересы буржуазно-служилого элемента, офицерства, связанного общностью интересов и общностью своей войсковой службы с общероссийским центром, помогало Деникину.

Свое отношение к казачьим и национальным государственным образованиям, к «самостийности» «черноморцев» Деникин выразил в следующей речи, произнесенной им на совещании в атаманском дворце в Екатеринодаре: «Вчера здесь, в Екатеринодаре, царили большевики. Над этим домом развевалась грязная тряпка, в городе творились безобразия... Проклятое вчера! Сегодня здесь происходит что-то странное. Слышен звон бокалов, льется вино, поются казачьи гимны, слышатся странные казачьи речи, над этим домом развевается кубанский флаг... Странное сегодня! Но я верю, что завтра над этим домом будет развеваться трехцветное, национальное русское знамя, здесь будут петь русский национальный гимн, будут происходить только русские разговоры. Прекрасное завтра!..»². Эта декларация ясно и четко говорила о том, что главное командование решило принять меры, чтобы «прекрасное завтра» наступило возможно скорее.

Восстановление «единой и неделимой» в том виде, в каком оно пропагандировалось и претворялось в жизнь помещичье-буржуазной контрреволюцией, не могло удовлетворить кубанских политиков.

¹ «Старая линия» — линия казачьих укрепленных поселений, построенных для борьбы с горцами в конце XVIII века.

² «Архив русской революции». Т. V, стр. 324. Берлин. 1923.

Еще в сентябре 1917 г., на состоявшейся в Краснодаре конференции донского, кубанского и терского казачества, казачья верхушка заявила, что будущую Россию она представляет себе как «великую, неделимую Российскую федеративную демократическую республику». Такая форма государства, по мысли казачьей верхушки, должна была укрепить экономическое и политическое ее господство на территории войск Донского, Кубанского и Терского и предотвратить вмешательство в дела «внутренние» помещичье-буржуазных групп «великой, неделимой». Идея эта имела особенно много приверженцев в кругах политиков Кубани, господствующие классы которой были рядом условий поставлены в благоприятное положение (мощное капиталистическое сельское хозяйство, относительно разветвленная железнодорожная сеть, морские порты).

Стремление к федеративному устройству встретило решительный отпор со стороны «восстановителей». В период борьбы с большевизмом на Кубани верхи «Добровольческой армии» и кубанского казачества об'единены были общей целью, но с разгромом советов на Кубани и взятием Екатеринодара (август 1918 г.) разногласия о формах государственного управления о взаимоотношении местных властей и будущей центральной власти все обострились и привели к борьбе между союзниками. Деникинское командование рассматривало казачество, в том числе и кубанское, лишь как воинскую силу, которая на основе связанных и освященных традицией отношений обязана защищать «веру, престол и отечество» и восстанавливать «единую и неделимую Российскую империю».

2

Через два месяца после занятия Екатеринодара, 26 октября 1918 г., на об'единенном заседании кубанского краевого правительства с представителем командования «Добровольческой армии» — помощником Деникина генералом Лукомским — обсуждался представленный последним проект организации власти. По проекту, «вся полнота государственной власти в областях, занимаемых «Добровольческой армией», принадлежит верховному руководите-

лю «Добровольческой армии». Он является диктатором, в его руках сосредоточиваются вся исполнительная и законодательная власть, все сухопутные и морские вооруженные силы. Он ведет всем делом государственной обороны, руководит международной политикой, представляет в сношениях с иностранными государствами области, занимаемые «Добровольческой армией», объявляет войну и заключает мир, издает законы и указы и т. д. Для содействия ему «в делах законодательных и управления» при нем создается «Особое совещание».

На октябрьской сессии краевой Кубанской чрезвычайной рады (1918 г.) с программной речью выступил Деникин. Изложенная им программа являлась иллюстрацией к проекту генерала Лукомского. В конце своей речи он выразил уверенность, что «Краевая рада найдет в себе разум, мужество и силу залечить глубокие раны во всех проявлениях народной жизни, нанесенные ей изуверством разнузданной черни, создаст единую твердую власть, стоящую в тесной связи с «Добровольческой армией». Не порвет сыновней зависимости от единой, великой России, не станет ломать основное законодательство, подлежащее коренному пересмотру в будущих всероссийских законодательных учреждениях, не повторит социальных опытов, приведших народ ко взаимной дикой вражде и обнищанию»¹.

Соглашаясь со всей той частью речи Деникина, которая была направлена против пролетарской революции и за сохранение старых социально-экономических отношений, «против социальных опытов», против «изуверств разнузданной черни», кубанская казачья кулацкая верхушка не могла согласиться на установление на Кубани диктатуры русского помещика и капиталиста, стремившихся лишить ее господствующего положения. На заседании Рады председатель кубанского краевого правительства Л. Л. Быч — «черноморец» — заявил, что единственный путь к воссозданию разрушенного

¹ Стенографический отчет краевой Кубанской рады. Цитирую по книге Г. Покровского «Деникинщина», стр. 48. Изд. «Пролетарий». Харьков. 1926.

Английский генерал Пуль прибыл на помощь к Денишину.

Екатеринодар. 1918 год.

государства Российского лежит через его федеративное устройство, состоящее из «свободных народов и земель», где Кубань была бы одной из составных частей. Большинство кубанских политиков в то время его поддержало.

Генерал Лукомский выступил против предложения Быча. После того как Рада все же приняла это предложение, генерал Лукомский заявил о выходе представителей «Добrarмии» из состава членов Краевой рады и демонстративно покинул зал заседания. Испугавшись своей «решительности», кубанские политики быстро пошли на уступки. Краевая рада создала «Согласительную комиссию» для урегулирования конфликта и приняла все условия, предложенные командованием «Добrarмии». Опасаясь больше всего пролетарской революции и потери своих классовых привилегий, Кубанская рада примирилась с требованием представителей «Добrarмии» о снятии лозунга Учредительного собрания, ввиду того что «обстановка приняла такой характер, что со знамени нужно снять этот лозунг».

Вслед за этим были открыто провозглашены реставрационные идеи лозунга командования «Добrarмии».

Однако несмотря на ликвидацию конфликта политика деникинцев продолжала беспокоить кубанскую верхушку. Она не могла не замечать, что действия деникинцев ведут к... большевизации трудящихся. На «Южно-русской конференции в Ростове на Дону, где обсуждался вопрос о создании «Южнорусского союза», председатель Кубанской рады Н. С. Рябовол в своей речи 13 июня 1919 г., доказывая необходимость создания этого союза, указывал, что политика «Добrarмии» ведет к нарастанию большевизма: «Когда пришли добровольцы в Черноморскую губернию и завели там губернаторский режим, то с населением в 200 тысяч человек они так управились, что оно сплошь обратилось в большевиков и там теперь идет сплошное избиение наших казаков»¹. Создание «Южнорусского союза» — союза казачьих областей Дона, Кубани и Терека как самостоятельных государственных образований, находящихся друг с другом в федеративных отношениях, совместно борющихся с большевизмом, действующих

¹ Цитирую по книге Г. Покровского «Деникинщина», стр. 114.

Отправка красноармейских частей на деникинский фронт.

ИЗДАНИЕ

солидарно в области политических и экономических интересов, — должно было ускорить воссоздание России на основе «народоправства» и созыва нового Учредительного собрания. Наиболее активному проповеднику «Южно-русского союза» — Рябоволу — эта идея стоила головы: через 2 часа после своей речи Рябовол был убит деникинскими офицерами.

Занятие «Добровольческой армией» Харькова, «Кавказской армией» (состоявшей главным образом из кубанцев) — Царицына, провозглашение похода «на Москву», которая казалась такой близкой, укрепили Деникина еще сильнее и заставили кубанских политиков еще раз капитулировать перед ним. Идея «Южнорусского союза» заменяется идеей «южнорусской власти», действующей на юге России в делах законодательных и управления от имени верховного правителя (т. е. Колчака, которого Деникин признал к этому времени). Но даже осуществление этой идеи, сохранявшей за «правителем юга России» всю полноту власти, не могло удовлетворить «восставителей» «единой, неделимой».

В новом проекте, разработанном казачьей верхушкой, говорилось о том, что законодательная власть дол-

жна принадлежать «правителю юга России» совместно с палатами областных представителей, которым принадлежит не только совещательный характер, но и законодательный. Этого было достаточно, чтобы деникинщина выступила против проекта. Президиуму конференции 15 августа 1919 г. Деникин заявил, что никакой законодательный орган («многоголовый совдеп», по его выражению) не будет допущен ни в коем случае. Единственное, на что казачество ввиду особых своих заслуг может рассчитывать, — это на большее представительство чем от других губерний в законосовещательном органе и на наличие в составе совета министров, назначаемых Деникиным, трех министров по делам Дона, Кубани и Терека.

Решив расправиться с «самостийничеством», деникинщина приступила к активным действиям против Рады. 9 октября 1919 г. к Деникину был вызван профессор К. Соколов, управлявший отделом законов деникинского правительства. Деникин предупредил его, что тема их разговора «не подлежит ни обсуждению, ни разглашению, а только исполнению». Речь шла о необходимости принятия решительных мер против политиканствующего Ека-

теринодара, сеющего рознь между казачеством и «Добrarмией», ослабляющего фронт, и т. д. Нужно провести «реформу» конституции, найти способ укрепить значение атаманской власти на Кубани, сделать ее сильной и независимой от Рады. Эту «реформу» поручено было провести через Краевую раду деникинским генералам Врангелю и Покровскому.

План генерала Врангеля был ясен и прост, рассказывает активнейший участник выполнения задуманной «реформы» — Соколов: «К началу заседания Краевой рады генерал Врангель прибывает в Екатеринодар, где уже находятся заблаговременно перебросенные туда «на отдых» с фронта верные части. В качестве командующего Кавказской армией генерал Врангель является в Раду и поднимается на трибуну. Он произносит речь, в которой указывает на тяжелое положение армии, забытой политиканствующим тылом, и от имени фронта настаивает на необходимости пересмотра краевой конституции. Немедленно после его речи группа членов Рады вносит соответствующие, заранее разработанные предложения. Если они принимаются Радой, генерал Врангель прощается, выходит к войскам, принимает парад и в этот же день отдает приказ войсковым частям гнуть для возвращения на фронт, сам также отбывает в Царицын; если же Рада категорически отвергает конституционную реформу, тогда генерал Врангель тоже выходит к войскам и объясняет им, в чем дело, и»¹ ...начинается разгром Рады.

В соответствии с заданием, полученным Соколовым от Деникина, им была разработана «реформа» кубанской конституции. Суть ее заключалась в том, что упразднялась зависимость краевого правительства от Рады. Правительство делалось ответственным единственно перед атаманом. Чтобы кубанским парламентариям легче было проглотить предлагаемую им горькую пилюлю, ее подсластили, решив провозгласить ответственность самого атамана перед Краевой радой, но... «вооружив атамана правом ее

ропуска». Для упрощения политического механизма решено было упразднить имевшуюся, кроме Краевой, Законодательную раду, а для Краевой рады ввести только одну сессию в год, что, по мнению автора проекта и деникинскому командованию, являлось бы и вполне достаточным и вполне нормальным. Поставив во главе кубанского правительства генерала Покровского и проведя «реформу» конституции по плану генерала Врангеля, Деникин и его правительство были бы спокойны за свой тыл, за основную базу своих людских и материальных резервов.

3

Повод к разгрому Кубанской рады вскоре нашелся. В декабре 1918 г. Краевой радой и правительством были посланы в составе российской делегации в Париж — для помощи «общероссийскому» представителю Сазонову — в качестве представителей Кубани: Быч, Намитоков, Савицкий и Кулабухов. Делегации поручалась защита интересов Кубани перед мирной конференцией в Версале. Состояла делегация в большинстве своем из «черноморцев». Делегация рассматривалась Деникиным и его правительством как выражение недопустимой «самостийности». Не имея возможности предотвратить ее отъезд, деникинцы решили сделать все возможное, чтобы она не доехала до места назначения. Но доехать до Парижа делегации все же удалось. В Париже кубанские политики, предвидя возможность разгрома Деникина большевиками и признания Антантой советской власти, желая себя перестраховать, ищут новых союзников для борьбы с Советской Россией и находят их в лице делегатов так называемого «меджилиса горских народов» — организации горской буржуазно-национальной верхушки, представлявшей в Париже Горскую республику. Между парижской делегацией и представителями Горской республики был подписан проект «договора о дружбе», в основу которого была положена борьба против большевиков.

С существованием Горской республики деникинщина мириться не могла. Она с ней находилась в состоянии

¹ «Архив русской революции». Т. XVIII, стр. 241. Берлин. 1926.

лойны, хотя в действительности война против деникинщины в горских областях Северного Кавказа возглавлялась не меджлисом, пытавшимся создать республику антисоветского характера, а коммунистической партией. Факт заключения «договора о дружбе» являлся, по мнению Деникина, прекрасной иллюстрацией преступного характера действий верхушки Рады. Генерал Деникин в телеграмме кубанским властям предлагает предать парижскую делегацию военно-полевому суду. Протесты атамана Кубанской области, Рады и всей «общественности» о дипломатической неприкосновенности делегации, о нарушении Деникиным «суверенных» прав Кубани, краевой власти, о несправедливом обвинении, оскорбляющем «правосознание» кубанского народа, не помогли. Распоряжением Деникина Кубанский край был включен как тыловой район «Кавказской армии» в сферу подчинения ее главнокомандующему, автору плана проведения реформы конституции генералу Врангелю, который и начал осуществлять задуманный план. Почти через месяц после разработки плана генерал Врангель телеграфирует генералу Покровскому, уже назначенному начальником тылового района: «Мною получена следующая телеграмма главнокомандующего: «Приказываю вам немедленно привести в исполнение мое НРО16729 и принять по вашему усмотрению меры к прекращению преступной агитации в Екатеринодаре, входящем в ваш армейский район. 1 ч. 50 м. 31 октября НРО 14598 Деникин». Во исполнение изложенного приказываю вам с получением сего арестовать члена парижской делегации Кулабухова, а равно всех тех лиц из числа намеченных вами, деятельность коих имеет определенные признаки преступной агитации, в связи с текущим политическим моментом. Арестованных лиц немедленно передайте военно-полевому суду, каковой сформируйте при бригаде полковника Буряка, и приговор суда приведите в исполнение безотлагательно. Кисловодск № 162 Врангель»¹.

Генерал Покровский немедленно

¹ «Белое дело». Записки генерала Врангеля, стр. 231.

приступил к выполнению приказа. Срочно предъявляется им ультиматум Раде о выдаче Кулабухова — единственного из приехавших в Екатеринодар членов парижской делегации, — и вместе с ним тридцати трех членов Рады, главным образом «черноморцев», как «преступных агитаторов». После отказа Рады он этот список уменьшает до одиннадцати и окружает помещение, где заседала Рада, войсками, вызванными в Екатеринодар «на отдых». Кулабухов и намеченные им другие одиннадцать членов Рады арестовываются. На другой же день, 7 ноября 1919 г., Кулабухов был повешен «за измену родине и кубанскому казначеству», остальные одиннадцать были преданы военно-полевому суду (впоследствии военно-полевой суд был Деникиным заменен высылкой за границу). В тот же день генерал Врангель выступил в Раде с «приветствием». Рада, как и следовало ожидать от мелкобуржуазных политиков, трепетавших перед солдатским сапогом, молча покорилась; без прений и обсуждений она вынесла решение о своем полном единении с главным командованием ВСЮР, приняла «реформу» конституции и лишила парижскую делегацию ее полномочий. Делегация была предана суду.

План реформы был выполнен. Не был лишь избран в атаманы генерал Покровский вместо сложившего с себя полномочия атамана Филимонова. Но несмотря на это Деникин мог быть спокоен: председателем Рады был избран «линеец» Скобцов, а атаманом — генерал Успенский, который «всегда благожелательно относился к добровольчеству». Президиум же новой Рады, созванной на основе реформированной конституции, получил почетное название «Президиума генерала Покровского».

Генерал Филимонов, бывший войсковой атаман, в своих мемуарах признается, что еще в конце 1918 г., после разгрома Советов на Кубани Деникин и в особенности его помощник подсказывали ему мысль разогнать Раду и взять власть в свои руки. С этим же предложением к нему тогда же обратились центральная фигура в выполнении плана «реформы» в ноябре 1919 г. — генерал По-

Группа красно-зеленых. Кубань.

кровский, а также небезызвестный генерал Шкуро¹.

4

Разгром Рады показал рядовому казачеству, кто являлся истинным хозяином на Кубани и какую роль играла верхушка казачества в Раде. Большевики Кубани использовали разгром Рады для показа действий великодержавной деникинщины и предательской роли контрреволюционной кубанской Рады. В кубанских частях усиливается дезертирство, казаки уходят в красно-зеленые отряды, руководимые коммунистами. Растет число отказов — иногда со стороны целых частей — от выступлений на позиции. По показанию пленных, целые полки кубанцев отказываются в виде протеста против казни Кулабухова выступать на позиции. Командованию приходится их расформировывать и принимать репрессивные меры. Отдельные кубанские части дают до 50% дезертиров. По данным самого

Деникина, численность кубанцев в армиях «восстановителей» «единой России» резко падает вниз: в конце 1918 г. кубанцы составляли 68,75% всех военных сил Деникина, весной 1919 г. — около 40%, а в конце лета 1919 г. — около 15%; в начале 1920 г. цифра эта достигала лишь 10%, несмотря на то что ареной борьбы деникинских войск с Красной армией к этому времени являлась непосредственно территория Кубани.

В конце 1919 — начале 1920 г. для «Добрармии» на Кубани создается тяжелое положение. Настроение казачьей станицы все больше складывается не в пользу Деникина. Ряд станиц: Воздвиженская, Петропавловская, Темиргоевская и др. — выносит приговоры об удалении генерала Деникина из пределов Кубани; станица Журавская требует ареста и предания военно-полевому суду генералов Врангеля и Покровского.

Появляются борющиеся с деникинщиной зеленые, вернее, бело-зеленые, отряды, состоявшие из дезертиров «Добровольческой армии» и кулацкой части станиц. Они увлекают за собой

¹ «Архив русской революции». Т. V, стр. 322. Берлин. 1923.

и часть трудового качества. Руководителями этих отрядов были члены Рады — Пилюк, Савицкий, Савва Крикун. Действовали они под лозунгами борьбы против Деникина и против большевиков, за Кубанскую казачью Раду. Численность их отрядов была несоизмеримо меньше численности красно-зеленых отрядов, боровшихся за Советскую Кубань. Рядовые участники этих отрядов поддерживали лозунг «Война с Деникиным, мир с большевиками».

Деникинское командование принимало меры, чтобы воспрепятствовать разложению фронта и поднять свой престиж. Был использован для этого и авторитет Антанты. За подписью «почетного казака Незамаевской и Старочеркасской станиц» генерала Хольмана — представителя английского командования при Деникине — по станицам разбрасывались с аэропланов воззвания о поддержке Деникина. Но восстания против Деникина вспыхивают то в одной, то в другой станице, полку, казачьей части. Они подавляются совместными усилиями союзных Кубани донцов и собственными отрядами под командованием самоды, осталось в истории гражданской

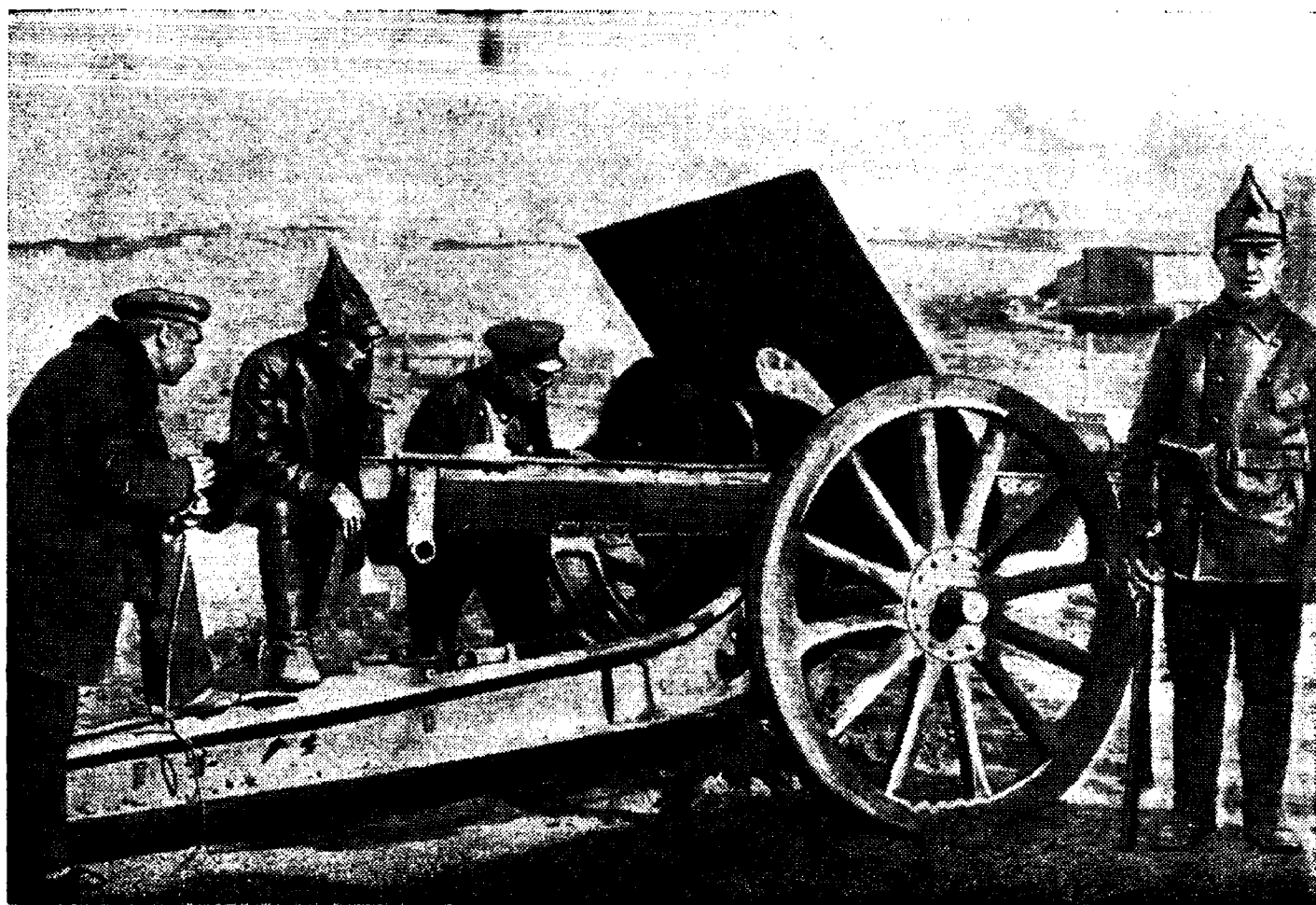
активно борющихся противников деникинщины растет с каждым днем. Под давлением самого казачества руководители зеленого движения Пилюк и Савицкий, определенно заявлявшие о своей ненависти и к красным и к белым, вынуждены пойти на совместное выступление против деникинских войск с красно-зелеными. Под тем же давлением снизу эти политики признали советскую власть, которая для всей массы середняцкого казачества стала знаменем борьбы за освобождение от деникинщины.

В марте 1920 г. отряд Пилюка подчинился советскому руководству.

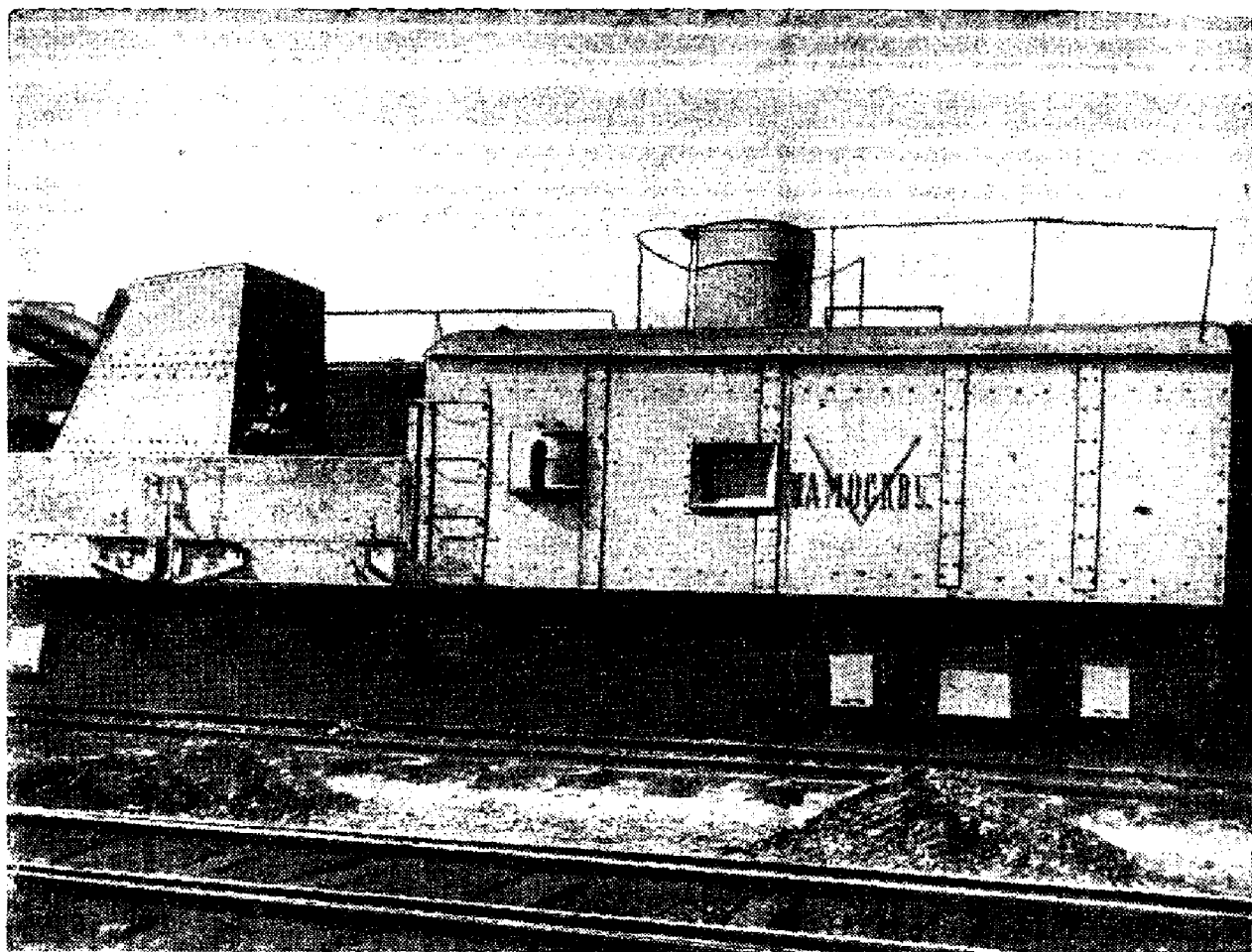
Разгромом Кубанской рады Деникин разбил иллюзию «самостийной» Кубани, увлекавшей за Радой определенную часть трудового казачества.

Осознав свои классовые интересы, эта часть присоединилась к остальному трудовому казачеству и иногородней бедноте Кубани и в союзе с пролетариатом и трудящимся крестьянством Советской России под руководством коммунистической партии окончательно ликвидировала деникинщину.

«Кубанское действо», как деникинщина назвала разгром Кубанской рады, осталось в истории гражданской

Одно из орудий, отбитое красными частями у Деникина.

Бронированный поезд, отнятый у Деникина.

войны в СССР ярким эпизодом, показавшим реставраторскую политику «восстановителей» «единой России», трусливость и лакейскую преданность кубанского кулачества русскому помещику и буржуазии, крах мелкобуржуазной иллюзии о возможности «самостийной» Кубани под крылышком русского помещика и капиталиста.

Деникин в своих «Очерках русской смуты», ссылаясь на записки донского полковника Добрынина, пишет, что руководители кубанских «зеленых» — самостийники Пилюк и Савицкий — имели якобы соглашение с представителями советской власти о признании ею «независимости казачьих областей» как условия заключения мира с ними. Нечего говорить, что никогда представителями советской власти по-

добного рода соглашения не заключались. Руководители «зеленого» движения, несомненно, питали надежды на то, что кубанской кулацкой верхушке удастся удержать свои позиции. Борьба их против советской власти на Кубани долго еще не прекращалась, проявляясь в самых различных формах, особенно остро в годы первой пятилетки, когда решались вопросы социалистической реконструкции сельского хозяйства Кубани и ликвидации кулачества как класса. Попытавшиеся Пилюки, Крикуны, Савицкие вылезли вновь, но победивший пролетариат и колхозное крестьянство нашей страны под руководством большевистской партии и ее мудрого вождя товарища Сталина окончательно разбили кулачество и победоносно строят бесклассовое, социалистическое общество.

БОЙ В ЧЕЛМУЖАХ

(ИЗ ИСТОРИИ ОТРЯДА
ТОВ. СПИРИДОНОВА)

1

Бои в оккупированном интервентами в 1918—1919 гг. Мурманском крае, ознаменовавшиеся исключительной отвагой и самоотверженностью красноармейских частей, вписали героические страницы в историю Красной армии. Заслуженную славу приобрел на севере один из славнейших отрядов Красной армии, отряд питерских пролетариев, руководимый рабочим Адмиралтейского судостроительного завода (теперь завод им. Марти) Иваном Дмитриевичем Спиридоновым. Защищая Мурманский край и выдерживая на себе всю силу удара белогвардейских и интервенционистских войск, отряд неоднократно разбивал наступающие белые части и в период наступления красных, в конце 1919 и начале 1920 г., обеспечивал от прорыва их победоносное продвижение к Мурманску. Отряд выдержал ряд жесточайших боев с силами контрреволюции и в последнем бою—в Челмужах—нанес одному из крупных белогвардейских отрядов решающий, сокрушительный удар.

Оккупация союзниками Мурманского края началась фактически с марта 1918 г., когда Мурманский совдеп, состоявший из явных и скрытых контрреволюционеров во главе с Юрьевым, заключил с союзниками предательское соглашение «о совместных действиях англичан, французов и русских по обороне Мурманского края»¹.

Не порвав еще формально с совет-

ским правительством и прикрываясь советской вывеской, Мурманский совдеп проводил антисоветскую политику и всячески содействовал оккупации союзниками Мурманского края.

Союзники постепенно увеличивали свои силы в Мурманске. Рабочие были не организованы, крестьяне обмануты эсерами и меньшевиками, хвостничали контрреволюционеры—бежавшие из Центральной России офицеры и кулачье.

Предатели из краевого «совета» открыто шли на раскол с Москвой, игнорируя категорические протесты Ленина, указывавшего, что действия союзников в Мурманске нарушают нейтралитет Советской России в борьбе германского и антантовского империализма, срывают Брестский мир и ведут к оккупации края.

В первых числах июня версальский высший военный совет назначил английского генерала Пуля главнокомандующим всеми союзными вооруженными силами на севере России, а 17 июня генерал Пуль прибыл на английском крейсере в Мурманск. Это был переход к прямым военным действиям против Советской России.

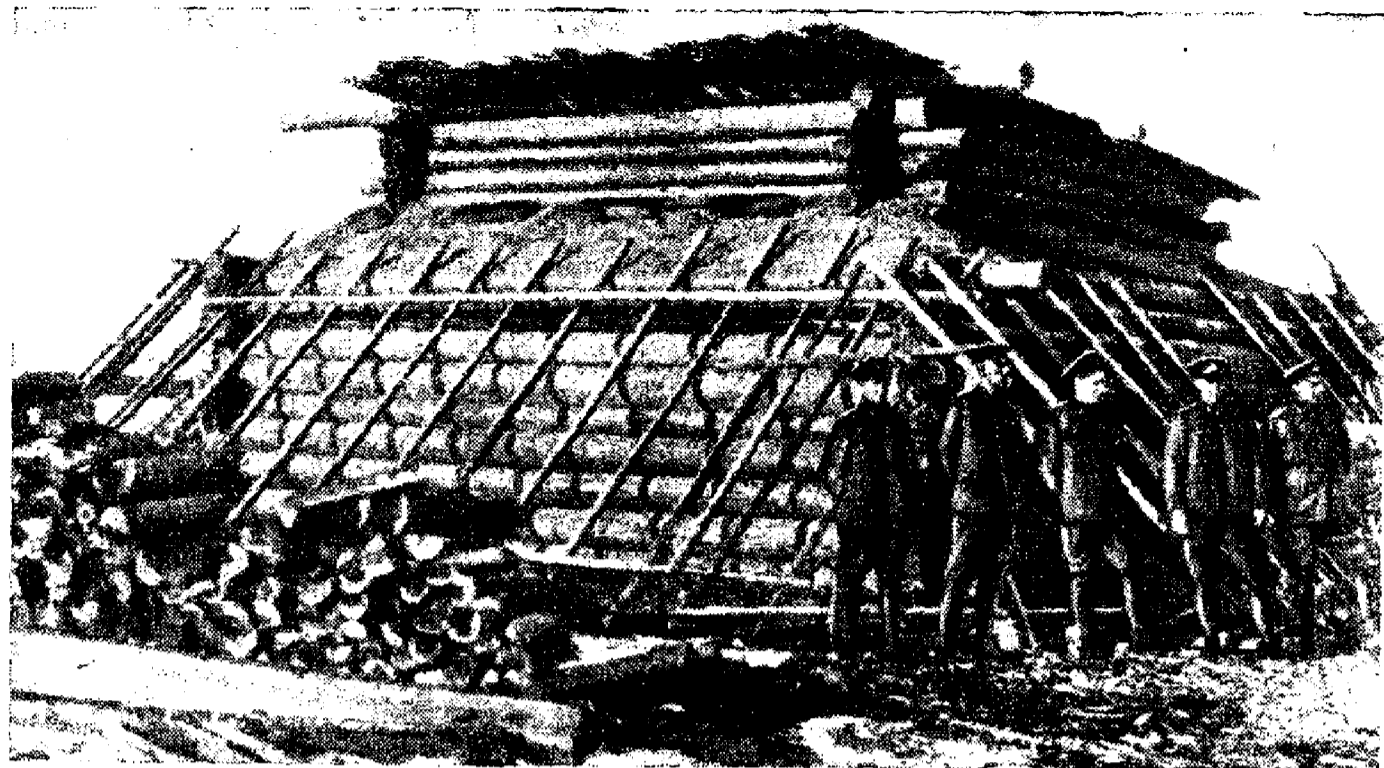
27 июня президиум контрреволюционного Мурманского краевого совета принял решение о разрыве сношений с Москвой. Результаты тотчас сказались: 3 июля 1918 г. англичане разогнали Кемский совет рабочих и крестьянских депутатов; 6 июля 1918 г. президиум Мурманского краевого совета заключил с представителями Англии, Америки и Франции «временное по особым обстоятельствам соглашение», положившее начало открытым вооруженным действиям союзников и белогвардейцев против Советской России².

Отряд Ивана Дмитриевича Спиридонова сформировался в дни корниловщины из питерских красногвардейцев 2-го городского района и рабочих бывшего Адмиралтейского, судостроительного и франко-русского заводов.

После разгрома корниловцев отряд нес революционную охрану Петрограда, затем, участвуя в боях с войсками Керенского, выполнил ответствен-

¹ Корнатовский «Северная контрреволюция». «Молодая гвардия». 1931.

² Там же.

Блиндажи белых. Интервенция на севере.

ное боевое поручение: занял станцию и радиотелеграф в Детском селе.

С этого времени почти непрерывно в течение нескольких лет отряд ведет боевую жизнь.

В феврале 1918 г., в дни наступления немецких империалистов, его перебрасывают в Гдов, вслед затем он получает приказ переправиться в Кемь, куда ворвались финские белогвардейцы.

В момент прибытия отряда к Кеми, в начале июля 1918 г., размещенные здесь части англо-сербов, лицемерно заявлявшие о своем невмешательстве в дела России, захватывают часть Мурманской железной дороги, Кемь, разоружают и арестовывают отряды Красной армии. Отряд Спиридонова закрепляется на станции Шуерецкая. Спиридонов назначается начальником мурманского боевого участка.

Отступая в первых числах июля 1918 г. под натиском белых, отряд Спиридонова выполняет на Мурманской железной дороге ответственное и трудное поручение чрезвычайного комиссара тов. Напаренуса и начальника Мурманской железной дороги тов. Орлова—эвакуирует станцию Сорока. Отряду пришлось столкнуться с ожесточенным сопротивлением железнодорожных чиновников и белогвардейских агентов, не дававших составов для эвакуации ценного имущества и злобно срывающих работу.

Пришлось все делать самим красноармейцам и командирам, совершенно незнакомым с железнодорожным делом.

В момент эвакуации местные контрреволюционеры подожгли депо, и потребовались усилия всего отряда, чтобы ликвидировать пожар. Поджогами, распространением провокационных слухов, саботажем—всеми средствами пыталась белогвардейская агентура сорвать эвакуацию, внести панику в ряды красноармейцев, запугать местное население. Начальник эвакуационных поездов. Салунин, отправившийся на лесопильный завод близ станции, был задержан антисоветскими элементами. Лишь под угрозой применения вооруженной силы удалось его освободить.

Вместе с тем с фронта наседали противники. Отряду приходилось выделять вооруженные группы для сопровождения поездов.

Наконец, все ценное имущество было эвакуировано.

Отряд отступил к реке Онде, и здесь совместно с финским отрядом спиридоновцы вплоть до декабря 1918 г. оказывают ожесточенное сопротивление противнику, отбивая все его попытки продвинуться на юг. Белогвардейцы применяли артиллерию и авиацию, в то время как у отрядов Красной армии не было ни того, ни другого, и единственное, что они могли делать, — заходить группами в тыл

противнику, разрушать его склады, укрепления, путать его планы, создавать у него преувеличенное представление о численности красных частей.

С первых же дней прибытия на Мурманскую железную дорогу отряду пришлось почувствовать давление интервентов. Еще не применяя открыто оружия, интервенты пытались занять отдельные участки дороги. Однако они встретили сопротивление отряда Спиридонова. Раздраженные бдительностью красноармейских частей, интервенты ждали лишь предложения, чтобы приступить к вооруженным действиям. Этот предлог скоро представлялся. Одна из разведок отряда Спиридонова, посланная в 20-х числах августа к деревне Коргозеро, столкнулась с патрулями белогвардейцев и интервентов. Завязалась перестрелка, в результате которой были жертвы с обеих сторон. Вскоре тов. Спиридонов получил от командующего войсками союзных сил Сумского района письмо-ультиматум, ярко показывающее ту бесцеремонность, с какой вели себя оккупанты на советской земле.

«23 августа с. г., — говорится в письме-ультиматуме, — один из наших патрулей был встречен стрельбой, произведенной вашими людьми в деревне Коргозеро, и один солдат у нас был убит ими... Это преступление будет наказано, и двое взятых в плен красноармейцев понесут заслуженную кару. Предупреждаю, что каждому поднявшему оружие против союзников грозит смерть. Предлагаю вам все имеющееся у вас оружие, патроны, снаряжение сдать мне в Сумостров, доставив его в Ендо-губу подводами, а оттуда на лодках в Сумостров в сопровождении ваших людей, которым гарантируем полную свободу. Если же оружие не будет сдано, то двину все имеющиеся у меня силы, артиллерию и аэропланы, и вы будете жестоко наказаны.

...Все оружие должно быть сдано до 31 августа с. г. Оружие должны сопровождать не более двух человек при каждой подводе. Прошу ответить через посланного. Если посланный крестьянин не вернется к 29 сего августа, то аэропланы начнут бомбардировку всех ваших пунктов до Петрозаводска.

Командующий войсками союзных сил Сумского района С. С. Штекле»¹.

В этом же письме Штекле называет отряд Спиридонова бандой и объявляет о «бегстве» советского правительства в Кронштадт. Ультиматум Штекле был зачитан на объединенном собрании красноармейцев отряда Спиридонова, Ораниенбаумского батальона и отряда финнов. На собрании был одобрен и текст ответного письма Спиридонова.

Вот этот текст:

«Командующему войсками союзных сил Сумского района. Отвечая на ваше требование о сдаче оружия и переходе на вашу сторону, заявляю вам, что власть большевиков, т. е. рабоче-крестьянская, не пала, а по-прежнему существует, опираясь на силы русской демократии. Мы не банды, а отряды регулярной Красной армии, которая умеет честно и добросовестно исполнять свой долг перед родиной и революцией и готова умереть на своем посту, защищая советскую власть.

Ваши угрозы не страшны. Какими бы силами вы ни располагали, я заявляю от имени своих отрядов, что о сдаче оружия не может быть и речи.

Ответ один: я принимаю ваш вызов не на жизнь, а на смерть. Проклятие вам всем, наемники богачей-империалистов всех стран.

...Начальники отрядов Красной армии не сдаются, а умеют умирать в бою с наемниками бандитов.

Начальник отряда Спиридонов»².

Тов. Нацаренус, прочитав письмо Спиридонова, прислал короткую телеграмму:

«Благодарю. Иного ответа не ожидал».

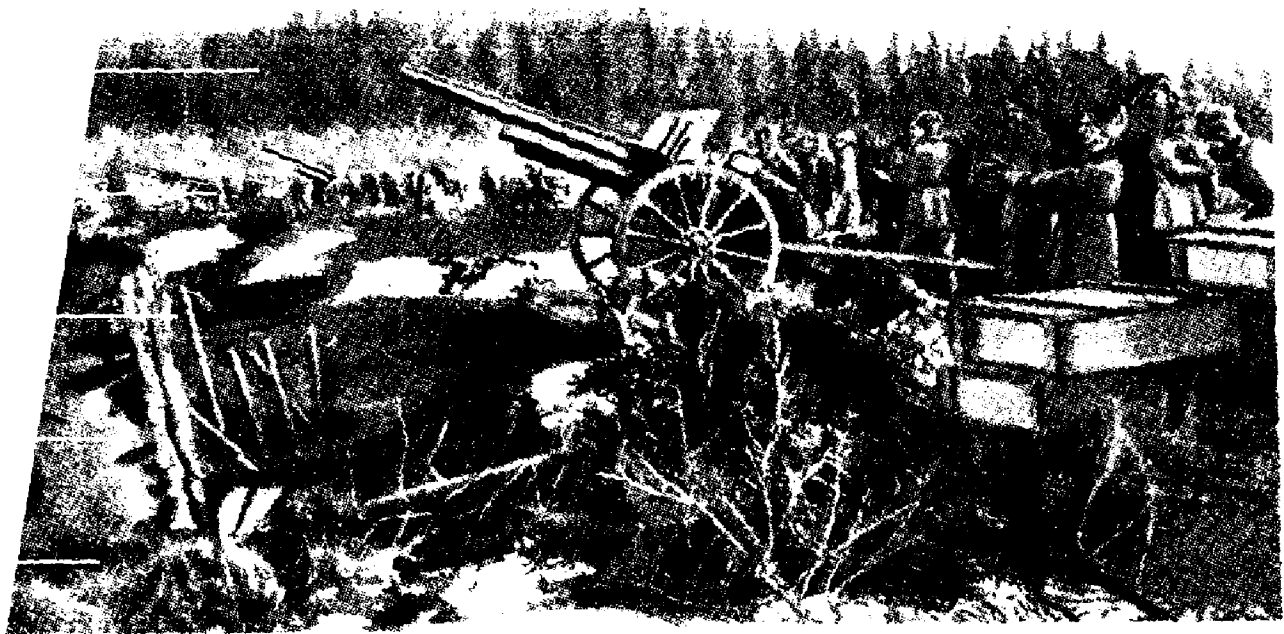
Штекле частично привел в исполнение угрозу, и вскоре над расположением красных частей вплоть до Петрозаводска появились боевые самолеты интервентов.

2

К январю 1919 г. значительные силы из отряда тов. Спиридонова перебрасываются в глубь Карелии. Незначительная часть отряда, составляющая

¹ Сборник воспоминаний «В боях за советскую Карелию». Ленинград. 1928.

² Там же.

На боевом участке красных войск. Северный фронт.

лишь одну десятую численности наступающего противника, защищает участки Онда, Сегеж, 22-й раз'езд.

В этой героической защите, сдерживая грудью напор врага, гибнут многие бойцы спиридоновской группы. Сам И. Д. Спиридонов был ранен трижды. Но несмотря на ранения он из строя не выбывал.

Одна тревожная весть приходит вслед за другой: пал отважный командир 5-й роты Солодсов, погибли агитаторы, отправленные в стан противника, убиты 63 красноармейца в боях под станцией Сегеж и на 22-м раз'езде.

Вскоре отряд снова пополняется, из него формируется Уросозерский полк под командой Спиридонова и снова на спиридоновцах лежит обязанность сдерживать наступление врага, превосходящего их численностью и вооружением, в избытке располагающего амуницией и питанием, в то время как красноармейцы терпят нужду и лишения.

Долгие бои ведутся в мае 1919 г. за удержание станций Медвежья гора и Масельская. Защищая эти районы, полк вынужден послать еще роту бойцов в помощь Петрозаводску для несения внутренней охраны и обороны города.

Бои переносятся на 11-й, затем на 10-й раз'езды. Это было в мае—июне 1919 года.

На 10-м раз'езде разыгрались жестокие бои.

Первый фланг полка прикрывала деревня Пергуба.

Белогвардейцы заняли деревню, стали теснить правый фланг полка. Тогда командир 4-й роты тов. Морон предпринял контрнаступление и выбил белогвардейцев из деревни. Вскоре после этого боя Иван Дмитриевич Спиридонов на паровозе от'ехал на 4—6 километров от раз'езда для осмотра позиций за Пергубой. Противник вел артиллерийский обстрел. Здесь, на правом фланге, собрались и командиры рот: Спиридонов Николай¹, Пашич и др. На правом фланге было благополучно. Иван Дмитриевич перешел на левый, где вели наступление сербо-британские части и где располагалась 1-я рота полка Спиридонова и 6 и 9-я приданные роты 40-го полка. Рота занимала край болота, так что здесь противник пройти не мог, но зато более глубокий обход возможен был несколько дальше, где кончалось болото, и Иван Дмитриевич выделил туда некоторый резерв.

В это время противник пошел в наступление. Белые продвигались к расположению роты. К Спиридонову подбежал командир 9-й роты, он был ранен — из руки его струилась кровь.

¹ Однофамилец Ивана Дмитриевича Спиридонова.

Ему стали накладывать на руку повязку. Рядом со Спиридоновым стоял командир 1-й роты тов. Богданов.

— Напрасно вы стоите, — уговаривал Богданов Спиридонова, — лучше ложитесь, так вас легко могут подстрелить.

Он успел только закончить фразу и повалился на землю.

— Кажись, ранен, — пробормотал он.

Спиридонов наклонился: Богданов был ранен в бок, пуля пробила бедро.

Богданову наложили повязку. Тут же подбежал посыльный и сообщил о ранении командира взвода. В роте выбыло из строя много бойцов, но противник нес еще большие потери. Санитары понесли Богданова на носилках к полотну железной дороги, но тут навстречу вышла атакующая цепь белогвардейцев. Старики-санитары были одни и, растерявшись, бросили носилки. Спиридонов окриком вернул их, группа красноармейцев стремительно бросилась вперед — Богданов был спасен. До вечера продолжался бой, белые предпринимали атаку за атакой, обороняющиеся переходили в контрнаступление и отбрасывали противника.

Позиция осталась за 1-й ротой.

Прошли недели. К противнику пришло пополнение, и лишь тогда, после полутора месяца непрерывных боев с превосходящим численностью противником, полк тов. Спиридонова несколько отошел, сохраняя, однако, фланги.

В период боев на 9-м раз'езде против наступающих превосходных сил противника выдвигается бронепоезд, ведущий ураганный огонь по противнику и отбивающий атаку белогвардейцев. Вторичной атакой белые несколько оттесняют красных, окружая пулемет. Создается затруднительное положение. Тогда часть отряда тов. Спиридонова переходит в контратаку и завязывается длительный, упорный бой. Ночью наступает затишье. Бронепоезд получает возможность маневрирования. После ряда непрерывных боев части Спиридонова заменяются другими и им дается кратковременный отдых. Затем вновь начинается полоса длительных ожесточенных боев на Мурманском, Петрозавод-

ском, Олонецком и Заонежском участках, завершающаяся сражением в Челмужах.

Своей героической защитой на протяжении второй половины 1918 и всего 1919 г. отряд тов. Спиридонова давал красным частям возможность организовать, отбить врага на подступах к Петрограду в период летнего и осеннего наступлений Юденича, оттеснить белофинские банды в Карелии, сосредоточить силы на северном фронте. На Спиридонова падала всегда самая тяжелая и самая опасная задача — быть в авангарде, сдерживать на себе весь напор врага, парализовать наступление вооруженной до зубов и неизмеримо превосходящей своей численностью лавины белогвардейцев и интервентов, отбросить противника при первой же возможности, очистить от контрреволюции Мурманский край.

И эту задачу отряд, руководимый отважными, стойкими коммунистами, выполнял героически, выполнял до тех пор, пока победоносная Красная армия не сбросила врага в Баренцево море.

3

В конце 1919 г. Красная армия ведет общее наступление на Архангельск и Мурманск. Отряды тов. Спиридонова пополняются новыми людьми, и из них формируется 9-й полк, состоящий из 4 батальонов (в каждом батальоне было по 3 роты численностью в 120—130 человек каждая) и возглавляемый попрежнему Спиридоновым. 3 декабря 1919 г. полк тов. Спиридонова, находившийся в Пудоже, переходит в наступление и до 26 октября в непрерывных боях гонит противника, заставив его отступить к Повенцу и очистить 200-верстную полосу. Перед полком стоит задача — содействовать захвату Повенца.

Спиридонов составляет план движения: первый батальон идет в обход на Пустошкину мельницу, где засели белогвардейцы, второй батальон — к деревне Купецкой, а третий и четвертый — погружаются на буксирный пароход на Онежском озере и высаживаются в тылу противника. Близ деревни Челмужи батальоны тов. Спиридонова, успешно завершив опера-

Жертвы белых в Мурманском крае. 1920 год.

ции, вновь соединяются. Предстоит всей массой полка ударить на противника в направлении на Повенец. Важное значение приобретает ближайшая деревня Пелики. Здесь скрещиваются две дороги: на Повенец и на Тихвин бор. И тот и другой пункты находятся в руках белых. Первый батальон 9-го спиридоновского полка идет на Повенец на подкрепление финскому батальону и подходит почти к самому Повенцу, второй батальон остается прикрывать Пелики, третий и четвертый батальоны должны очистить Водоозерский район и пойти через Пелики на Повенец.

Противник тем временем решил напасть из Тихвина бора на Пелики, врезаться клином в расположение красных и сорвать их операцию. Батальон, главным образом 6-я рота (остальные были в заставах), принимает бой. Спиридонов посылает конных вестовых к третьему батальону с приказанием спешить к Пеликам. Боевая застава 6-й роты встречает противника пулеметным огнем и задерживает его близ Пеликов. Завязывается длительная перестрелка. Противник располагает значительными силами и вооружением. Силы красных тают, противник обходит заставу и, уничтожив ее, подступает к Пеликам. Окруженный неболь-

шой группой людей, Спиридонов лично руководит боем.

Вот сошлись они лицом к лицу: группа Спиридонова, едва ли составляющая роту, и отряд белогвардейцев. В течение часа в ружейном и пулеметном огне решалась судьба роты Спиридонова. Белые превосходили вооружением и количеством. Вдруг Иван Дмитриевич упал на колени. Пуля попала ему в седалищный нерв.

— Принимайте командование, не сдавайте Пелики!— кричит он командиру 6-й роты Царевскому. — Скоро придет подкрепление.

Спиридонова кладут на повозку и увозят. Бой продолжается. Проходит час — подкрепления нет. Осторожно и обдуманно рота отходит от Пеликов и закрепляется в версте от нее. Подходит, наконец, долгожданное подкрепление — 3-й батальон, красные переходят в контратаку и штыковым ударом отбрасывают белых. Пелики снова в руках спиридоновцев. Надо закрепиться в этой полосе. Однако оставаться в Пеликах рискованно, и командование отдает приказ оставить Пелики и закрепиться в Челмужах. Красным частям, наступавшим на Повенец, пришлось на время отступить, и Челмужи превращаются в передовой заградительный участок. Спиридоновцы — их было здесь не больше

батальона, так как остальные были разбросаны по другим боевым участкам,— лихорадочно возводят заграждения, роют в снегу, в промерзшей земле окопы, готовят зимние позиции. Наступают последние, жесточайшие бои под Челмужами. Красные по-прежнему лишены обмундирования, продуктов, терпят холод и нужду. Белые бомбардируют спиридоновцев с аэропланов. Окопы проходят перед самыми избами. Красные высылают разведки по направлению к Повенцу. Проходит около полутора месяца — время непрерывных стычек и боев. Важно было удержать эту позицию, пока основные силы красных наступали из Петрозаводска по направлению к Мурманску. Белые решаются, наконец, выбить спиридоновцев во что бы то ни стало. Получив подкрепление, они идут на Челмужи, окружают деревню и ведут наступление при поддержке артиллерийского огня (у них были не только 3-дюймовые, но и 6-дюймовые орудия). Спиридоновский отряд в Челмужах насчитывал не более 500 человек, в рядах наступавших белогвардейцев — 9-й и 11-й северные полки и ударный батальон матерого белогвардейца Моисеева — насчитывалось свыше тысячи человек.

Командованию белых была известна численность спиридоновского отряда.

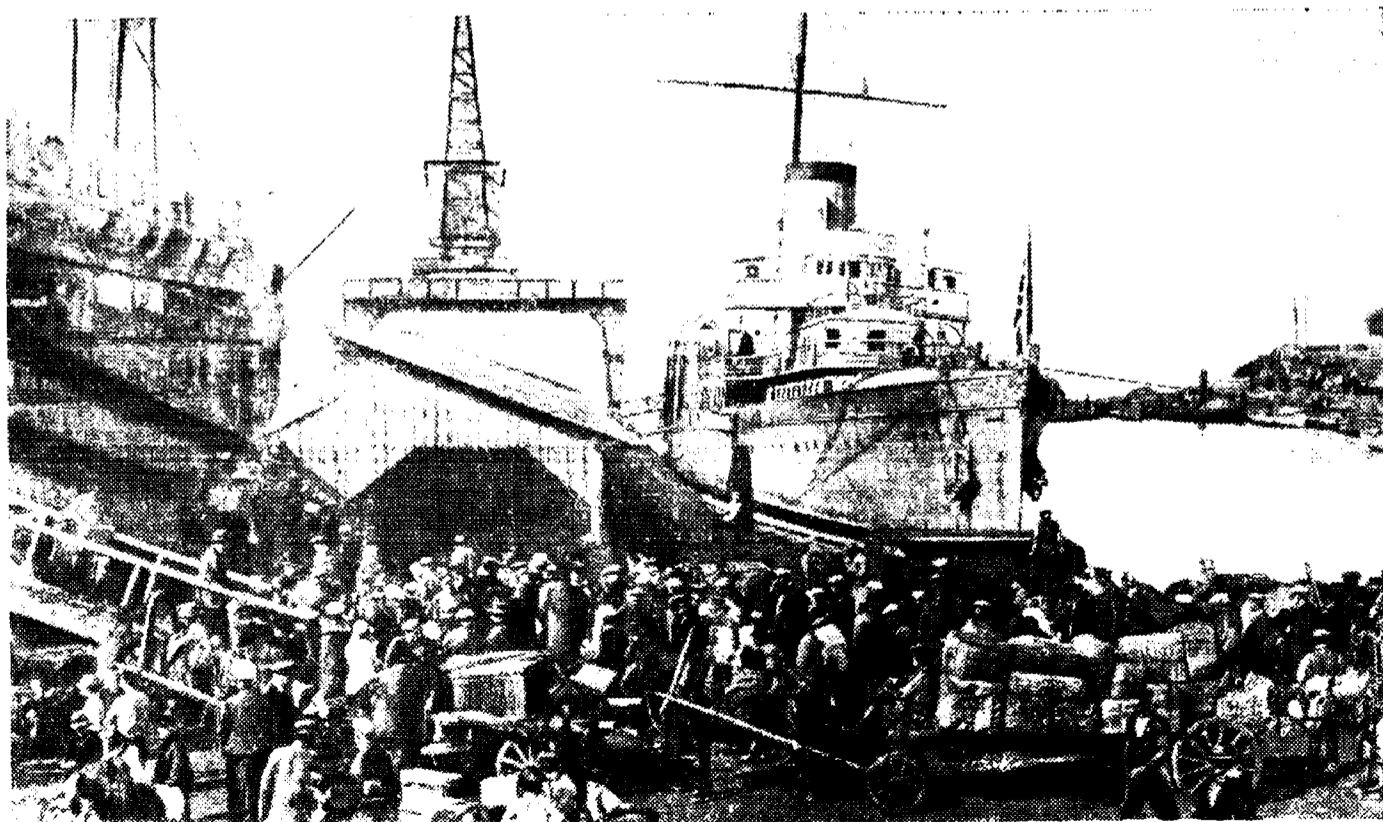
Зная о своем подавляющем превосходстве, белое командование поставило целью окружить обороняющихся и уничтожить отряд полностью.

Известный своими зверствами отдельный батальон под командованием Моисеева получает специальное задание—ударить с тыла и расстроить ряды красных. Все силы белых брошены в ход, к ближайшей деревне подтянуты обозы. Белогвардейцы в избытке снабжены оружием и патронами. Все данные для победы налицо. К утру белые предполагали войти в деревню.

Красноармейцы в это время делили патроны, так как их не хватало, стараясь не стрелять впустую, чтобы не остаться без патронов в последнюю минуту. Маленький изнуренный отряд, окруженный со всех сторон, яростно отбивался на всех участках, причиняя жестокий урон нападающим, не отступая ни на шаг. Пулеметы спиридоновцев должны были поспевать всюду.

Начальник пулеметной команды тов. Щербинин непосредственно наблюдал за всеми пулеметами, бегая от одного к другому, подбодряя пулеметчиков, устраняя все заторы в стрельбе.

Героические стрелки и пулеметчики проявили беззаветную отвагу. Оборона была продумана тонко, глубоко в деталях: меткие стрелки снимали

Эвакуация белых из Архангельска.

неприятельских пулеметчиков, не давая противнику устанавливать пулеметы на возвышенностях.

С переменным успехом шел бой, ожесточенный и неравный. В рядах противника уже ощущается некоторая растерянность и недоумение.

К утру спиридоновцы перешли в контратаку, отбросили белогвардейцев от деревни, пополнили за счет раненых и пленных запас патронов.

Но эта победа—только передышка. В течение двух последующих суток вновь и вновь атакуют белогвардейцы спиридоновцев, атакуют артиллерийским, ружейным, гранатным и пулеметным огнем. Разрушены избы и завалы, сбиты ограждения, засыпаны землей окопы, — но бой продолжается. Наконец, патроны у спиридоновцев иссякли, красноармейцы бегали по избам, лихорадочно ища под лавками, в сенях, не завалились ли где патроны. Каждая обойма, каждый патрон на учете.

В штабе полка, в Пудож-горе, назрело между тем сильнейшее беспокойство. В течение трех суток в штаб не поступало сведений от спиридоновского батальона. Помощник И. Д. Спиридонова тов. Александров мобилизует штаб, формирует отряд из хозяйственной, комендантской и саперной команд и, собрав около 300 человек, идет на выручку, не зная ничего о Челмужах, не зная, найдет ли отряд в живых.

Спиридоновцы в Челмужах решают сделать последнюю ставку — оставить окопы и пойти врукопашную. К этому времени подходит красное под-

крепление. Завязывается штыковой бой, один из последних боев.

Красные ведут теперь бой с большими шансами на успех. Вот, наконец, спиридоновцы врезались в расположение противника, отдельные группы предпринимают дерзкие атаки, начинается то, о чем спиридоновцы могли за день до этого только мечтать, — разгром противника.

Оцепить, не дать уйти—решает командование батальона. Рота Николая Спиридонова пробивается огнем и штыком к самой сердцевине белых — к штабу полка Круглякова, ломая сопротивление врага, обстреливает штаб, окружает его и захватывает в плен целиком вместе с командиром полка, организатором наступления на Челмужи, полковником Кругляковым.

Так были удержаны Челмужи.

Защита Челмужей имела большое значение для мурманского направления фронта. Сдерживая здесь напор белых, отряд Спиридонова обеспечивал от прорыва красноармейские части, двигавшиеся по направлению Петрозаводск—Мурманск. Вскоре наступление красных увенчалось полным успехом. Обеспокоенные частыми восстаниями среди белых и интервенционистских войск и требованиями западноевропейских рабочих, союзники эвакуировались. В результате разгрома белых пало в Архангельске правительство Миллера (19 февраля 1920 г. Миллер эвакуировался на ледоколе «Минин»), а 21 февраля 1920 г. восставшие рабочие захватили Мурманск. Победоносная Красная армия заняла весь север, вернув Советской республике богатейший Северный край.

**ПОМОЩЬ
МОСКОВСКИХ
БОЛЬШЕВИКОВ**

**ФРОНТАМ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

1

Московская партийная организация, одна из наиболее крупных и крепких большевистских организаций, играла исключительно большую роль как организатор побед на фронтах республики в годы гражданской войны. Сотни московских коммунистов в качестве политработников, агитаторов и организаторов с беззаветной преданностью вели на фронте работу по созданию регулярной Красной армии, борясь с партизанскими пережитками. Они мобилизовывали словом и примером красноармейские массы на решительную борьбу с врагами Октябрьской революции. Многочисленные пополнения московских большевиков и широких слоев московского пролетариата несли на фронты гражданской войны огромную революционную энергию, которая претворялась в чудеса храбрости, героизма, стойкости и выдержки.

Но Москва не только посылала на фронты революционных бойцов, политработников, агитаторов и организаторов: она вела одновременно большую работу по оказанию помощи Красной армии теплыми вещами, бельем, обувью, литературой, культурными силами, а также по выяснению нужд семей красноармейцев и помощи им.

Связи красного тыла с фронтом как важнейшему фактору классового воспитания, моральной крепости и боеспособности Красной армии наша партия придавала огромное значение.

В 1918 г. Ленин писал: «Для ведения войны по-настоящему необходимо крепкий организованный тыл.

Самая лучшая армия, самые преданные делу революции люди будут немедленно истреблены противником, если они не будут в достаточной степени вооружены, снабжены продовольствием, обучены»¹.

Товарищ Сталин в речи на торжественном заседании Моссовета, посвященном десятилетию Красной армии, говорит: «А что значит любовь народа к своей армии? Это значит, что такая армия будет иметь крепчайший тыл, что такая армия является непобедимой. Что такое армия без крепкого тыла? Ничто. Самые большие армии, самые вооруженные армии разваливались и превращались в прах без крепкого тыла, без поддержки и сочувствия со стороны тыла, со стороны трудящегося населения. Наша армия есть единственная в мире, которая имеет сочувствие и поддержку со стороны рабочих и крестьян. В этом ее сила, в этом ее крепость»².

Почти до конца 1918 г. связь Москвы с фронтом носила недостаточно организованный характер: отдельные районы, создавая иногда комиссии по сбору подарков для Красной армии или выделяя специальных уполномоченных, собирали средства, вещи, литературу, договаривались с соответствующими военными органами и делегировали своих представителей на тот или другой фронт в зависимости от связи с той или иной военной частью или от удельного веса того или иного фронта в данный момент.

Формы сбора средств и подарков для помощи фронту были очень разнообразны: отчисления по предприятиям и учреждениям, сбор вещей, книг среди населения и со складов, устройство концертов-митингов, организация специальных «недель» Красной армии, «недель» фронта, посылка артистов для устройства художественных развлечений и т. д.

С развертыванием фронтов, в обстановке углубления экономической разрухи необходимость учета всех ресурсов помощи фронту и более целесообразного их распределения потребовала концентрации этого дела.

14 сентября 1918 г. секретариат МК

¹ Ленин. Т. XXII, стр. 304.

² «Правда» от 23 февраля 1935 года.

Отправка литературы на фронт. 1919 год.

РКП(б) постановляет «затребовать от чрезвычайных комиссий описи товаров, имеющихся в их распоряжении, и поручить Исполнительной комиссии МК то, что можно направить на фронт в виде подарков от московских рабочих»¹.

26 сентября отдел районов Московского совета на своем совещании с представителями районов выносит решение об организации при отделе районов летучего отряда или подвижной комиссии из представителей райкомов партии, райсоветов и фабрично-заводских комитетов. Комиссия намечалась в сто человек, с целью обеспечить тесную связь ее с районными комиссиями по нуждам фронта.

Для лучшего руководства делом помощи фронту и усиления партийного контроля МК РКП(б) решением от 5 октября 1918 г. создает общемосковскую комиссию для организации подарков Красной армии. В состав комиссии входят представители МК и районов»².

2

Комиссии связи с фронтом в районах Москвы начали создаваться более энергично и активизировать свою ра-

¹ Московский партархив, фонд секретариата МК, д. № 3. 1918 год.

² Там же.

боту в ноябре 1918 г., после постановления МК РКП(б) от 11 ноября 1918 г. о приписке к каждому району определенной дивизии, находящейся на фронте. На район всецело возлагалась ответственность за систематическую связь и помощь приписанной к нему дивизии. Работа комиссий по связи с фронтом определялась утвержденной МК РКП(б) 7 декабря 1918 г. инструкцией. На основании последней исполнительный комитет Московского совета приступил к созданию комиссий по связи с фронтом.

20 декабря Московский совет издал устав, подробнейшим образом определяющий характер деятельности этих комиссий.

В основном работа их заключалась в установлении крепкой связи с фронтом, содействии снабжению Красной армии необходимыми вещами, организации денежных сборов для нужд фронта, помощи семьям красноармейцев и т. д.

Для объединения деятельности районных комиссий и инструктирования их была утверждена Московская общегородская комиссия связи с фронтом в составе представителя от районных комиссий (по одному от каждого), от МК РКП(б) (три), Военного комиссариата Москвы (один) и исполкома Московского совета депутатов (один).

Агитпоезд им. Ленина. Охрана поезда у тюков с литературой.

Переходя к конкретной работе комиссий по связи с фронтом за 1918 г., следует отметить малочисленность сохранившихся документов и их разрозненность. Приходится поэтому иногда по одному документу одного района делать выводы о работе всей московской организации, поскольку нет оснований считать исключением в этом отношении деятельность того или иного района.

Из сообщений представителей московских районов на объединенном заседании комиссии «Красный подарок» при ВЦИК 15 декабря 1918 г. с представителями районных комиссий при комитетах РКП и советах рабочих и крестьянских депутатов выясняется, что комиссии по связи с фронтом организованы еще не во всех районах, но работа ведется, хотя не во всех районах одинаково интенсивно.

Некоторые районы, как Хамовнический, направляют свою работу по линии оказания помощи семьям красноармейцев. Замоскворецкий район мобилизует свои силы на посылку ряда необходимых вещей непосредственно самим красноармейцам. Не отставали и остальные районы.

Работа помощи фронту проводилась не только по Москве, но и по

губернии. Мы не обладаем точными данными, рисующими положение в губернии, но имеющееся постановление окружного бюро РКП(б) от 18 декабря 1918 г., принятое в связи с получением от Реввоенсовета IX армии в подарок губсовету 10 вагонов хлеба, говорит об этом со всей ясностью. В постановлении сказано: «Выразить благодарность Реввоенсовету IX армии и в свою очередь послать подарок в армию: табак, папиросы, мыло и теплую одежду. Устроить сбор теплых вещей в губернии. Общее руководство поручается президиуму, практическое проведение — губпродкомму, перевозку из имений — земотделу»¹.

Организации помощи семьям красноармейцев, находящихся на фронте, партия придавала огромное значение: забота об оставшейся семье не могла не отвлекать бойца, не отнимать в известной мере энергии, мешая полностью отдаться интересам борьбы с врагом.

В специальном письме ЦК РКП(б) губернским комитетам партии обращается внимание на необходимость самого серьезного отношения к этому делу:

«...Так как работа по оказанию помощи семьям красноармейцев возложена на отделы социального обеспечения, необходимо обратить на них самое серьезное внимание. Немедленно же выделить для работы в них энергичных хороших работников. Работу в отделах социального обеспечения приравняйте к работе военной. Мобилизуйте для работы в них лучших товарищей, обяжите их почаще отчитываться перед вами, следите за их работой и своевременно направляйте. Немедленно же дайте соответствующие указания уездным комитетам. Последние должны повести широкую кампанию по ячейкам, привлечь коммуны и использовать советское хозяйство для своевременной помощи семьям красноармейцев по уборке урожая.

ЦК ждет от вас срочных и энергичных мер к упорядочению и постановке на должную высоту дела помощи семьям красноармейцев»².

¹ Московский партархив, фонд Московского окружкома, папка № 3. 1918 г.

² Там же. Д. № 5. 1919 г.

Читальня на фронте.

Этим вопросом занимается 14-я Московская губернская конференция РКП(б) 12—14 апреля 1919 года. В своем постановлении партконференция отмечает необходимость увеличения предельного пайка семьям красноармейцев с 600 до 1000 руб., понижения пенсионного возраста семей красноармейцев: мужчин с 54 до 50 лет и женщин с 50 до 47, полного удовлетворения продуктами столовых детского питания с распространением их на детей красноармейцев до 16-летнего возраста и т. д.¹

В Москве (по данным к концу февраля 1919 г.) помощь оказывалась 36 000 семей красноармейцев в размере 60 млн. руб. в месяц, а по Московской губернии—141 тыс. в размере 187 млн. руб. Кроме того семьи красноармейцев снабжались обувью и топливом².

3

Особенно оживляются сношения с фронтом в течение 1919 года. Это был период первого и второго походов Антанты, когда Советский союз был бук-

вально в огненном кольце интервентов, когда, в частности, Московская парторганизация посылала по партийным мобилизациям огромную часть своих членов, когда под ее руководством эшелоны за эшелонами московского пролетариата следовали на фронты для борьбы с империалистами, выставившими для удушения Советской республики огромные силы, вооруженные по последнему слову техники.

Усиливаются обращения с фронта в Москву за помощью, учащаются отклики красноармейцев на полученные из Москвы подарки, получается рьяное письмо, выражающих огромный энтузиазм, который вызывала среди бойцов забота о них столицы Советского союза.

Яркое представление о необходимости и значении помощи фронту дают производимые нами ниже письма 12-й и 26-й дивизий.

12-я дивизия, прикрепленная к Сокольническому району, обращаясь в комиссию связи данного района, пишет: «В дивизии крайняя нужда в белье, обуви, обмундировании для здоровых людей и простынях и одеялах для больных и раненых.

С наступлением весны красноармейцы шлепали в валенках по грязи, ходили босые, оборванные, обнашивались

¹ Московский партархив, фонд Московского окружкома, папка № 1-в. 1919 год.

² Там же, фонд МК, д. № 3. 1919 год.

до того, что в каждом полку скопились сотни людей, не могущих нести службу в строю, но которые находились при обозе. В связи с этими недостатками, из-за грязи, простуд развилась страшная эпидемия тифа, которая уносила в лазареты в 20—30 раз больше чем раненых...

За 3 дня из ответственных работников заболели 2 комиссара бригады, 1 комиссар и 1 командир полка и 3 врача, а всего около 1500 больных.

Нужны срочные меры. Штаб армии фронта помочь нам не в силах вследствие неорганизованности или по другим причинам; на наши ходатайства, требования, телеграммы ответ — молчание, обещание, но положение все то же.

Реввоенсовет дивизии обращается к московским рабочим, к московским организациям: спасите не нашу жизнь от тифа и других болезней, спасите боеспособность дивизии, которая, начав свой путь от Воронежа, стучит в ворота Ростова—Новочеркаска. Соберите все, что можете; нужно 10 000—15 000 обмундирования, обуви, белья, 3000—4000 простынь, 1000 одеял, медикаментов. И вы дадите возможность нам продолжать идти вперед, а не падать в пути, как мухи, от болезни. Мы освободим от белогвардейских полчищ донской уголь, железо и хлеб»¹.

Не во всей Красной армии и не на всех фронтах было такое исключительно тяжелое положение, о каком сообщает 12-я дивизия. Партия и правительство принимали все меры несмотря на голод и разруху в стране к удовлетворительному снабжению фронта, но помощь требовалась для всей Красной армии, как это видно из обращения 26-й стрелковой дивизии к исполкому Рогожско-Симоновского района 17/V 1919 года:

«Дорогие товарищи! Снабжение красноармейцев предметами первой необходимости имеет решающее значение при отражении врага. Что можно улучшить и урегулировать здесь своими силами,—предпринимаем. Однако снабжение так сильно хромает, что всегда остается совершенно неудовлетворительным. Крайне необходимо со-

действие частной товарищеской помощи. Я имею в виду снабжение фронта подарками тыла. Эти подарки не могут, конечно, устранить недостатков армейского снабжения, но они скрасят, смягчат горечь сознанием, что товарищи не забывают, что есть духовная коммунистическая родня, которая заботится о сражающихся и стремится хотя бы немного облегчить трудности боевой жизни...

Практически мое предложение сводится к тому, чтобы Рогожско-Симоновский район взял на себя заботу о 26-й стрелковой дивизии путем приписки ее на попечение района»².

Эти письма являются красноречивым показателем того, в каких невероятно тяжелых условиях—голода, холода, болезней, в борьбе с превосходящим численно и техническим оборудованием противником—под руководством партии создавалась, крепла и шла к победам наша Красная армия.

4

О размерах помощи фронту в 1919 г. можно составить представление, к сожалению, также лишь по отрывочным документам, но и они говорят об огромной работе.

Так, 5/V 1919 г. на заседании пленума совета Рогожско-Симоновского района комиссия по нуждам фронта сообщает об отправке делегации от района в 38-й полк с большим количеством подарков для красноармейцев. Ассортимент вещей был самый разнообразный: белье, гимнастерки, книги, конверты, чайники, махорка, мыло, чай и т. д.

О крупной посылке на фронт, 75-й стрелковой бригаде 25-стрелковой дивизии, сообщает Суцевско-Марьинский РК РКП(б) 8 сентября 1919 года.

30 октября тот же район отправляет еще одну партию подарков 1-й Московской кавалерийской дивизии³.

Замоскворецкий район сообщает о помощи отдельному кавалерийскому дивизиону: 4/IX послано подарков на 400 чел., 31/X оказано содействие в приобретении струнного оркестра (внесено 14 000 руб.), послана литера-

¹ Московский партархив, фонд Сокольнического РК, д. № 2. 1918—1919 годы.

² Московский партархив, фонд МК, военный отдел. 1919 год.

³ Там же, д. № 105. 1919 год.

тура и кое-что для оборудования парикмахерской. Кроме того «Замоскворецкий район послал бывшему 37-му рабочему полку подарков на 3000 чел., отдельной саперной роте на 200 чел., 3 броневым поездом Восточного фронта на 300 чел., резервной роте в Москве на 316 чел.»¹.

Глубоко понятными становятся волнующие, радостные отклики бойцов на заботу о них красного тыла. Из каждой строчки писем с фронта сквозит сознание бойцами своего классового единства, единства целей со всей страной диктатуры пролетариата, со всем международным пролетариатом. В этих письмах ярко отражаются слова Ленина:

«Наша армия составила из отборных элементов, сознательных крестьян и рабочих. Каждый несет с собой на фронт сознание того, что он борется за судьбу не только русской, но всей международной революции, ибо мы можем быть уверены в том, что русская революция — только пример, только первый шаг в ряде революций, которыми неизбежно окончится война»².

«Красная армия сильна тем, что сознательно и единодушно идет в бой за крестьянскую землю, за власть рабочих и крестьян, за Советскую власть»³.

1-й Московский пехотный полк в ответ на присланные ему подарки пишет Рогожско-Симоновскому РК РКП(б): «Красноармейцы и инструкторский состав тронуты до глубины души проявленной к ним сердечной заботливостью со стороны рабочих и просят делегатов, привезших знамя и подарки, передать московскому пролетариату, что мы в боях с красновскими бандами исполняли данное обещание и просим верить, что и впредь, несмотря на переутомление боями, положим остатки сил наших на завоевания бедняков.

Да здравствует Социалистическая Российская Федеративная Советская

Республика! Да здравствует всемирная революция!»⁴.

Красноармейцы 119-го стрелкового пехотного полка, получив из Москвы подарки, обращаются к московским рабочим со следующим приветствием:

«От души благодарим за присланные подарки. Идя в бой, мы спокойны, зная, что мы не забыты и что о нас заботятся. Братья рабочие! Стройте же смело новую жизнь и царство труда там, у себя, здесь же мы стойко и твердо стоим на страже интересов трудящихся, за уничтожение капитализма и восстановление прав трудящихся.

Мы не одни: с нами обездоленные всех стран, готовые бороться до последней капли крови.

Победим или умрем за идеи коммунизма. Смерть лучше рабства.

Да здравствует союз рабочих и крестьян!

Вперед без страха и сомнения!

С братским приветом от красноармейцев 119-го стрелкового полка»⁵.

Особенно горячий отклик встречает приезд на фронт делегатов, представителей московского пролетариата:

«Ячейка 278-го полка выражает глубокую благодарность Вам, товарищи рабочие, прибывшим из Москвы, за ту живую струю, которую Вы в нас вливаете своими словами, полными веры в победу общего дела. Ячейка просит Вас передать товарищам московским рабочим наш братский привет и уверенность в том, что наша Красная армия и рабочие составляют одно мощное целое, которое свергнет в недалеком будущем гнет буржуазии»⁶.

Не забывает и Красная армия о тех лишениях, которые терпит московский пролетариат в тяжелых условиях гражданской войны. Какой сердечной заботой звучит привет московскому пролетариату от N-й армии: «N-я армия приносит горячую благодарность Московскому совету и всему пролетариату Москвы за присланные подарки,

⁴ Мособлархив, фонд Рогожско-Симоновского райсовета, д. № 22, протокол № 2.

⁵ Московский партархив, фонд МК, переписка с воинскими частями, д. № 9. 1920 год.

⁶ «Правда» № 27 от 6 февраля 1919 года.

¹ Московский партархив, фонд МК, военный отдел, д. № 105. 1919 год.

² Ленин. Т. XXIII, стр. 198.

³ Ленин. Т. XXIV, стр. 197.

привезенные тов. Савиным. Никогда не забываем вас и помним о своей обязанности—помощи вам продовольствием. При хорошо налаженном транспорте и продорганах мы могли бы кормить голодающие центры, но ощущается недостаток паровозов, паровозов и вагонов. Присылайте работников-продовольственников. Из Перми посланы вам соль и мука. Наднях посылаем вам 10 000 пудов хлеба и несколько тысяч пудов солонины. Привет Московскому совету и всему московскому пролетариату»¹.

Что такие отклики по отношению к красной столице не одиноки, свидетельствует и письмо МК РКП(б) от 25 января 1920 г. 42-й дивизии и 1-й Конной армии:

«От имени московских рабочих Московский комитет РКП выражает глубокую благодарность и признательность товарищам красноармейцам 42-й дивизии и 1-й Конной армии за их внимание к голодающей столице. Дивизия прислала в Москву для раздачи рабочим один вагон муки весом в 756 пуд., а Конная армия — целый эшелон продовольствия и топлива...

Подарок дивизии распределен уже через районные советы, а эшелон 1-й Конной армии (армии Буденного) целиком передан в МПО с условием разверстки его между районными исполнительными бюро на предмет раздачи его в ближайшем будущем рабочим фабрик и заводов. Уголь пойдет на железные дороги или Москвотоп...»².

Мы могли бы привести еще ряд горячих откликов красных бойцов на заботу о них московского пролетариата, но и приведенных достаточно, чтобы видеть, какие крепкие связи создавались между красным фронтом и тылом и как слова товарища Сталина о том, что любовь народа к своей армии значит, «что такая армия является непобедимой», — полностью воплотились в жизнь.

5

Несмотря на большую работу по оказанию помощи фронту в 1919 г.

¹ «Правда» № 180 от 15 августа 1919 года.

² Московский партархив, фонд МК, переписка с воинскими частями, д. № 9. 1920 год.

она все же отставала от требований последнего. Нужно было проделать огромную работу, чтобы добиться максимального удовлетворения нужд Красной армии. Прежде всего требовались обмундирование и оружие, которое еще в значительном количестве находилось у населения. Московский комитет РКП(б) в целях большего объединения работы и вовлечения в дело помощи фронту широчайших рабочих масс 16 декабря 1919 г. выносит решение о передаче «существующих при РК РКП(б) комиссий по связи с фронтом в ведение районных советов, предложив одновременно Московскому совету образовать отдел связи с фронтом»³.

Необходимость глубокого внимания к фронту особенно ярко подчеркнута в обращении ЦК РКП(б), помещенном в «Правде» от 21/XII 1919 года:

«Во всем губернским и уездным комитетам РКП(б), политотделам фронтов и армий.

Дорогие товарищи!

Центральный комитет РКП(б) постановил провести по всей республике, начиная с 21 января 1920 г., «неделю фронта» для установления действительной связи тыла с фронтом.

Для проведения «недели» образуются особые губернские комиссии «недели фронта» в составе представителей: 1) губернского комитета РКП, 2) губисполкома, 3) губвоенкома, 4) губернского центра профсоюзов, 5) комитета союза молодежи, 6) губернского комитета по борьбе с дезертирством. Для уездов образуются уездные комиссии такого же состава...

...Комиссии должны привлечь к работе все партийные организации и советские учреждения, все организации рабочих и крестьян, отделы работы в деревне и среди женщин, партийную и советскую печать, наробразы, отсобезы, земотделы, учителей и учительниц, курсантов, красноармейцев, коммуны, артели, кооперативы и т. п.

Задача «недели» — разъяснить рабочим и крестьянам причины и цели нашей войны, значение для трудящихся победы или поражений Красной армии, решающее значение настоящего мо-

³ Московский партархив, протоколы МК. 1919 год.

Летучий концерт на западном фронте для красноармейцев.

Ст. Бобруйск. 1920 год.

мента, когда рабоче-крестьянская республика приближается к победе над всеми белогвардейцами и тем заставит Антанту прекратить блокаду и поддержку нашей буржуазии. В этот решающий момент все силы трудящихся тыла должны быть отданы на поддержку красного фронта, Красной армии. Поддержка должна быть оказана не на словах, а на деле...

Сбор подарков должен быть организован так, чтобы в нем могли принять участие по возможности все трудящиеся. Не так важно количество подарков, как участие масс. Пусть каждый даст немного (горсть муки или крупы и т. п., прочитанную книгу, брошюру, небольшую сумму денег и т. д.), но пусть все трудящиеся, хотя бы маленьким подарком, покажут сочувствие и желание помочь Красной армии.

Для успеха дела желателен созыв беспартийных конференций рабочих, крестьян, красноармейцев, женщин, посвященных вопросу об организации «недели фронта»...

Настоящее письмо публикуется во всех партийных и советских изданиях.

Секретарь ЦК РКП Крестинский».

Героическая Красная армия молодой Советской республики дала блестящий отпор империалистам, показав, что нет тех преград и трудностей, которые пролетариат Советского союза и широкие слои трудящихся под руко-

водством партии большевиков не преодолеют в борьбе за защиту Октябрьской революции. Однако мировой империализм еще надеялся победить. 1920 год — Врангель, Петлюра с юга, поляки с запада под руководством Антанты предпринимают новый поход на Советскую республику. Фронт требует внимания. С неослабной энергией МК РКП(б) и под его руководством Московский совет и РК РКП(б) развертывают помощь фронту.

21 января 1920 г., по постановлению ЦК РКП(б), проводится «неделя фронта». По Москве и губернии развертывается широкая разъяснительная работа о задачах Красной армии, о ее роли в защите интересов рабочих и трудящегося крестьянства. В результате проведенной работы удастся послать на фронт, по далеко не полным сведениям, продуктов на сумму 16 579 855 рублей¹.

В 1920 г. фронт сужается, появляется возможность сосредоточить его обеспечение в одном центральном учреждении, ограничив работу всех других организаций.

5 марта 1920 года президиум Московского совета сообщает МК РКП(б) свое постановление о реорганизации дела помощи фронту путем

¹ Партархив, фонд Пролетарского РК, д. № 1. 1920 год.

передачи всего материального снабжения в комиссию «Красного подарка» при ВЦИК, оставив центральной комиссии при Московском совете поддержку письменных сношений с фронтом. Районные комиссии ликвидируются, вместо них при управлении делами районных советов назначаются президиумом районного совета агенты комиссии по связи с фронтом.

Растут пожертвования фронту рабочих и крестьян через комиссию «Красный подарок», одновременно идут они и через МК РКП(б).

Клинский уездный комитет РКП(б) за июль направляет отчисления в сумме 7764 р. 16 к. Высшая артиллерийская школа командного состава 20/VIII посылает в МК РКП(б) 17 005 руб. для помощи «пострадавшим от разгрома белополяками г. Борисова».

31 августа 1920 г. фабрично-заводской комитет Знаменской ткацкой фабрики препровождает отчисленный однодневный заработок в пользу Красной армии и однодневное отчисление в честь II конгресса III интернационала в сумме 210 678 р. 45 к., 7 сентября Можайский райком партии переводит западному фронту 10 тыс. руб. и т. д., и т. д.

Условия осеннего и зимнего похода особенно заостряют внимание к западному фронту. 15, 16 и 17 октября 1920 г. МК РКП(б) и президиумом Московского совета объявляются днями помощи западному и врангелевскому фронтам. Задача этого мероприятия — сбор теплых вещей и поднятие производительности труда на заводах и фабриках, работающих на оборону¹.

На проведение этого трехдневника постановлением бюро МК 1/X 1920 г. мобилизуется вся московская парторганизация и намечается ряд мероприятий, могущих обеспечить наибольший успех его: созыв во всех районах и уездах конференций завкомов и фабкомов производств кожевенного, швейного и военного снаряжения; беспартийные конференции рабочих этих производств; общие собрания по пред-

приятиям для заслушивания докладов помощи западному фронту... привлечение домашних хозяек к шитью белья; организация небольших докладов о важности трехдневника перед началом спектаклей, концертов и киносеансов.

Одновременно бюро МК РКП(б) и президиум Московского совета назначают особоуполномоченного помощи фронту. Ему предоставляется право находить и отбирать во всех складах Москвы все теплые вещи военного образца, принятия мер для увеличения производства мастерских обмундирования и т. д.

Кроме того 7/X постановлением Московского совета и МК РКП(б) создается Комиссия помощи фронту в составе особоуполномоченного А. Мясникова, его заместителя М. Советникова и по одному представителю от всех районов, от отдела работниц МК, от союза молодежи МК, от МГСПС и РКИ².

Не только город, всколыхнулась глубоко и деревня в оказании помощи фронту. Об этом говорят все отчеты агитаторов, командированных в уезды Московской губернии на проведение дней помощи фронту.

Из Волоколамского уезда сообщают: «К неделе фронта крестьяне отнеслись в высшей степени отзывчиво, и за короткий период поступило много пожертвований»³.

Из Богородского уезда пишут: «После митинга получили хороший отзыв от крестьян в помощи фронту. На митингах было постановлено обязательно произвести сбор, и должен пожертвовать каждый гражданин РСФСР» и т. д. Так крепла связь московских большевиков и московского пролетариата с Красной армией в годы гражданской войны. Твердо помнила Москва, одна из важнейших баз пролетарской революции, что красный тыл и Красная армия — единое целое в защите и охране завоеваний Октябрьской революции и в строительстве социализма.

² Московский партархив, протокол Бюро МК, д. № 9. 1920 год.

³ Московский партархив, фонд МК, д. № 13. 1920 год.

А. Мишулин

ОЧЕРК О КИТАЕ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

На географической карте античных культур Востока остается еще много белых, неисследованных пятен. Проблема происхождения сумириов (древнейшее население юга Месопотамии), дравидийская цивилизация Индии (дравиды — древнейшие жители Индии), культура Крита, Китай в античную эпоху — все эти вопросы, еще не достаточно исследованные исторической наукой, представляют большой интерес. Исследование каждого из них неизбежно вскрывает перекрещивание путей развития культур переднего Востока и Восточной Азии. До последнего времени наиболее исследованной была история древних народов «классического» Востока: египтян, вавилонян, персов, история же древних народов Восточной Азии — Индии и Китая — занимала несравненно меньше места.

Впервые в европейской историографии теория происхождения китайской культуры была сформулирована Киркером (XVII в.), который утверждал, что китайская культура египетского происхождения. Эта фантастическая теория имела немало сторонников.

Впрочем, еще Вольтер указывал, что «китайцы происходят от египтян не больше чем от бретонцев».

Во второй половине XIX в. в ходу была другая, не менее фантастическая теория о вавилонском происхождении китайской культуры. Эта теория, выдвинутая французом Террье де-Лакупери, была развита английским ассириологом Боллом, который настаивал на связях китайцев с древними сумирами.

Наконец, французский востоковед Гобино утверждал, что китайская культура индийского происхождения¹.

Основой всех этих буржуазных теорий была мысль, что Китай всегда был только объектом культурного влияния более зрелых народов, что самостоятельной, национальной культуры он не имел и не имеет.

Под напором фактов, новых данных и археологических открытий (раскопок) эта традиционная версия, созданная буржуазной наукой, теперь оставлена. Решающее значение имели раскопки 1891, 1915 и в особенности раскопки, предпринятые в 1919—1921 гг. шведским геологом Андерсоном под руководством геологического комитета. В 1891 г. был открыт тот комплекс археологических памятников, который стал известен под именем Хэнаньского кладка. Сюда относятся надписи на бараньих костях, предметы утвари и некоторые вещи китайского ритуала, как-то: сосуды, различные изображения и т. п.

Раскопки 1915 г., произведенные японским археологом Мансумото, подтвердили древность китайской культуры и опровергли теорию, по которой китайцы выступили на историческую сцену лишь в эпоху применения железа (около VIII в. до нашей эры).

Наконец, открытия Андерсона в 1919—1921 гг. вскрыли еще более ранние пласты китайской культуры, так что теперь мы можем о ней говорить как об изначальной и древнейшей на территории Китая. Все эти раскопки раскрыли древнюю китайскую культуру, не менее богатую чем классические культуры Египта и Вавилона. Характерно, что раскопки подтвердили также и некоторые данные китайской письменности (летописей), что придавало последней как источнику больший удельный вес.

Страна и население

Территория, которую китайцы населяли в древности и которую они издавна считали своей, находилась в

¹ См. обзор этих теорий у Voretzsch'a «Altchinesische Bronzezeit», Ss. 309—310. Berlin, 1924.

Китайские жилища в лессе.

юговосточной части азиатского материка, в районе течения двух рек: Хуан-Хе и Ян-Цзы. Вторая река была заселена позднее, и очаги китайской культуры в ее долине слагаются позже. Эти две реки имели такое же значение для развития хозяйственной жизни древних китайцев, как Нил для Египта, Тигр и Евфрат для Месопотамии или Инд и Ганг для Индии.

Река Хуан-Хе имеет много притоков, из которых самым значительным является река Вэй. В древности долина Хуан-Хе была местом первых поселений различных китайских племен.

Во время разливов (летом и в начале осени) Хуан-Хе всегда представляла большую опасность для хозяйства и жизни людей, обитавших в ее долине. Вот почему китайцы называли ее «рекой, надрывающей сердце крестьянина», или даже «бичом Срединного царства» («Срединным царством» назывался Китай в древности). Необходимость укрепления берегов реки составляла вечную заботу китайского крестьянина.

Хуан-Хе в переводе означает «Желтая река». Она была названа так потому, что своим течением наносит в долину массу желтого ила, еще более

плодородного чем известная в долине почва — лесс. Благодаря этим наносам и укрепляющим берега насыпям река течет во многих местах выше своего старого русла. Толстый слой лесса покрывал и всю долину реки, достигая в некоторых местах такой мощности, что китайцы устраивали в нем пещеры-жилища, в которых зимой было тепло, а летом прохладно. Такие жилища в лессовых слоях почвы древние китайцы делали даже в несколько ярусов.

Другая, еще более значительная по длине река Ян-Цзы также несет массу плодородного ила. Как место исторических событий долина Ян-Цзы выступает позднее долины Хуан-Хе.

Реки эти имели большое значение не только в развитии земледельческой культуры, но и как естественные пути сообщения. Каналами, которые китайцы проводили для орошения полей, издавна пользовались также и для водного сообщения. Ирригационная система играла в хозяйственной жизни Китая столь же значительную роль, как и в странах классического Востока. В особенности это относится к бассейну среднего течения реки Ян-Цзы, где была наиболее разветвленная сеть оросительных сооружений.

Позднее, путём соединения отдельных каналов, был образован знаменитый, поражающий своей величиной и доныне «Великий канал», который начали сооружать в VIII в. до нашей эры и закончили в монгольский период. Он имеет более 1000 верст в длину. Вначале он соединял лишь Хуан-Хе и Ян-Цзы, позднее он был прорыт на север, от Хуан-Хе до Пекина (ныне Бейпина), и на юг, от Ян-Цзы до Хан-Чжоу. «Великий канал» принадлежит к древним историческим достопримечательностям Китая.

Наряду с данными археологических раскопок (предметы утвари, священные сосуды, каменные орудия труда и т. п.) имеются письменные документы по истории древнего Китая.

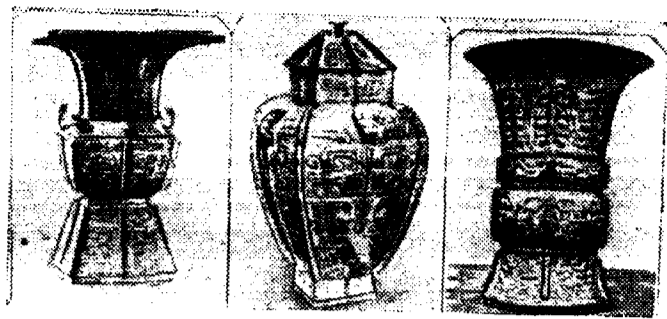
Основными являются следующие: «Книга перемен» («И-цзинь»), «Книга правления царей» («Шу-цзинь»), «Книга древних песен и сказаний» («Ши-цзинь»), «Летопись княжества Лу» («Чунь-цю») и «Книга церемоний» («Ли-цзи»).

О первоначальном периоде истории древнего Китая имеется мало достоверных сведений, поэтому этот период называется мифологическим, или легендарным.

Сведения об этом периоде черпаются, по преимуществу, из различного рода легенд и мифологических сюжетов. Данные китайской мифологии и археологические памятники из Хэнаньского клада свидетельствуют о том, что разложение родовых отношений и образование классов, а вместе с ними и государства относятся к очень древним временам. Определённых, конкретных данных по этому вопросу мы, к сожалению, не имеем.

Согласно преданию, некто Фуси первый объединил различные китайские племена, образовал государство и установил хозяйственные, семейные и религиозные порядки. Он считается также изобретателем первых письменных знаков, основоположником китайской иероглифической письменности.

В мифологических данных особенно выделяется Хуан-ди, или «Желтый властитель», который, по преданию, захватил все заселённые земли вдоль Желтой реки, объединил под своей властью все китайские племена, создал армию, укрепил государственный

Священные сосуды Китая.

строй и явился, таким образом, первым китайским императором.

Начиная с 1122 года до нашей эры история Китая становится уже более достоверной.

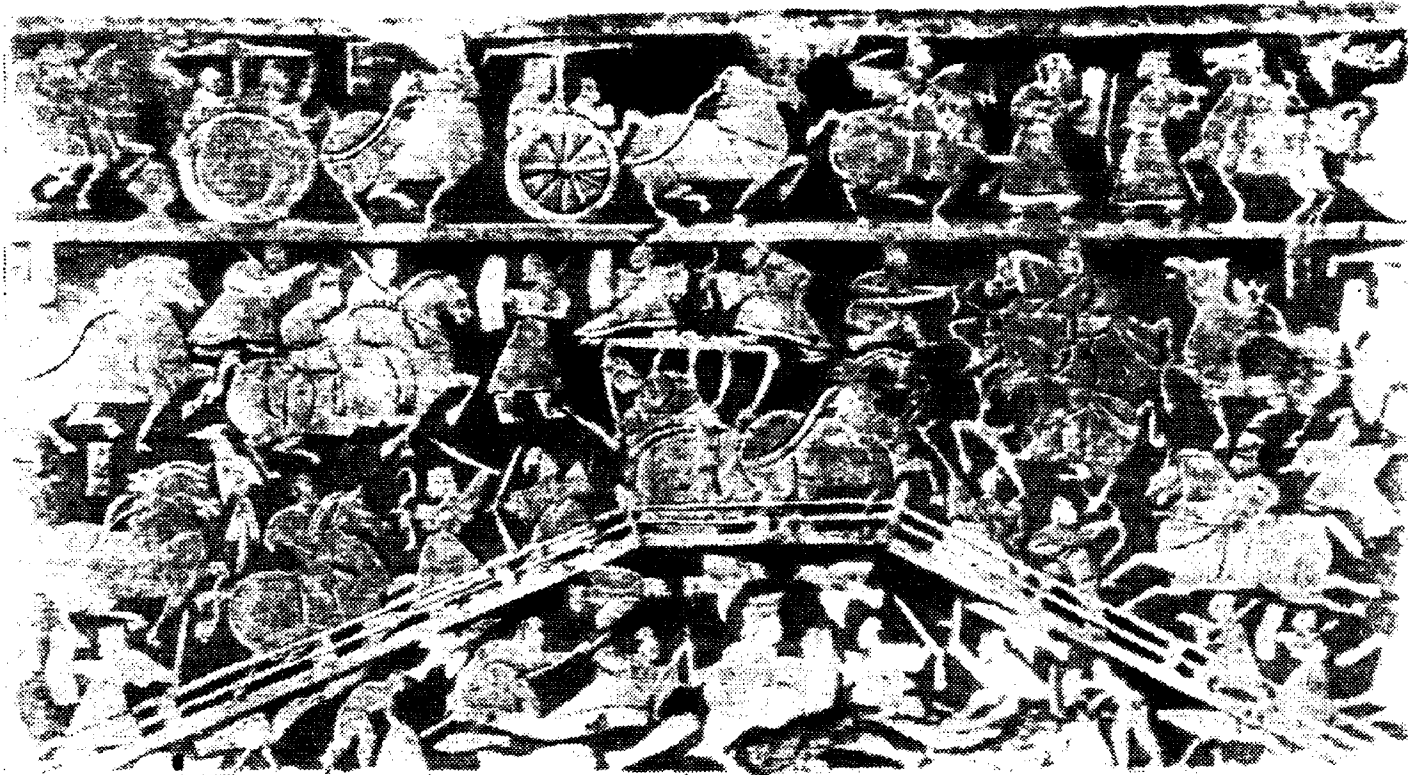
Древнейшая история

Историю древнего Китая обычно делят на три следующих периода: 1) Чжоуский, или период царей династии Чжоу (1122—256 гг. до нашей эры); 2) Циньский, или период возвышения княжества Цинь (256—206 гг. до нашей эры); 3) Ханьский, или период царей династии Хань (с 206 до нашей эры по 220 г. нашей эры).

Чжоуский период характеризуется возвышением маленького княжества Ци, богатого железом, находившегося в нынешней области Шаньдунь. Организуя борьбу с кочевниками, князья Ци создали первое крупное государство в Китае, во главе которого стояли императоры.

О достоверности Чжоуского периода китайской истории наука судит по следующему факту: в китайской летописи, называемой «Исторические записки», есть указание о том, что на шестом году правления императора Ю-Вана произошло сильное солнечное затмение. Астрономическая наука путем точных вычислений проверила это указание и установила, что затмение действительно происходило 29 августа 775 г. до нашей эры и что начало царствования Ю-Вана надо относить, таким образом, к 781 г. до нашей эры. Начиная от этой даты последующие события древнекитайской истории надо считать исторически достоверными.

Императоры династии Чжоу имели очень большие владения в своем распоряжении. Владения эти равнялись тысяче ли (444 версты), находились в

Китайская армия на колесницах.

Барельеф на камне. II век нашей эры.

самой середине царства и были окружены владениями князей и сановников императора. Благодаря такому расположению земель китайское государство называлось «Срединной империей». Столицей империи был город Ло-Ян, находившийся также в центре государства. В период господства западной династии Чжоу главным городом становится Чан-Ан.

Император, его князья и сановники строили себе прекрасные дворцы, храмы, имели сотни придворных, слуг и рабов, проводили время в войнах, пирах, на охоте и т. п. Со своей дружиной на боевых колесницах князья часто совершали набеги на соседние княжества, подвергая грабежу земледельческое население. Этот быт китайской знати часто описывается в древнекитайских источниках и отображен также в произведениях китайской живописи и искусства. Особенный интерес представляет китайский барельеф на камне с различными военными сюжетами, бытовыми и ритуальными.

Войны князей, восстания крестьян и покоренных туземных племен происходили непрерывно. Еще в 842 году до нашей эры в результате народного возмущения был свергнут Си-Ван, один из императоров династии Чжоу. В 675 — 651 гг. до нашей эры восстания имели место даже в собственных владениях царя. Центральная

власть китайского императора постепенно ослабевала.

Между отдельными князьями шла борьба за земли. Наконец, в 256 году до нашей эры, был окончательно свергнут последний царь династии Чжоу. Борьба рабовладельцев и земельных собственников между собой, открытые выступления угнетенных против своих поработителей окончательно уничтожили господство этой династии китайских императоров.

Наступил новый период, который в истории Китая получил название Циньского. Вожди княжества Цинь, воспользовавшись враждой ряда князей друг с другом, подчинили их одного за другим своей власти, покорили соседних варваров, захватили их земли к югу от Ян-Цзы и сосредоточили в своих руках верховную власть над Китаем.

Самым могущественным императором Циньского периода был Цинь-Ши-Хуан-ди (221—209 гг. до нашей эры). Ему приписываются реформы административные, военные, налоговые, а также реформы в области быта и просвещения. Цинь-Ши-Хуан-ди уничтожил самостоятельность отдельных князей и сановников, подчинив их всех своей непосредственной власти. Все объединенные под властью монарха земли он разделил на 36 административных округов, во главе которых по-

ставил губернаторов. За губернаторами следили особые доверенные, доносившие императору о всех их самостоятельных мероприятиях. Эти доверенные во многом напоминают нам «глаза и уши» персидских царей, посылавшихся для слежки к персидским сатрапам — наместникам областей.

Цинь-Ши-Хуан-ди провел и военную реформу. Китайское государство постоянно беспокоили своими набегами с севера гунны, а также народы, вторгавшиеся в Китай из Средней Азии. Старое войско на тяжелых колесницах не могло справиться с кочевниками. Цинь-Ши-Хуан-ди создал легкую и подвижную кавалерию и большое внимание уделил начатому еще раньше строительству Великой китайской стены. Великая китайская стена возводилась для защиты от кочевников севера.

Для сооружения Великой стены, согласно преданию, потребовалось более 400 тысяч человек.

На земледельческое население были возложены тяжелые военные и казачьи повинности. При отсутствии сколько-нибудь развитой техники работы по сооружению стены могли производиться лишь на основе чудовищной эксплуатации больших масс рабов.

Предание гласит, что для усиления авторитета своей верховной власти Цинь-Ши-Хуан-ди приказал сжечь все старые книги, противоречившие вновь введенным порядкам, кроме книг по земледелию, медицине и астрономии.

Цинь-Ши-Хуан-ди провел ряд мероприятий по укреплению частной собственности на землю, развитию купли и продажи земли. В этот период формировался класс крупных землевладельцев, усиливших эксплуатацию крестьян и рабов.

Еще при жизни Цинь-Ши-Хуан-ди началось широкое движение крестьянства против мероприятий, еще больше закабалявших его. К концу его царствования крестьянин Чонань бросил свой плуг, взялся за меч и, объединив массы недовольных, провозгласил восстание. Это была первая ласточка широкого аграрного движения крестьянства в древнем Китае.

Позднее, в 205—206 гг., один из крестьянских вождей, по имени Лю Бан, использовав массовое крестьян-

Великая китайская стена.

ское движение, сверг Циньскую династию, сосредоточил власть в своих руках и положил начало новому, Ханьскому периоду древнекитайской истории. В Ханьский период классовая борьба между землевладельцами и рабовладельцами, с одной стороны, и обезземеленным крестьянством и полуголодными рабами — с другой, приняла еще более острые формы.

Массовые восстания китайских рабов и крестьян в этот период навсегда вошли в историю борьбы угнетенных со своими эксплуататорами.

Отдельные императоры Ханьской династии пытались провести различные крестьянские реформы. Например император Ай-ди предлагал ограничить обширные владения богатых людей и перераспределить землю. В эдикте император Ай-ди писал: «Богатые и влиятельные лица владеют землями и принудительной силой без всяких границ, в то время как бедные потеряли свое основное занятие (земледелие) и страшно бедствуют от недостатков». Была сделана попытка передела земель, в результате которой укрепились лишь зажиточные слои крестьянства. Попытки умиротворить волновавшееся крестьянство были и со

стороны императора Ван-Мана, который также учинил раздел земель в интересах не всей его массы, а только кулачества (1—23 гг. нашей эры). Своими реформами Ван-Ман преследовал возврат к старым, патриархальным установлениям, за нарушение которых грозила смертная казнь.

В одном из приказов 9-го года нашей эры Ван-Ман запретил куплю и продажу рабов, объявив их государственной собственностью. Кроме того он ограничил владение землей: не более 900 му (около 60 десятин) на одного держателя.

Реформа Ван-Мана несколько срезала владения у представителей знати, сановников и земельных магнатов. Однако эти реформы широким массам крестьянства ничего не дали. В течение двух столетий поднявшиеся крестьяне и рабы продолжали вести ожесточенную борьбу с землевладельцами, пока, наконец, в результате непрерывных восстаний не свергли царей Ханьской династии (220 г. нашей эры).

Восстание „красных бровей“ и „желтых тюрбанов“

Период Ханьской династии был самым тяжелым и мрачным периодом китайской истории для крестьян и рабов. В результате жестокой эксплуатации крестьянства и его обезземеления в одном только округе Ци (ныне Шаньдунь) было до 400 тысяч крестьян без крова и земли.

В Ханьский период рабство достигло наибольшего развития: кабальных крестьян, неисправно выполнявших повинности, лишали земли и свободы, обращая в рабство. И Ханьский период характерен особенно мощными крестьянскими восстаниями.

Уже в самом начале этого периода, в 154 г. до нашей эры, назрело первое массовое выступление. Крестьяне семи уделов совместно выступили и долго и упорно боролись с рабовладельцами и собственниками земель. Восставшие потерпели поражение, были захвачены в плен и все проданы в рабство. В 140 г. до нашей эры вспыхнуло новое восстание крестьянства и рабов. Оно было подавлено с еще большей жестокостью, и в раб-

ство были проданы не только восставшие, но и их семьи.

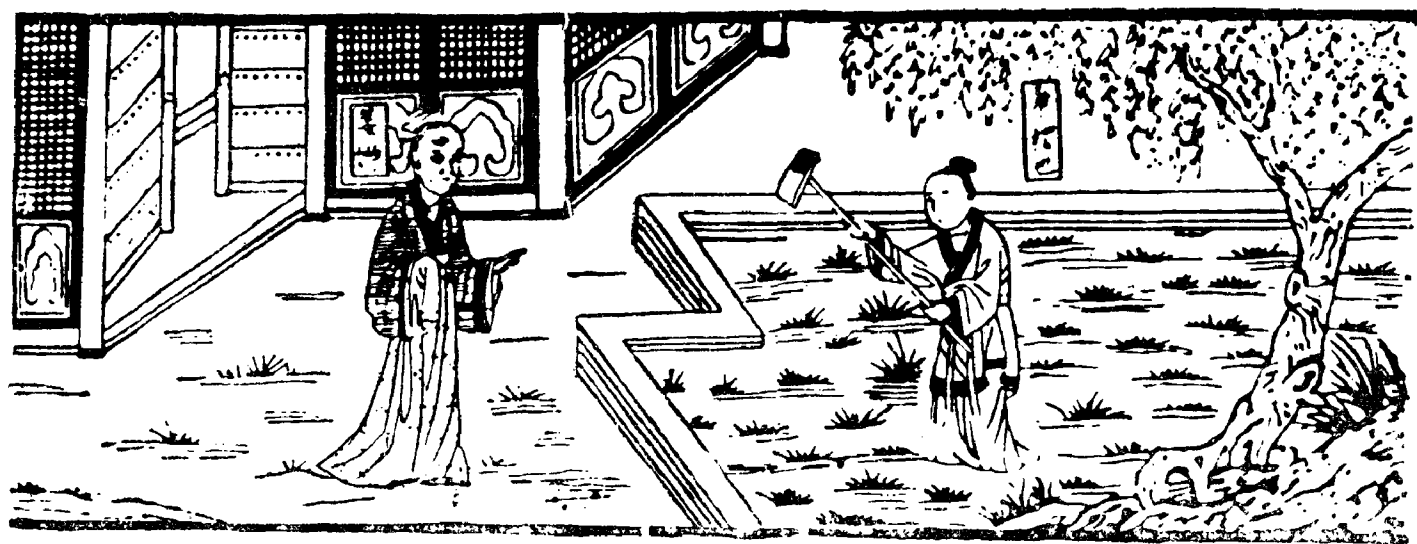
Однако угнетенные массы продолжали борьбу.

Одним из самых больших восстаний явилось знаменитое восстание «краснобровых» при царе Ван-Мане, который своими «реформами» поставил крестьянство в особенно невыносимое положение. Это восстание началось в 18 г. нашей эры в уделе Лу (Шаньдунь). Крестьяне и рабы, объединившись под руководством своего вождя Фан-Чуна, двинулись против царя Ван-Мана. Фан-Чун предложил всем солдатам своей армии в целях борьбы с дезертирством и укрепления дисциплины сделать особую отметку—покрасить брови в красный цвет. По красным бровям Фан-Чун мог всегда узнать своих людей и выявить чужих, если бы они вздумали пробраться в ряды восставших.

Ван-Ман послал против «краснобровых» стотысячную армию под начальством двух лучших своих командиров. Однако оба императорских командира поочередно потерпели поражение, хотя отряд Фан-Чуна насчитывал всего лишь 10 тысяч человек. Победа «краснобровых» послужила сигналом ко всеобщему восстанию. В результате пятилетней борьбы «краснобровые» свергли Ван-Мана и казнили его в 23 г. нашей эры. Однако, несмотря на то что восставшие одержали победу, изменения и улучшения в положении крестьянства не наступило, ибо власть осталась в руках богатых собственников земель и рабовладельцев. Произошло это потому, что примкнувшие к движению «краснобровых» недовольные реформами Ван-Мана представители знати и крупного землевладения постепенно возглавили это движение и захватили власть в свои руки. Добившись свержения Ван-Мана, эти обиженные землевладельцы думали не о дальнейшем развертывании восстания, а, наоборот, о том, как бы его потушить.

В этом была основная причина неудачи движения «краснобровых».

Вторым грандиозным восстанием явилось восстание «желтых тюрбанов», названное так потому, что участники его носили на голове желтые повязки. Это восстание вспыхнуло в 184

Грядковая культура в Китае.

Резьба по дереву.

году нашей эры. Им руководили три брата Чанг. Старший из них был мудрецом и проповедывал учение, которое сам называл: «Путь к великому освобождению». К нему съезжались многие, потерявшие надежду на освобождение. Всех их Чанг-Тяо обнадеживал. Был даже пущен слух, что новый, наступающий, 184 год должен принести избавление народу и положить начало новой, счастливой эре в истории Китая. На городских зданиях, на храмах, на частных домах — всюду были начертаны слова «Тянь-Тзы», что значит: «Наступает новая пора». Под таким лозунгом готовилось грандиозное восстание рабов и крестьянства в древнем Китае.

Это учение и ожидание новой эры крайне беспокоили императора. По его приказам, было поймано более тысячи сторонников братьев Чанг. Все они были казнены. Но сами братья спаслись. Они организовали 36 больших и малых армий, объединивших более чем 100 тысяч человек, разослали их по разным районам Китая и начали восстание по всей стране.

Движение это продолжалось более 15 лет. В результате его главные города были захвачены «желтыми тюрбанами», князья изгнаны из поместий, земли их захвачены восставшими.

Эти восстания наряду с последующими восстаниями «медных воинов» и «Черной горы», когда крестьянство и рабы объединялись с чужеземными племенами, уничтожили власть Ханьской династии. (Чужеземные племена с севера и из Средней Азии всегда поддерживали восставших, ибо этим

племенам была ненавистна завоевательная политика китайских императоров, порабоцевавших окраины).

Итак, власть Ханьских императоров была уничтожена.

На смену формам рабской зависимости пришел феодализм.

Крестьянские восстания в Китае, которые по своему значению могут быть поставлены в один ряд с революциями рабов в античном мире, сыграли колоссальную роль в переходе от рабства к феодализму.

Хозяйство и быт древних китайцев

Основной формой хозяйственной деятельности древних китайцев было земледелие. Поля возделывались главным образом под посевы пшеницы, проса и, в дальнейшем, риса. Вспашку земли, посев и уборку урожая китайцы производили простыми и легкими сельскохозяйственными орудиями. Там, где было достаточно плодородного лесса, почву подымали деревянной сохой, а иногда просто заступом или мотыгой. В местах, где не было лесса, проводили каналы, посредством которых орошались целые районы. В этих местах практиковалось также применение удобрений.

Китайцы, одни из первых среди других народов древности, стали применять грядковую культуру, т. е. выпалывание сорных трав и окучивание, причем осуществляли всю эту работу вручную, простейшими орудиями. Благодаря введению грядковой культуры им удавалось получать большие урожаи риса, различных плодов и овощей.

В хозяйстве китайцев крупную роль играло шелководство. Среди древних народов Востока, Греции и Рима Китай был известен под названием «Серека», что значит «страна шолка».

Китайцы очень рано стали насаждать тутовые деревья, разводить шелковичных червей и первые научились получать шолк, который вывозился во многие страны древнего мира.

Шолк в Китае шел на одежду высших классов: императора, его сановников, князей и чиновников государства. В древности простой народ не

имел права надевать шолковую материю. Долгое время даже купцам особым законом запрещалось носить шолковую одежду. Лишь позднее этот закон был отменен.

Ремесло в древности было уже значительно развито. Резьба по дереву, камню, кости, чеканка металла, изготовление вычурной посуды из бронзы, керамика—все это свидетельствует о высоком развитии древнего китайского ремесла.

Главные орудия труда древние китайцы, как и все народы, изготовляли из камня и костей животных. Более чем за 2 тысячи лет до нашей эры появилась бронза, из которой изготовлялись оружие, ножи, топоры, священная утварь.

Изготовление различной посуды было древнейшим производством в Китае. В первые столетия нашей эры (по Лауферу III—IV в.) китайцы стали совершенствоваться в производстве фаянса и фарфора. О фарфоре древние народы узнали впервые от китайцев.

Хотя торговля древнего Китая с другими странами была слабо развита, однако, судя по упоминанию о нем под названием «Синин» в библии (Исайя) и у древних персов под именем «Магин», народы переднего Востока еще за несколько веков до нашей эры знали о Китае. Античная же Индия была тесно связана с Китаем, что можно установить по упоминаниям последнего в эпосе Магабгарате и в своде законов Ману (за несколько веков до нашей эры).

Во II веке нашей эры Китай, очевидно, в результате торговли шолком становится известным Греции и в особенности Риму.

Уже Плиний Старший рассказывает о связях Римской империи с Китаем. Его внимание привлекала эта страна, славившаяся благодаря «шерсти, произрастающей на деревьях». Из Китая Римская империя получала не только шолк, но и пушнину, железо и кожу, о чем говорят нам Арриан и Птолемей¹.

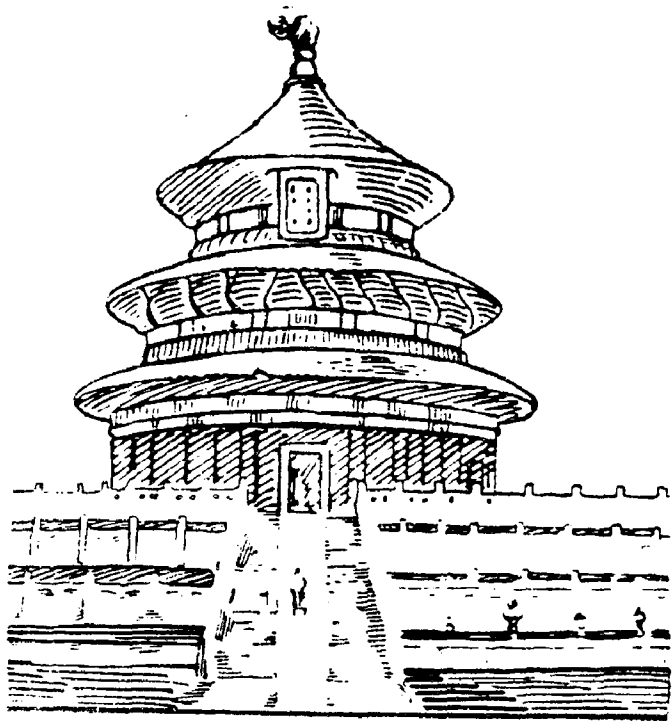
¹ Арриан — греческий писатель; Птолемей, известный греческий астроном и географ II в. нашей эры, описывает страну «Серека» в своих географических зарисовках тогдашнего мира.

福致歡來

Заклинательный амулет: изображение демона.

Храм неба.

О китайцах сообщает также римский ученый Цельс, называя их «серами, не знающими богов».

Денежной единицей были сначала металлические ножи особой формы (см. рис.). И только значительно позднее, с развитием торгово-денежных отношений, была введена тяжелая и неудобная монета, известная позднее под названием «сапека» (слово малайского происхождения). «Монеты было так мало, что она употреблялась лишь в столице и поблизости от нее», — говорят нам «Исторические тексты».

Китайцы поклонялись силам природы и одухотворяли их. Верховным божеством являлось небо, которое почиталось верховной силой и подателем всех земных благ. Жрецы и чиновники называли китайское государство «Поднебесной империей», утверждая, что эта империя находится под непосредственным управлением бога-неба.

В честь этого бога возводились храмы с куполообразной крышей, которую в более поздние времена покрывали голубой, под цвет неба, черепицей из фаянса или даже фарфора.

Для верований китайцев характерен культ умерших предков. В древности, при обрядах погребения умерших и особенно при поминках знатных людей, совершались иногда и человеческие жертвоприношения. Так например в 620 г. до нашей эры при

похоронах циньского князя, на его могиле, было принесено в жертву 177 человек. При похоронах же известного императора-реформатора Цинь-Ши-Хуан-ди были погребены все его бездетные жены, рабы и слуги. В могилу загнали и всех тех мастеров, которые сооружали для него грандиозную и роскошную могилу-усыпальницу.

Только позднее от человеческих жертв перешли к жертвоприношению животных.

Культура древнего Китая

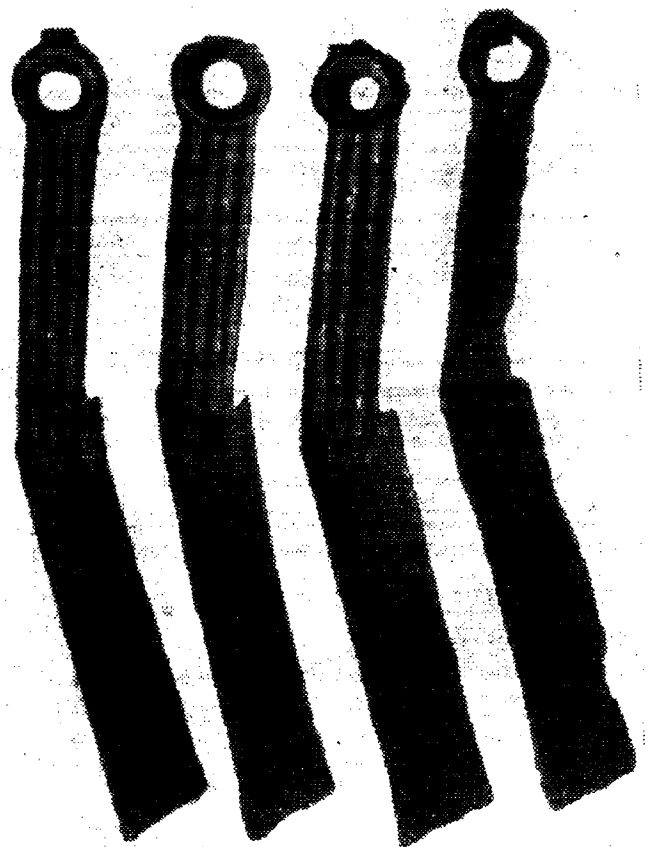
Культура древнего Китая была в высшей степени своеобразной.

Происхождение китайской письменности относится к очень древним временам, что можно проследить по развитию начертаний иероглифов, сначала очень простых, а потом все более и более сложных.

При изучении китайского языка и письма обращает внимание разница между разговорной речью и письмом.

В разговорной речи у китайцев преобладают односложные слова, причем смысл и значение этих слов изменяются в зависимости от интонации при их произношении. Так, в зависимости от интонации слово «ма» может означать «мать», «лошадь» и «ругать».

Совсем другое в китайском письме.

Ножи-монеты при Чжоуской династии.

Эволюция китайского письма. Последняя колонка справа — современные начертания иероглифов.

Прежде всего китайцы не имеют азбуки и пишут иероглифами. Иероглифов больше чем разговорных слов. В китайской письменности существует до 50 тысяч знаков, или иероглифов, в то время как в разговорной речи, при бедности звуковых комбинаций, имеется не более тысячи слов (односложных). Объясняется это тем, что в разговоре одни и те же слова в зависимости от тона и общего смысла речи имеют много значений, в письме же, наоборот, для каждого значения одного и того же слова всегда употреблялся отдельный знак.

Древние китайцы постепенно упрощали изображение иероглифов и в IV в. до нашей эры разработали иероглифы, которые, несколько изменившись, употребляются и в настоящее время. В следующем столетии китайцы ввели в употребление особую кисть для письма, а в I в. нашей эры первые изобрели бумагу (из древесной массы, а потом из соломы). Наконец, в III столетии китайцы стали употреблять при письме ту особую краску черного цвета (изготавливаемую из сажи), которая и сейчас еще известна под названием китайской туши.

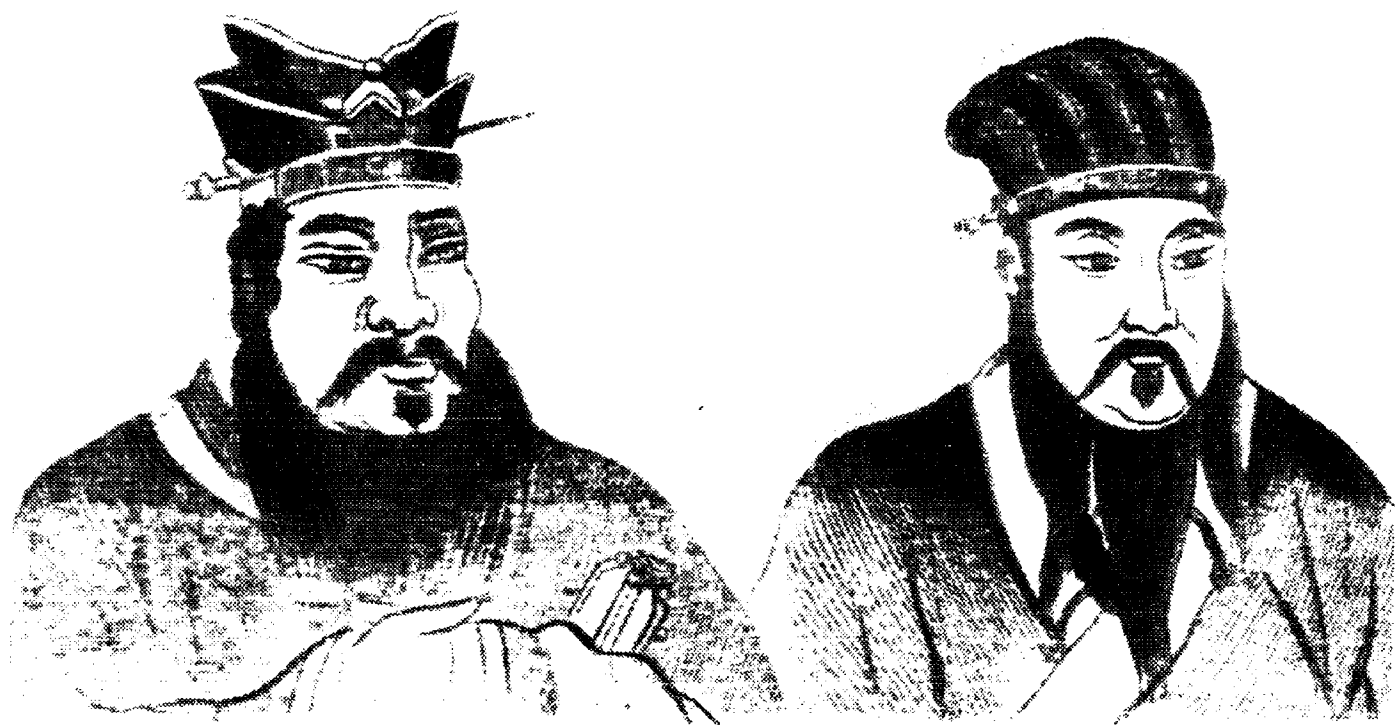
Благодаря тому что в Китае с древних времен существовала письменность, до нас дошли очень древние надписи на костях, на бронзовой посуде и даже целые книги, которые в виде летописей были написаны в глубокой древности.

Среди памятников, по которым

можно судить о древнекитайской культуре, большое значение имеет вышеупомянутая «Великая китайская стена», называемая «Стена в 10 тысяч ли» (ли равняется полуверсте). Великую китайскую стену продолжали подновлять и расширять вплоть до конца XVI столетия. Вначале она строилась из сбитой глины и земли, позднее ее стали облицовывать кирпичом и большими каменными плитами. Стена тянется непрерывной цепью по равнинам и горам, и только в одном месте ее пререзает течение реки Хуан-Хе. Высота стены достигает 10 метров, толщина у основания — 6 метров. На всем ее протяжении, на определенном расстоянии друг от друга, возвышаются четырехугольные массивные башни с большими проходами под ними.

Развитие китайской религии связано с философскими учениями Лао-Тзе и Конфуция. По преданию, философ Лао-Тзе жил еще в VI веке до нашей эры. Занимаясь по преимуществу вопросами происхождения мироздания, он ставил также и вопросы о строе государства, праве и справедливости, об отношениях бедных и богатых. Философия Лао-Тзе рекомендовала крестьянам подчиняться установленному порядку и вместо борьбы с эксплуатацией платить за обиды, оскорбления и грабеж «добром» и «мудростью».

Очень напоминало это учение проповедь другого философа, Конфуция,

Конфуций и его ученик Менций.

которого больше интересовало не мироздание, а общество. Конфуций призывал народ почитать старые порядки, установления и традиции, предупреждал против введения различных новшеств, а от императоров требовал «гуманного» управления страной. Хотя Конфуций и не предлагал изменять как-либо порядок в пользу крестьянства, однако его проповедь не нравилась многим императорам. В частности известный Цинь-Ши-Хуан-ди не

только преследовал последователей Конфуция, но, по свидетельству китайских летописей, сжег все книги, написанные при его участии.

Наряду с философией у китайцев получили широкое развитие такие науки, как математика, астрономия и медицина. Данные по истории религии, философии и наук древнего Китая столь значительны, что они заслуживают более подробного и специального изучения.

3. Цейтлин

ПРОЦЕСС ГАЛИЛЕЯ

1

Цель настоящей статьи — обратить внимание на политическую сторону процесса Галилея, до сих пор изображаемого всеми буржуазными историками только как борьба науки и религии.

Правда, сложная и отдаленная связь между борьбой идеологической и социально-экономической может создать видимость чистой идеологической борьбы, но при тщательном рассмотрении процесса Галилея политическая подоплека его настолько бросается в глаза, что кажется в высшей степени странным игнорирование этой стороны дела.

Процесс Галилея относится к тому периоду, когда феодальный порядок в Европе вступил в период своего разложения. Единый до того времени фронт католицизма раскололся на два враждующих между собой лагеря. Если мощь католической церкви была в значительной мере основана на экономической мощи Италии, которая, по выражению Энгельса, была в XIV—XV вв. «первой капиталистической нацией», то раскол католицизма связан был с экономическим упадком Италии. В XVI и XVII вв. на первый план в политическом и экономическом отношениях стали выдвигаться Испания и Португалия, а затем Франция, Нидерланды и Англия.

К этому времени среди господствующих в Европе стран образуются два лагеря: испано-немецкий во главе с Габсбургами и французский во главе с Бурбонами, — которые ведут ожесточенную борьбу за первенство.

И тот и другой стремились использовать католическую церковь в качестве первоклассного орудия дворянско-буржуазной эксплуатации.

Соответственно этому и в недрах католицизма образовались две фракции, из которых одна ориентировалась на Габсбургов, другая — на Францию. Союзниками Габсбургов в Италии были Медичи, с именем которых неразрывно связана трагическая судьба Галилея.

В эпоху расцвета Италии Медичи были представителями итальянского торгового капитала. В последовавший затем период (XVI—XVII вв.) экономического упадка Медичи, ставшие герцогами Тосканы, вкладывали в Италии свои капиталы в земледелие, а свою банковскую и торговую деятельность переносили в другие страны.

По своим экономическим и политическим интересам, а также в силу родственных отношений Медичи были в период герцогства теснейшим образом связаны с Габсбургами — дворянско-буржуазной династией германских и австрийских императоров и испанских королей. Не удивительно поэтому, что Медичи являлись энергичными проводниками испано-немецкой политики, одна из задач которой заключалась в том, чтобы вовлечь Францию в сферу влияния Габсбургов. Эта задача приобретала особо важное значение к середине XVI в., когда значительно усилилось движение французских протестантов, так называемых гугенотов, выразившее недовольство буржуазии и части дворянства феодально-католическими установками королевской власти.

Медичи были особенно враждебны к гугенотам, поскольку последние являлись конкурентами испано-немецких и итальянских католических купцов и банкиров. Поэтому Екатерина Медичи, вступив в брак с французским королем Генрихом II, воспользовалась своим положением для организации избиения гугенотов, известного под названием «варфоломеевской ночи» (1572 г.). Мария Медичи, вступившая в 1600 г. в брак с Генрихом IV, в целях подчинения французской полити-

ки интересам Габсбургов организовала убийство Генриха IV, сделавшего ряд политических уступок гугенотам, и захватила власть в качестве королевы-регентши.

Такие приемы борьбы, конечно, еще более обострили отношения между испано-немецкой и французской партиями. Эти враждебные отношения продолжались, отражаясь как в области светских отношений, так и в области церковных, в частности в борьбе двух монашеских орденов — иезуитов и доминиканцев.

Орден иезуитов, или иначе общество Иисуса, возник в 1539 г. как одно из главных орудий воинствующего католицизма против реформации. Сначала это была чисто испанская организация, но с начала XVII в. она в значительной мере завоевывается французской партией. В 1603 г. Генрих IV издал эдикт, восстанавливавший орден иезуитов во Франции.

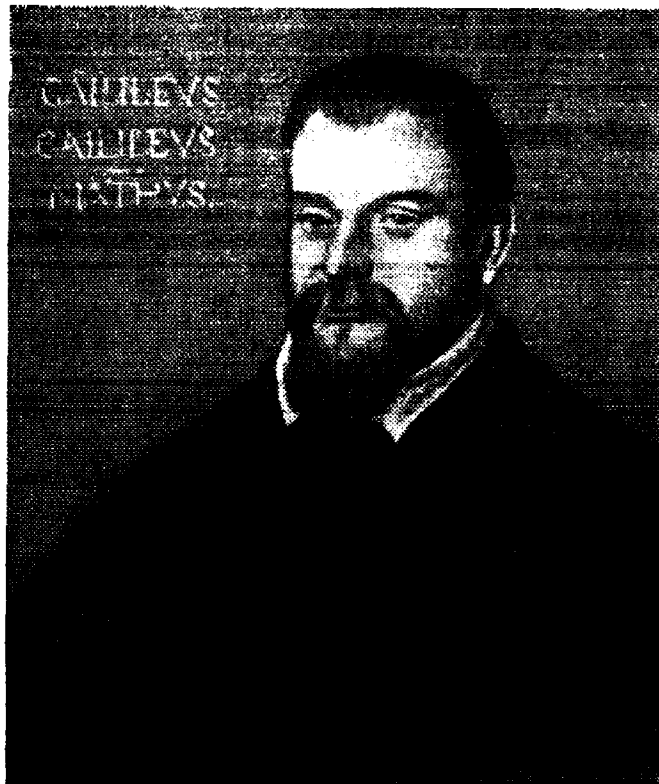
В оппозиции к иезуитам находились доминиканцы. Формально оппозиция возникла на почве религиозных споров в связи с выдвинутым в 1588 г. иезуитом Людвигом Молина учением о предопределении и свободе воли. В действительности же в основе оппозиции доминиканцев была та же борьба между Францией и Испанией. Иезуитам покровительствовали французы, доминиканцам — испанцы.

По существу и те и другие были лишь разными фракциями феодально-католической реакции, с той, однако, разницей, что иезуиты, учитывавшие дух времени, были более тонкими и искусными борцами за идеи католицизма чем доминиканцы.

2

В 1610 г. Галилей из Венецианской республики (Падуя) переселился в Тоскану (Флоренция), где получил звание первого математика Пизанского университета и философа великого герцога тосканского Козимо II Медичи. Будучи освобожден от преподавательской работы, Галилей мог в значительной мере посвятить себя научным исследованиям.

На службе у Медичи Галилей фактически был ученым консультантом по задуманным Габсбургами и Медичи крупным торговым и военным де-

Галилей. Тинторетто (1604).

лам¹: благодаря захвату Марией Медичи власти во Франции и тесному сближению с испанскими и немецкими Габсбургами «акции» банкирского дома Медичи стремительно пошли вверх. Между прочим, Галилей должен был разработать метод определения долготы в открытом море. Этому вопросу придавали тогда очень большое значение, о чем свидетельствуют огромные суммы премий, назначавшихся за его решение (в 1604 г. Филипп III Испанский назначил премию в 100 тысяч талеров, а в 1607 г. Голландские штаты обещали 100 тысяч гульденов тому, кто решит этот вопрос). Открыв в 1610 г. спутников Юпитера, Галилей приступил к разработке метода определения долготы на основе наблюдения движения этих спутников. В письме к герцогу Козимо II Медичи от 25 февраля 1609 г. Галилей писал, что одного из его изобретений, если оно «встретит покровительство и содействие выдающегося князя, будет достаточно, чтобы обеспечить от нужды на всю жизнь»².

Галилей если не активно, то пассивно ориентировался на французскую партию, отражавшую в известной степени прогрессивные тенденции

¹ Галилей был выдающимся военным специалистом.

² Национальное издание сочинений Галилея. Т. X, стр. 230.

Дом, где родился Галилей. Гор. Пиза.

буржуазии, относительно заинтересованной в развитии науки. Ближайший друг Галилея, теологический советник и юрисконсульт венецианской республики Паоло Сарпи был идеологом французской партии, пропагандирующей французские идеи о верховенстве светской власти над церковной. Не искушенный в политике, Галилей полагал, что женитьба Генриха IV на Марии Медичи была признаком французской ориентации тосканского герцога. Это было одной из существенных причин, побудивших Галилея переехать в Тоскану.

Галилей отнюдь не был кабинетным ученым: он был человеком практики, инженером и изобретателем. И защитником системы Коперника он стал не сразу, а в результате длительных наблюдений, изучений и экспериментов, которые убедили его в том, что защита взглядов Коперника содействует развитию механики («науки о машинах», по терминологии того времени).

Для Галилея была совершенно неприемлема компромиссная точка зрения, рассматривавшая систему Коперника как удобную математическую фикцию, или, как тогда говорили, «гипотезу». Эта точка зрения находила немало защитников и среди наиболее передового духовенства, например, сторонником ее был знаменитый иезуит Беллармин.

Но вскоре последователи учения Коперника стали подвергаться нападкам. Первыми против Галилея выступили доминиканцы. В 1614 г. доминиканец Каччини в проповеди, произнесенной в церкви Santa Maria Novella при истолковании 10-й главы книги Иошуа, публично нападал на защитников учения Коперника—на «математиков», которые являются родоначальниками всяческих ересей, ибо математика — дьявольское искусство. Чтобы было ясно, кого он имеет в виду, Каччини выбрал для проповеди слова из апостольских деяний: «Мужчины галилейские, что стоите зряще на небо?»

Вслед за Каччини выступил другой доминиканец — Лорини. В феврале 1615 г. Лорини переслал римской инквизиции копию знаменитого письма Галилея своему ученику Кастелли, написанного им 14 октября 1613 года. В этом письме Галилей подчеркивает, что задачей священного писания не являются изложение и решение естественнонаучных вопросов и что поэтому не следует толковать его буквально. Каччини также сделал личный донос члену инквизиционной конгрегации—генералу доминиканцев кардиналу Арачелли.

Эти доносы послужили формальным основанием для первого привлечения Галилея к инквизиционному следствию.

В письме к епископу Дини от 16 февраля 1615 г. Галилей просил «поговорить о деле с иезуитами, как с теми, которые больше понимают, чем обыкновенные монахи, особенно с патером Гринбергером¹, превосходным математиком, моим большим другом и покровителем».

В этом же письме Галилей выражал желание, чтобы Гринбергер показал его письмо к Кастелли кардиналу Беллармину, а также писал о том, что хорошо было бы дать копию этого письма математику Луке Валерио, который вхож в дом кардинала Альдобрандини. Обращение Галилея к иезуитам и Альдобрандини объясняется их французской ориентацией.

Донос Каччини был поставлен на

¹ Начальник иезуитской римской коллегии.

обсуждение одиннадцати теологов, так называемых квалификаторов инквизиционной конгрегации, 24 февраля 1616 года. Были рассмотрены два положения, в защите которых Каччини обвинял Галилея:

1. Солнце—центр мира и совершенно неподвижно в отношении местного движения¹.

2. Земля не есть центр мира, не неподвижна и движется целиком также суточным движением.

Из протокола допроса Каччини² от 20 марта 1615 г. видно, что против Галилея были выдвинуты также политические обвинения (переписка с Паоло Сарпи и Кеплером).

Комиссией квалификаторов первое положение было объявлено с философской точки зрения глупым и абсурдным, теологически же еретическим³.

Второе положение было признано с философской точки зрения подлежащим тому же суждению, теологически же квалифицировалось, как, по крайней мере, заблуждение в вере. Квалификацию подписали в подавляющем большинстве доминиканцы.

Иезуит Шнееман⁴, анализируя список подписавших квалификацию, совершенно правильно указывает, что эта квалификация — дело рук противников иезуитов—доминиканцев.

Среди подписавших трое, а именно: архиепископ Петр Ломбардский, августинец Коронеллиус и доминиканец Фома Лемосский — были главными оппонентами иезуитов на эвещании в 1605—1606 гг., где обсуждался вопрос о благодати и свободе воли.

На основании суждения квалификаторов конгрегация инквизиции постановила 25 февраля 1616 г., чтобы:

1. Кардинал Беллармин вызвал к себе Галилея и уговорил его остерегаться

¹ В средневековой физике под «местным движением» разумеют «перемену места», т. е. механическое движение.

² См. книгу М. Выгодского «Галилей и инквизиция».

³ Текст этого и других актов см. в книге Геблера «Galilei und die Römische Kurie», а также З. А. Цейтлин «Галилей». Изд. 1934 года.

⁴ G. Schneeman «Galilei und die Römische Stuhl» в «Stimmen aus Maria-Laach», S. 125. 1876.

Университет в Падуе эпохи Галилея.

ся учения о неподвижности Солнца и о движении Земли.

2. В случае непослушания отец-комиссар в присутствии нотариуса и свидетелей должен объявить Галилею приказ совершенно воздержаться от трактовки указанной доктрины и от защиты ее.

3. Если же он приказу не подчинится, заточить его в тюрьму.

26 февраля постановление было выполнено.

На заседании конгрегации инквизиции 3 марта кардинал Беллармин доложил, что он увещевал Галилея и что Галилей подчинился; кроме того был заслушан декрет конгрегации индекса о временном запрещении впредь до исправления книг Коперника и др., в которых прямо опровергались библейские и теологические аргументы против движения Земли.

Соответствующий декрет конгрегации индекса был опубликован 5 марта⁵. 26 мая кардиналом Беллармином было выдано Галилею удостоверение, в котором говорится лишь об увещевании «не защищать и не считать истинным» учение о движении Земли и неподвижности Солнца, но не было никаких указаний на официальный

⁵ Геблер. Цит. соч., стр. 401.

приказ комиссара инквизиции «со всем отказаться» и «ни в какой форме не придерживаться, не преподавать, не защищать устно или письменно» доктрину Коперника. Это заставляет предполагать, что Беллармин в известной мере защищал Галилея.

Хотя Беллармина и нельзя причислять к прямым сторонникам французской партии, все же ряд его предыдущих действий свидетельствовал о том, что он придерживался французской ориентации.

Если кроме того принять во внимание, что руководство иезуитского ордена в то время ориентировалось на Францию, если учесть также, что удостоверение, выданное Беллармином, было официальным документом, исходившим от виднейшего члена конгрегации инквизиции и индекса (папской цензуры), то мы приходим к выводу, что налицо был факт защиты Галилея со стороны французской партии, против атак испано-немецкой.

Иезуиты защищали Галилея против доминиканцев, но, конечно, не по мотивам идеологическим, ибо обе партии решительно отвергали учение Коперника в качестве объективной истины, а по мотивам политическим.

Обе стороны боролись против революционно-материалистического учения Коперника, против его антирелигиозных идей. С той, однако, разницей, что иезуиты как наиболее гибкая, приспособлявшаяся к новым временам фракция католицизма, испытывавшая на себе в большей степени, чем доминиканцы влияние прогрессивной тогда буржуазии, наносила удар Галилею не прямо, а косвенно. Мы уже упоминали об иезуитско-схоластической формуле, выработанной Беллармином, согласно которой доктрина Коперника рассматривалась лишь как не имеющая объективного значения гипотеза.

Правда, в среде доминиканцев как и в среде иезуитов были различные течения. Так, доминиканец Кампанелла, защищавший Галилея, примыкал к французской партии. С другой стороны, иезуиты Грасси и Шейнер были самыми отъявленными врагами Галилея.

К 30-м годам XVII столетия против Галилея выступил уже весь католиче-

ский лагерь, в том числе и иезуиты не только испано-немецкой, но и французской партии. Чтобы понять, как это произошло, необходимо подробно ознакомиться с политикой римской курии во времена папы Урбана VIII.

3

В 1620 г. руководящее положение во Франции занял кардинал Ришелье.

Как представитель французской национальной монархии он считал своей важнейшей задачей разгром Габсбургов. В начавшейся к этому времени в Германии тридцатилетней войне Ришелье поддерживал протестантских князей в их борьбе против императора и старался переманить на свою сторону главу так называемой католической лиги Максимилиана Баварского, обещая ему императорскую корону. С этой целью — разгрома Габсбургов — Ришелье вступил в блок с Англией, Нидерландами, Швецией, Данией, Турцией и итальянскими государствами.

Важным союзником Ришелье, как доказывает историк Ранке, был и папа Урбан VIII. Французская ориентация папы Урбана VIII объяснялась следующими обстоятельствами: в период тридцатилетней войны Испания уже сходила с мировой сцены, Германия также отгеснялась на задний план — на первое место выдвигались Франция, Англия и Нидерланды. Католическая церковь и папство — продукт средневекового феодального строя — разлагались вместе с этим строем и становились орудием нарождавшихся мировых капиталистических держав. Папы вынуждены были отказаться от традиционного союза с Испанией. Ставка Урбана VIII на французскую дворянско-буржуазную монархию являлась результатом его дальновидной политики, так как наилучшим образом способствовала обеспечению интересов папства.

Поддерживая Ришелье, папа поддерживал протестантских князей Германии: «еретика» Густава Адольфа Шведского, Англию и Турцию. Мария Медичи, сосланная Людовиком XIII в Блуа, подняла против Ришелье восстание под лозунгом «Долой союзы с еретиками!» Потерпев поражение,

она вынуждена была бежать в Нидерланды, а затем в Германию, где и умерла в изгнании.

Между Францией же и Густавом Адольфом 22 января 1631 г. был формально заключен союз. Густав Адольф Шведский вторгся в Германию в 1630 г., а в 1632 г. вступил в Мюнхен и подошел к границам Австрии и Италии.

Император Фердинанд II Габсбург начал лихорадочно сколачивать лигу из католических государств, чтобы, по насмешливому выражению Ришелье, организовать «крестовый поход» против Густава Адольфа.

В начале февраля 1631 г. к папе были отправлены чрезвычайные послы императора, которые требовали субсидии на эту, якобы ведущуюся с религиозными целями войну, вступления папы в большую католическую лигу и отлучения от церкви Ришелье и Людовика XIII.

Послы получили аудиенцию у папы лишь в конце февраля и, как пишет историк Грегоровиус, убедились «в исключительно враждебном настроении в Ватикане». Папа заявил послам, что данную войну он не считает религиозной, так как Густав Адольф выступает лишь против слишком возросшей силы Австрии.

Послы вместе с кардиналами испано-немецкой партии немедленно созвали тайное совещание, на котором была выработана следующая формула протеста (даем выдержки из нее):

«Как только всесветлейший католический король Испании узнал о союзе всех еретических сил со шведским королем и о затруднительном положении католиков в Германии, он все свои помыслы и заботы направил на то, чтобы как следует и немедленно встретить эту огромную опасность... Поэтому он обратился к Вашему святейшеству как к всеобщему отцу и столь же настойчиво как и смиренно просил о щедрой денежной помощи, а главное о том, чтобы Ваше святейшество обратили внимание всех католических князей и народов на угрожающую опасность, строго увещевая их всеми силами защитить дело религии. Но так как опасности с каждым днем растут, а Ваше свя-

тейшество все медлит, Его величество... повелел мне с надлежащими смирением и благоговением заявить протест против того, чтобы всякий ущерб, который может быть причинен католической религии, был приписан ему, благочестивейшему и послушнейшему королю, а не Вашему святейшеству»¹.

Испанский посол при папском дворе кардинал Борджиа пытался прочитать этот протест на заседании тайной консистории 8 марта. Папа сначала слушал спокойно, но при словах «а Ваше святейшество все медлит» он приказал Борджиа замолчать. Борджиа вступил в пререкания с папой и хотел продолжать чтение. В собрании поднялся страшный шум. Брат папы кардинал Антонио Барберини подскочил к Борджиа и схватил его за руку, намереваясь силой удалить из зала. Кардинал Пио от волнения сломал очки. Кардинал Сандоваль в ярости разорвал свою шапочку. Чтобы успокоить разгоревшиеся страсти достопочтенных отцов, Урбан взял из рук Борджиа протест, заявив, что делает это в знак любви к своему верному сыну, католическому королю Испании. На следующий день были приняты меры, чтобы помешать распространению копий протеста. Был принят также ряд военных мер из опасения нашествия испанцев. 8 марта папа обнародовал буллу, в которой кардиналам запрещалось выступать в тайной консистории от чужого имени и по поручению короля или императора ставить на обсуждение вопросы, не утвержденные папой в повестке дня. Булла эта обсуждалась на заседании конгрегации инквизиции 11 марта. Папа «рассматривал Борджиа как преступника, виновного в оскорблении величества, и охотно предал бы его в руки инквизиционного трибунала». Урбан VIII вынужден был, однако, отказаться от немедленных репрессий против Борджиа вследствие угрозы испанского вицекороля выступить в защиту Борджиа с оружием и с требованием созыва собора².

¹ Грегоровиус «Урбан VIII против Испании и кайзера» (русского перевода не имеется).

² Пастор «История пап». Т. XIII, стр. 438.

В течение трех лет папа упорно добивался отозвания Борджиа из Рима, ведя по этому вопросу длительные переговоры с Испанией. Испанское правительство соглашалось «принести в жертву Борджиа» (Пастор), но лишь ценою разрыва папы с Францией и больших субсидий.

Значительное влияние на дальнейший ход событий имели смерть Густава Адольфа 16 ноября 1632 г. в сражении при Люцене, около Лейпцига, а также болезнь Ришелье.

Эти обстоятельства наряду с военными успехами Габсбургов, поражением шведов императорскими войсками в 1634 г. в битве при Нордлингене, усиление испано-немецкой оппозиции вследствие крушения широких политических планов Урбана VIII об освобождении Италии от испанского владычества — все это определило более тонкую и уступчивую политику, которую Урбан VIII вынужден был повести в отношении Габсбургского дома.

4

Чрезвычайно напряженная политическая ситуация в 1632 г., когда испанским послом и кардиналом Гаспаром Борджиа было публично брошено папе обвинение в поддержке врагов католической церкви, конечно, была неблагоприятным моментом для публикации галилеевского «Диалога о двух важнейших системах мира». Разрешить публикацию такого рода сочинения значило подлить масла в огонь испано-немецкой агитации и дать в руки врагам лишний аргумент в пользу обвинения папы в поддержке ереси. В 1632 г. Урбан VIII при всем своем, как мы покажем ниже, благожелательном отношении к Галилею не мог дать разрешения на печатание его книги. Между тем галилеев «Диалог», напечатанный во Флоренции, был разрешен к печати папским цензором Николаем Рикарди. Если принять во внимание, что, согласно законам папской цензуры, только книги, публикуемые в Риме и в Папской области, требовали визы папского цензора, то возникает серьезное подозрение, что здесь перед нами не совсем обычное происшествие. Некоторые историки предполагают, что Галилей добился *Imprimatur* (раз-

решения) папского цензора на своей книге, чтобы «вдвойне застраховать» себя от своих врагов.

Сам папа был того мнения, что «Галилей и Чиаμποли (секретарь папы, агент испано-немецкой оппозиции. — З. Ц.) его обманули... что Рикарди был также обманут, когда у него при помощи прекрасных слов выманили разрешение книги и согласие на ее печатание во Флоренции и когда на книге поставили «*Imprimatur Magister Sacri Palatii*»¹, которое не имеет никакого отношения к книгам, не напечатанным в Риме».

История получения *Imprimatur* Рикарди, подтверждает предположение, что перенесение печатания галилеева «Диалога» из Рима во Флоренцию и появление на книге незаконного разрешения папской цензуры имели под собою определенную политическую подоплеку.

Галилей начал хлопотать о печатании своего «Диалога» в Риме в начале 1630 года. Шестого февраля 1630 г. ученик Галилея — Кастелли — писал своему учителю: «Прежде чем вы написали мне, я несколько раз говорил о Вас и о Ваших заслугах с «*Padre Mostro*»². Я сказал ему, что вы решили опубликовать «Диалог» с того момента, как он сделался *Magister Sacri Palatii*, так как Вы убеждены, что Ваши произведения не будут отданы на рассмотрение и суждение невеждам».

Неожиданно, 24 августа 1630 г., после того как Галилей сам побывал в Риме и вернулся во Флоренцию, он получил от Кастелли следующее сообщение:

«По многим серьезным основаниям, которых я ныне не могу доверить бумаге... я полагаю, что Вы, многоуважаемый синьор, хорошо сделаете, если будете печатать Вашу книгу во Флоренции и как можно скорее»³.

А Волынский⁴ совершенно правиль-

¹ Т. е. «Магистр Священного Дворца» — таков был титул папских цензоров, в данном случае — Рикарди.

² Т. е. Рикарди. Доминиканца Рикарди испанский король назвал «*Padre Mostro*» — «Патер чудовище» — по причине его чудовищной памяти, а по другой версии — чудовищной толщины.

³ Национальное издание соч. Галилея. Т. XIV, стр. 135.

⁴ «*Nuovi documenti inediti del Processo di G. Galilei*». 1878.

но связывает письмо Кастелли с событиями, происходившими в Риме в 1630 г., т. е. с политическим заговором (так называемый «астрологический заговор») представителей испано-немецкой оппозиции против Урбана VIII как главаря французской партии. Ликвидировав этот заговор казнями и ссылками, папа издал в апреле 1631 г. буллу против астрологов (в Риме в 1630 г. циркулировали астрологические прогнозы относительно якобы предстоящей в этом году смерти Урбана VIII, являвшиеся выражением намерений испано-немецкой партии) и специальным письмом отменил все ранее выданные разрешения на чтение запрещенных книг. Возросшая активность испано-немецкой партии в 1630 г. сделала невозможным получение разрешения на печатание книги Галилея в Риме, и это печатание было специально перенесено во Флоренцию.

Как мы уже писали, Галилей приехал в Рим по поводу печатания «Диалога» летом 1630 г. и вел по этому делу переговоры рядом высокопоставленных лиц. Рецензия книги была поручена патеру Висконти, и по просьбе Галилея флорентинец Филипп Никколини¹, родственник Рикарди, написал рецензенту письмо от своего имени и от имени принца Иоанна Карла Медичи². 16 июня патер Висконти переслал Галилею записку, в которой писал, что Рикарди книга понравилась.

Вместе с тем Висконти писал о необходимости, по мнению Рикарди, изменить первоначальное заглавие книги — «О приливах и отливах», чтобы исключить всякий намек на доказательство движения земли.

Рикарди кроме того требовал, чтобы в предисловии к книге и в заключении было ясно подчеркнуто, что учение Коперника является математической фикцией.

Впоследствии Рикарди утверждал, что он дал Галилею лишь условное

¹ Никколини — флорентинский посол при папском дворе.

² Сын Козимо II и брат Фердинанда II Медичи. Один из главарей испано-немецкой партии, адмирал на службе Испании. В 1644 г. был возведен в сан кардинала папой Иннокентием X, ставленником габсбургской партии.

Imprimatur, чтобы облегчить переговоры с типографами. На самом деле, римское Imprimatur было весьма ловким ходом со стороны Рикарди, или, вернее, со стороны тех лиц, которые им руководили, в частности — Чиамполи. Эти лица прекрасно знали, что книга в Риме напечатана быть не может, но они имели в виду использование римского разрешения для усыпления бдительности флорентинской инквизиции.

Галилей действительно использовал римское Imprimatur для получения разрешения флорентинской цензуры и приступил к печатанию «Диалога». Имелась, однако, весьма реальная опасность, что флорентинские цензоры и инквизиторы могут проговориться о римском Imprimatur. Необходимо было поэтому получить дополнительное специальное разрешение папской цензуры, якобы исходящее от самого Урбана VIII. Рикарди впоследствии показывал, что первоначально просьба о таком разрешении была им категорически отклонена. Что это не соответствует действительности, видно из письма Кастелли от 21 сентября 1630 года. Кастелли сообщал Галилею, что Рикарди просил прислать копию «Диалога» для того, чтобы «он и Чиамполи могли сделать необходимые изменения и тогда дать разрешение на печатание книги во Флоренции». То же самое сообщал Галилею посол Никколини.

Истинную подоплеку всего этого дела выясняет письмо Рикарди к Никколини от 28 апреля³. Рикарди писал, что у него нет большего желания, как пойти навстречу великому герцогу. «Но это я могу сделать не тем, что выдам разрешение к печати, что не подобает мне, если сочинение печатается во Флоренции, а тем, что буду убежден, что Галилей выполнил сделанные ему по приказу папы указания». Рикарди, таким образом, сам признал незаконность выдачи Imprimatur для Флоренции. Он писал далее: «Когда я получу введение и заключение к книге, я легко сумею убе-

³ Реуш «Процесс Галилея и иезуиты» (на немецком языке), стр. 204. Перевод письма у Реуша не совсем точен.

Галилей. О гравюры Вилломена.

даться, соответствуют ли они требуемому, и тогда выдам удостоверение, что книга мной одобрена». Заканчивалось письмо следующей, весьма замечательной, явно заговорщического характера фразой: «Во всяком случае Вы должны заверить заинтересованных, что ни одна живая душа со мной об этом деле не говорила: ни вышестоящий, ни подчиненный, ни равностоящий, — кроме моих и Галилея общих друзей; не следует также думать, что вражеские руки участвуют в игре, так как воистину этого нет».

Мы видим, что хитрый Рикарди согласился «угодить столь высокопоставленным особам» из испано-немецкой партии при условии, что его участие будет носить характер официального исполнения просьбы автора книги, согласно официальным указаниям вышестоящего начальства. Рикарди заверяет «соучастников», что все будет сохранено в строжайшей тайне и что он дает гарантию против провокации со стороны «вражеских рук». Прошло еще около двух с половиной месяцев,

пока, наконец, Рикарди решился послать незаконное *Imprimatur*.

В письме к флорентинскому инквизитору Рикарди писал: «В соответствии с повелением нашего Господина о книге Галилея посылаю Вам, кроме тех указаний, которые я сам дал Вам относительно нее, еще введение, или предисловие, которое необходимо поместить в первом листе, автор может стилистически изменить и украсить его, не меняя, однако, содержания. То же самое относительно заключения».

Получал ли действительно Рикарди «повеления нашего Господина», т. е. папы Урбана VIII? Существует отчет родственника Галилея — Буонамичи¹, в котором он сообщает следующее: «Padre Mostro» (т. е. патер Рикарди) говорит, что он получил повеление от самого папы апробировать книгу. Папа отрицает это и гневается. Патер говорит, что Чиаμποли, по повелению Его святейшества, уполномочил его на это. Папа отвечает, что одним словом нельзя верить. Тогда патер показывает записку Чиаμποли, где сказано, что папа, в присутствии которого он пишет, приказывает ему апробировать «Диалог».

Это сообщение вполне соответствует всем вышеизложенным обстоятельствам дела. О правильности такого истолкования событий свидетельствует тот факт, что за незаконную выдачу *Imprimatur* пострадал не Рикарди, а Чиаμποли, который был смещен с должности и выслан. Некоторые историки утверждают, что Рикарди был отстранен от должности. Это неверно: Рикарди оставался папским цензором до самой своей смерти в 1639 году. Согласно указаниям Вольтского, Грегоровиуса, Пастора и других историков², обойденный Урбаном при назначении кардиналов в 1629 г., Чиаμποли примкнул к испано-немецкой партии, и он-то устроил выдачу *Imprimatur* с провокационной целью усилить обвинение против Урбана VIII в поддержке еретиков.

¹ Национальное издание соч. Галилея, т. XIX, где этот отчет воспроизведен в двойственном контексте. Г. Мартин в своей книге «Галилей» на французском языке (стр. 405), считает этот отчет апокрифом.

² Реуш, стр. 197 и 226; Грегоровиус, стр. 90; Пастор, стр. 896.

Провокация была, следовательно, организована следующим образом: сначала при содействии семьи Никколини, выполнявшей поручение царствующего дома Медичи,—Висконти и Чиаμποли было получено от Рикарди римское *Imprimatur*, которое было использовано, чтобы приступить к печатанию «Диалога» во Флоренции. Затем для усыпления бдительности флорентинских инквизиторов и папских шпионов Рикарди заставили написать дополнительное, незаконное *Imprimatur*, якобы исходившее от самого папы. Прибавим здесь, что инициатива изменения первоначального названия «Диалога» — «О приливах и отливах», приписанная Рикарди папе, по-видимому, исходила также от Чиаμποли. У Галилея едва ли могло быть намерение ставить на книге столь вызывающее заглавие, как «Диалог о двух важнейших системах мира: птоломеевой и коперниковой». Он скорее был заинтересован в том, чтобы скрыть революционное содержание своего труда под скромным и специальным названием. Вызывающее же заглавие было весьма выгодно провокаторам. За чистосердечное разоблачение этой махинации Рикарди и получил милостивое прощение папы.

Каково же было, однако, отношение к этому делу самого Галилея? Обладая гениальной научной и житейской наблюдательностью, Галилей из опыта своей долголетней жизни составил правильное суждение об окружающей его среде полуразбойничьей испанизированной аристократии, светской и духовной, с ее стяжательством и карьеризмом, с ее интригами, шпионами и провокаторами, инквизицией и цензурой. Галилею было важно любой ценой издать труд, завершавший дело его жизни. Поэтому он без всяких колебаний согласился на помещение состряпанных, по указанию Рикарди, предисловия и заключения, в которых отрицалось то, что Галилей защищал всю жизнь и за что он в конце концов был осужден. Так как Галилей жил в окружении высшей светской и духовной аристократии и посещал таких лиц, как осужденный астролог, или, попросту говоря, политический информатор и шпион Мо-

ранди¹, то он не мог не знать о создавшейся политической ситуации и о политическом значении опубликования «Диалога» в 1632 году. Галилей считал, однако, совершенно законным и правильным применять в борьбе с таким неразборчивым в средствах врагом, как папизм, хитрость и обман. Не даром эмблемой «Академии рысьеглазых»², членом которой состоял Галилей, была выбрана рысь, лицемерно подносящая глаза к небу и раздирающая когтями трехглавого Цербера, — символ папизма. Урбан VIII был поэтому со своей точки зрения прав, обвиняя Галилея в соучастии с Чиаμποли. Галилей не был, однако, политическим единомышленником последнего. Напротив, Галилей использовал создавшуюся благоприятную ситуацию для опубликования «Диалога» именно потому, что весьма основательно опасался поворота политики папизма в сторону более реакционной, как он это хорошо знал, испано-немецкой партии.

Это парадоксальное соотношение вещей объясняет, с одной стороны, упорное нежелание Урбана VIII совершенно освободить Галилея от наказания, а с другой — сравнительно мягкий характер санкций против Галилея (покаяние и домашний арест). Урбан VIII прекрасно знал, что Галилей политически скорее является его сторонником и что он прибег к помощи испано-немецкой партии, лишь желая издать свой труд. Но вместе с тем Урбан VIII не мог простить Галилею соучастие в организованной испано-немецкой оппозицией провокации.

Кроме того — и это самое главное — после событий 1632—1633 гг. папа сам вынужден был все более и более считаться с наиболее реакционными испано-немецкими кругами католицизма, требовавшими беспощадной борьбы с еретиками. Совершенно освободить Галилея от наказания значило для Урбана VIII признать тем

¹ Моранди составил гороскоп самого Галилея.

² Так называлась научная академия, основанная в Риме другом Галилея маркизом Чези.

самым свою собственную ответственность за публикацию «Диалога».

Историки, обсуждая роль Чиамполи в деле Галилея, говорят, что трудно поверить, чтобы секретарь папы мог действовать столь смелым и провокационным образом по отношению к своему патрону. Здесь нет, однако, ничего удивительного для всякого, знакомого с историей папства. Интриги, обман, провокация и еще более отвратительные деяния — традиционные и верные спутники этой истории. Чиамполи делал ставку на решительную победу испано-немецкой партии, победу, которая запоздала всего лишь на десять лет.

5

Однако главным руководителем провокации против папы был не Чиамполи, а сам лидер испано-немецкой оппозиции, кардинал Гаспар Борджиа.

Чтобы убедиться в этом, необходимо проследить важнейшие моменты инквизиционного процесса Галилея. В феврале 1632 г. Галилей начал рассылать напечатанный «Диалог» различным лицам во Флоренцию, Рим, другие города Италии и даже за границу. Были немедленно приняты меры для конфискации разосланных экземпляров «Диалога». В начале августа была создана специальная комиссия под председательством племянника папы кардинала Франческо Барберини. Комиссия сформулировала ряд обвинительных пунктов против Галилея, и, по постановлению инквизиции от 23 сентября, Галилей был вызван в Рим.

Основным принципом инквизиционного судопроизводства было положение: лучше осудить десять невинных, чем оправдать одного виновного. Отсюда запрещение — следовать порядку, принятому не только в светских, но и в обычных, церковных судах: инквизиционное судопроизводство устраняло защиту и сообщение обвиняемому имен свидетелей.

Согласно теории инквизиционного судопроизводства задача судьи-инквизитора заключалась не столько в том, чтобы обнаружить преступление и наказать виновного, сколько в том, чтобы раскрыть намерения, стремления, побуждения, склон-

ности к преступлению и тем самым предупредить и примирить подсудимого со «святой матерью-церковью».

Вся теория инквизиционного судопроизводства зиждилась на теологическом учении о зле. По этому учению, зло — это дело рук дьявола, и еретиком является не тот, кто вообще совершил преступление против веры, а тот, кто его совершил со злой волей, или намерением. Понятие «злая воля», или «намерение», было равносильно понятию союза с дьяволом.

Основной задачей инквизиционного судопроизводства было поэтому обнаружение злой воли подсудимого. Для этой цели — в случае нужды — применялась пытка, так как, по воистину дьявольской доктрине инквизиции, «испытание тела», т. е. телесные страдания, способствует возвышению и очищению духа, который начинает отвечать «истинно-католически», т. е. несмотря на пытки отвергает обвинение в ереси.

Для осуждения Галилея недостаточен был поэтому самый факт опубликования им «Диалога» и притом с разрешения папской цензуры: нужно было доказать, что эта публикация была сделана со злым умыслом. Согласно же инквизиционной теории, наличие злой воли безусловно устанавливается, если подсудимому было уже раньше сделано инквизицией предупреждение, ибо такое предупреждение рассматривается как исходящее от самого святого духа отеческое указание на опасность союза с дьяволом.

Хотя, вообще говоря, инквизиционные трибуналы мало считались с формально-юридическими доказательствами и прибегали к пытке, чтобы получить «добровольное» признание в наличии злой воли, но поскольку речь шла о таком лице, как Галилей, и притом в обстановке острого политического конфликта, необходимо было обосновать обвинение юридически более строго. Вот почему весьма основательной является гипотеза биографа Галилея Вольвилля о том, что акт о Галилее от 26 февраля 1616 г., которым оперировали инквизиторы в

Галилей перед судом инквизиции.

1632 г., был сфабрикован в том же, 1632 году¹. Основательным является также подозрение, что эта фальсификация является делом рук Рикарди. Именно Рикарди первый сообщил Никколини в письме от 11 сентября 1632 г. о том, что «в книгах святой инквизиции найдено, что Галилей был 16 лет назад потребован в Рим и что от имени папы и священной конгрегации инквизиции кардинал Беллармин запретил ему придерживаться коперникова учения».

Действительно, как мы видели выше, в акте от 25 февраля отнюдь не утверждается, что Галилей—сторонник доктрины Коперника, а ему лишь делается отеческое предупреждение остерегаться этого учения и совершенно воздерживаться от трактовки этой доктрины и от защиты ее.

В акте же от 26 февраля ясно сказано, что Галилей должен «совершенно оставить или отказаться от мнения о неподвижности Солнца как центра мира и движении Земли и в будущем ни в какой форме его не придерживаться, не преподавать или защищать устно

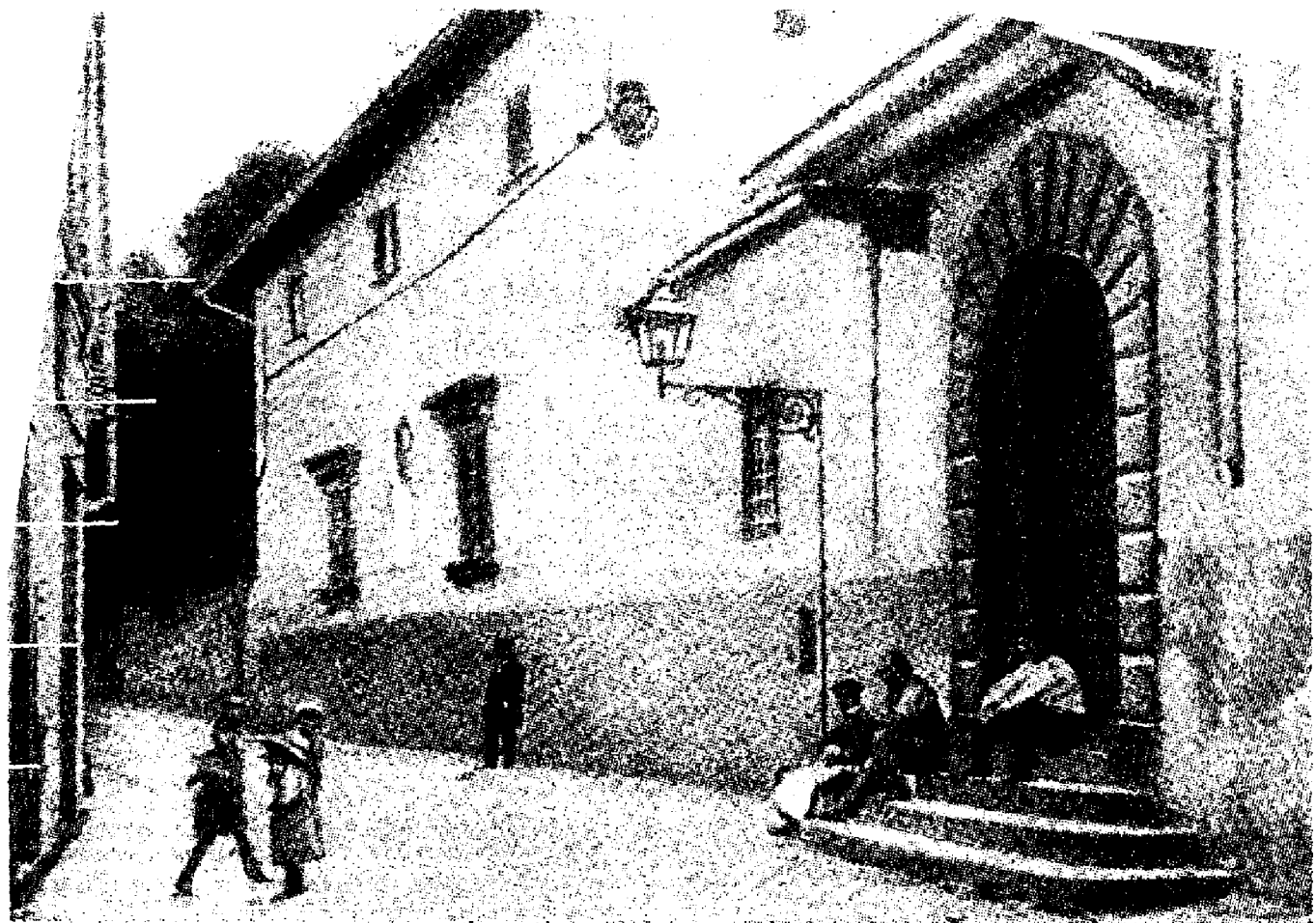
¹ Вольвилль «Галилей и его борьба за коперниково мировоззрение» (немецкое издание) и З. А. Цейтлин «Галилей».

или письменно»². Не зная о том, что у Галилея сохранилось удостоверение, выданное Беллармином, Рикарди решил представить дело таким образом, что Галилей был в 1616 г. лично и официально привлечен к инквизиционному следствию и суду («потребован в Рим») за приверженность к доктрине Коперника и что ему было официально предложено «совершенно оставить или отказаться» от этого мнения, «ни в какой форме его не придерживаться, не преподавать или защищать устно или письменно». При такой постановке вопроса легко было доказать наличие злой воли в акте публикации «Диалога» в 1632 году.

Акт 26 февраля необходим был Урбану VIII для того, чтобы осуждением Галилея ответить на провокацию испано-немецкой партии и тем самым доказать свою непричастность к пропаганде ереси.

Урбану VIII было необходимо осуждение Галилея. Но он и в особенности его статс-секретарь Франческо Барберини знали о французских симпатиях Галилея, были лично благожелательно расположены к нему и не сомневались в непричастности его к политическим интригам испано-немецкой партии. В соответствии с этим

² Тексты актов см. З. А. Цейтлин «Галилей».

Дом в Арчтри, около Флоренции, где умер Галилей.

процесс был поставлен так, чтобы осуждение не было особенно суровым¹.

Чтобы отклонить обвинение в наличии злой воли, Галилей предъявил удостоверение, выданное ему кардиналом Беллармином. Этот факт характеризуется в тексте приговора следующим образом: «Все это говорится тобой не для извинения в своем заблуждении, но с целью приписать его суетному тщеславию, а не злой воле».

Ввиду отрицания Галилеем наличия злой воли суд перешел к стадии «строгого испытания» («*rigorosum examen*»), т. е. к угрозам пыткой (или самой пытке). Вопрос о том, был ли подвергнут Галилей пытке, до сих пор служит предметом страстной полемики. Одно то, что в тексте приговора говорится о «строгом испытании», еще не означает, что Галилей действительно был подвергнут пытке. Де-

¹ Еще в 1620 г. будущий папа Урбан VIII (тогда кардинал Барберини) сочинил латинскую оду в честь астрономических открытий Галилея. Многочисленные доказательства дружеского расположения Урбана VIII к Галилею см., например, у Рувша (глава XIV) или у Вольвилля (т. II).

ло в том, что «строгое испытание», согласно правилам инквизиционного процесса, являлось вообще необходимой формальной стадией судебного производства, так как, по этим правилам, свидетельские показания обычно совсем исключаются и даже прямое признание подсудимого не считается достаточным. Лишь «добровольное» признание при угрозе пыткой или под пыткой рассматривается как имеющее силу доказательство.

Пункт допроса при «строгом испытании» касается второй, по предположению подложной, части акта от 26 февраля, в котором Галилею предписывается «совсем оставить и отказаться» от коперниковой доктрины, т. е. тем самым подчеркивается, что Галилей — приверженец этой доктрины. Галилей же представил удостоверение Беллармина, доказывая, что он не был лично привлечен к суду как приверженец доктрины Коперника. Если бы Галилей в процессе 1633 г. сознался, что он был приверженцем коперниковой доктрины, суд вынужден был бы признать его «неисправимым еретиком» и, по закону, приговорить «к казни без пролития крови».

По терминологии инквизиции, Галилей отвечал католически, т. е. отверг пункты обвинения при строгом испытании.

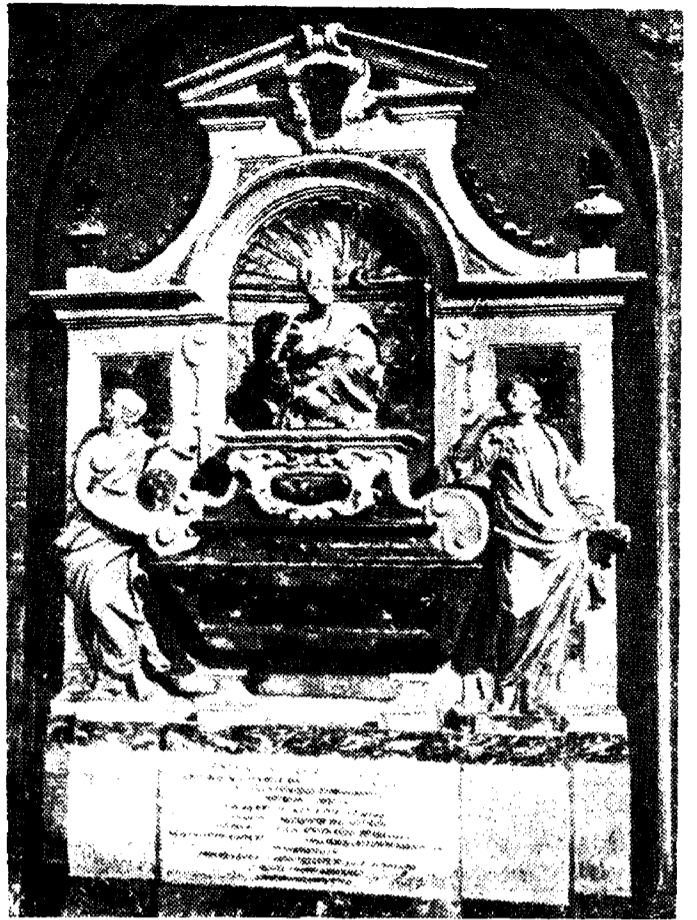
Составленный комиссаром инквизиции, патером Фиренцуола, текст отречения гласил:

«Но так как от сего святого судилища мне давно уже было дано предписание, чтобы я дезертировал (совсем оставил и бежал) от ложного мнения, согласно которому Солнце — центр мира и неподвижно, Земля же — не центр мира и движется, не придерживался, не защищал и не преподавал в какой бы то ни было форме, устно или письменно, этой ложной доктрины, я же, после того как мне было указано, что это учение противоречит святому писанию, сочинил и напечатал книгу, в которой обосновываю осужденную доктрину, привожу в ее пользу многие сильные доводы, не приводя какого-либо заключительного разрешения вопроса, вследствие этого я признан под сильным подозрением в ереси, то есть, что придерживаюсь и верю, будто Солнце — центр мира и неподвижно, Земля же — не есть центр и движется»¹.

Для обеспечения приговора над Галилеем Урбан VIII образовал судебную коллегия из десяти кардиналов. Грегоровиус² подчеркивает тот факт, что в числе судей не было ни одного испанца, за исключением ненавистного Урбану кардинала Гаспара Борджиа, поставленного в списке на первом месте как кардинала-епископа. Между тем приговор подписан лишь семью кардиналами, отсутствуют три подписи, в том числе — старейшины суда Борджиа и папского статс-секретаря Франческо Барберини. Впервые на указанное обстоятельство обратил внимание историк математики М. Кантор. Отсутствие подписи Борджиа весьма понятно: Урбан VIII хотел за-

¹ Мы пользуемся латинским текстом приговора и отречения, посланным инквизицией в Болонью и опубликованным Ричиоли в «Новом Альмагесте» (1655 г.). Вольвилль доказывает, что подлинники были на итальянском языке, что действительно соответствует правилам инквизиции. Можно предполагать, что тексты составлялись одновременно на двух языках. Латинский текст юридически более правилен.

² Грегоровиус. Цит. соч., стр. 90.

Гробница Галилея в церкви св. Креста во Флоренции.

ставить лидера испано-немецкой оппозиции собственноручно засвидетельствовать, что он, Урбан VIII, невиновен в опубликовании «Диалога» и в поддержке еретической пропаганды. Борджиа, разумеется, от этого уклонился, тем самым намекая на то, что главная опора еретиков — это сам папа и что в опубликовании «Диалога» виновны сам Урбан VIII и его цензура.

* * *

Подводя итоги, мы можем резюмировать изложенное следующим образом: осуждение Галилея не было простым и непосредственным результатом столкновения религиозной и научной идеологий, а следствием гораздо более сложного взаимодействия социально-экономических и политических сил.

Урбан VIII и возглавляемая им французская партия в известной мере отражали прогрессивные тенденции буржуазии. Вот почему, в конечном счете, осуждение Галилея при посредстве французской партии, под давлением провокационных действий более реакционной испано-немецкой оппозиции против Урбана VIII, является лишь сложным выражением борьбы нарождавшегося буржуазно-капиталистического общества с феодальным строем.

И. Бас

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ БАБУШКИН

1

Глубокой ночью по безлюдной петербургской окраине шел молодой рабочий, лет двадцати. Глаза его закрыты. Он спит на ходу. Ему снится, что он плывет по Неве и вдруг уткнулся носом в берег... Но удар слишком силен, во сне так не бывает, и, проснувшись, он убеждается, что ударился носом не о берег, а о фонарный столб на тротуаре. Возвращенный столь неприятно к действительности, он продолжает путь дальше. Но скоро усталость снова заставляет его клевать носом.

Молодой парень—слесарь с известного Семянниковского завода в Петербурге Иван Васильевич Бабушкин.

Он возвращался домой с завода после 60-часовой работы, прерывавшейся лишь на минуты, необходимые для еды.

Дома он падает пластом на постель и засыпает как убитый. Измученный организм не успел еще восстановить силы, стряхнуть давящую усталость, как заводской гудок на рассвете снова поднимает его и гонит к станку. Так проходит неделя с изнурительным 12-часовым рабочим днем и убийственными почти ежедневными сверхурочными. Если один день работали сверхурочно ночь, то есть с 7 часов утра до 2½ часов ночи, то на другой день уже приходится работать «только» полночи, то есть с 7 часов утра до 10½ часов вечера.

Воскресенье целиком уходило на отсыпание, если... не было сверхуроч-

ной воскресной работы. Впрочем, заводский слесарь Бабушкин считал еще, что он в хорошем положении, ибо рядом фабричные работали с 5 часов утра до 8 вечера, а оплачивались гораздо хуже заводских.

Происходило это почти сорок лет назад.

Немало способных, талантливых людей мяла, душила и затаптывала такая жизнь. Но Иван Васильевич был человеком не только высокоталантливым, но и сильной воли. Он тоже сначала жил, ни на чем не останавливаясь мыслью, не испытывая других желаний, кроме желания отоспаться. Но ему требовался только толчок, чтобы разбудить дремавшие в нем силы, заставить проснуться его сознание, двинуть его на борьбу с ненавистным эксплуататорским строем.

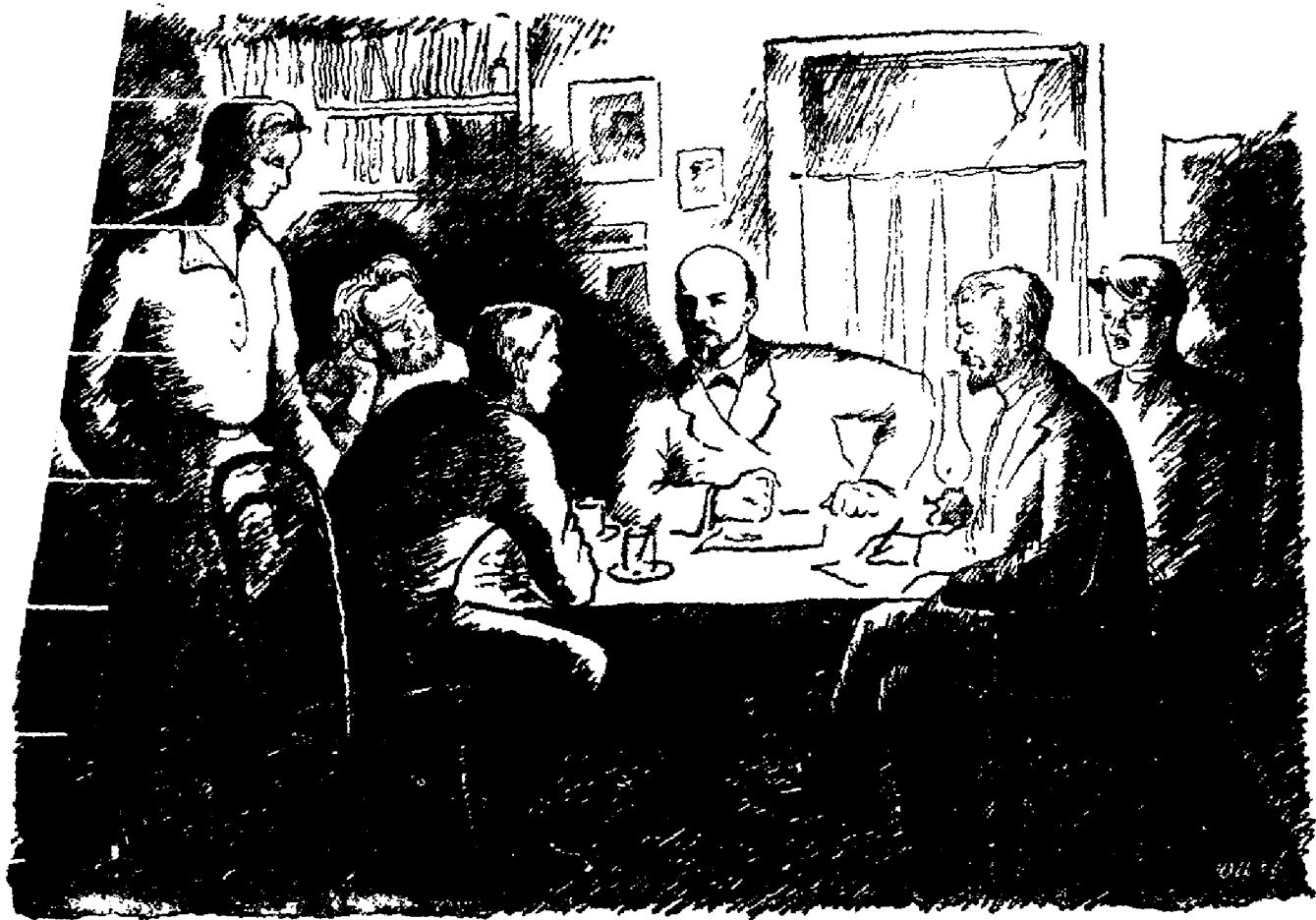
Среди окружавших его неграмотных, забитых рабочих встречались люди, проникнутые страстной инстинктивной ненавистью к капиталистам и всяческим паразитам.

Восемнадцать лет Бабушкин познакомился с одним таким рабочим. То был человек без ясного социалистического сознания. Он мечтал вернуться в деревню и отравить скот у попа и деревенского кулака. Он не мог указать Бабушкину правильного пути, так как и сам не знал его, но изрядную долю своей ненависти к притеснителям он передал молодому слесарю.

Это еще не проясняло сознания, еще не формировало правильного революционного мировоззрения, когда человеку становится ясным смысл его жизни, когда он сознательно выбирает свой жизненный путь и упорно стремится по нему вперед к своей цели, не страшась препятствий и не отступая перед ними. Но мысль его уже начала лихорадочно работать.

Окончательно уяснить свое отношение к волновавшим вопросам помогла Бабушкину прокламация, которую дал ему прочесть товарищ по работе Илья Костин. Впоследствии Бабушкин вспоминал:

«Всему, что было написано в листке, я сразу поверил, и тем сильнее это действовало на меня... Я молча

Ленин на рабочем подпольном кружке.

Рис. Ю. Цитевского.

передал листок... сразу уразумел цель моего приглашения и решил, что нужно жертвовать для этого дела всем, вплоть до своей жизни.

С этой минуты началась дружба двадцатилетнего Бабушкина с революционерами, напряженная учеба и партийная работа.

Трудно было при тогдашнем изнурительном заводском труде урывать еще время для ученья. Да и учиться-то надо было украдкой. Ведь рабочий, который не пьет и не дебоширит, а читает книги, занимается, вызывал подозрение. Попрежнему усталый возвращался Бабушкин домой, но теперь он не бросался в постель, а зажигал лампу и садился к столу за книги.

Начались долгие беседы с другом Костиным, совместное чтение, занятия в рабочих кружках. Молодые революционеры, проникшись новым сознанием, едва определившись сами, горели страстным желанием распространять свои убеждения, вербовать все большее количество приверженцев среди рабочих. Часто еще неумело, не соблюдая простейших правил конспирации, вели они свою револю-

ционную работу. Много наивного и неопытного было в этих первых шагах. Однажды (в 1894 г.) в воскресной «вечерней школе, которую стал посещать Бабушкин, на уроке русского языка его вызвали к доске и попросили написать какую-нибудь фразу. Он написал: «На нашем заводе скоро будет стачка».

Учительница, известная впоследствии большевичка, Лидия Михайловна Книпович, отозвав Бабушкина после урока в сторонку, жестоко его пожурила за такое нарушение элементарных правил конспирации, объяснив, что тот, кто хочет быть революционером, не должен рисоваться. Бабушкин был смущен, но этот урок его многому научил.

Бабушкин-революционер сформировался в годы, когда началось в стране массовое рабочее движение (Ленин относил начало этого движения к 1895 — 1896 годам).

Бабушкину посчастливилось попасть в рабочий кружок, которым руководил сам Владимир Ильич. Это было осенью 1894 г., в период, когда уже развивалась деятельность передовых рабочих и социал-демократической

интеллигенции. Наряду с другими возник рабочий кружок и за Невской заставой. Кружок занимался в комнате Бабушкина.

Бабушкин впоследствии с большой теплотой и любовью вспоминал этот кружок и его руководителя Ленина: «Кружок составил из 6 человек и 7-го, лектора, и начались занятия по политической экономии, по Марксу. Лектор излагал нам эту науку словесно, без всякой тетради, часто стараясь вызывать у нас или возражения или желание завязать спор, и тогда подзадоривал, заставляя одного доказывать другому справедливость своей точки зрения на данный вопрос. Таким образом, наши лекции носили характер очень живой, интересный, с претензией к навыку стать ораторами; этот способ занятий служил лучшим средством уяснения данного вопроса слушателями. Мы все бывали очень довольны этими лекциями и постоянно восхищались умом нашего лектора, продолжая острить между собой, что от слишком большого ума у него волосы вон лезут. Но эти лекции в то же время приучили нас к самостоятельной работе, к добыванию материалов. Мы получали от лектора листки с разработанными вопросами, которые требовали от нас внимательного знакомства и наблюдения заводской, фабричной жизни»¹.

И в дальнейшем Бабушкин всегда учился у Ленина, всю свою жизнь боролся под его руководством. Иван Васильевич быстро вырос и превратился в профессионального революционера, воспитав в себе качества, которые Ленин выразил в замечательных, лаконичных словах: «Все, знавшие его, любили и уважали его за его энергию, отсутствие фразы, глубокую выдержанную революционность и горячую преданность делу»².

2

С организацией петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Бабушкин вступает в члены «Союза» и становится одним из наи-

¹ И. В. Бабушкин «Воспоминания», стр. 51, изд. «Прибой». 1925.

² Ленин. Т. XIV, стр. 396.

более деятельных и видных членов его.

В декабре 1895 г. был арестован главный организатор «Союза борьбы» В. И. Ленин. Арест Ленина произвел на Бабушкина сильное впечатление, и под влиянием этого события он пишет листовку «Что такое социалист и политический преступник».

Некоторым интеллигентам из «Союза борьбы» листовка показалась слишком смелой, непригодной для рабочих. «Разве можно печатать этот листок: он ведь написан на чисто политическую тему». Многие еще считали доступным для рабочих только то, что обращалось к их непосредственным, экономическим интересам. Но, сам рабочий, Бабушкин видел и правильно оценивал рост рабочего сознания. Листок был отпечатан и имел большой успех.

Этот листок был первым социалистическим произведением рабочего-автора, обращенным к рабочей массе. Он был написан замечательно ярко и талантливо, и мы считаем необходимым привести его здесь:

«Б р а т ь я т о в а р и щ и, как тяжело видеть, что мы так низко стоим в своем развитии. Большинство из нас даже не имеет понятия о том, что такое «социализм». Людей, которых называют «социалистами» и «политическими преступниками», мы готовы предать поруганию, осмеять и даже уничтожить, потому что считаем их своими врагами. Правда ли, товарищи, что эти люди — наши враги? Присмотримся к ним поближе, и мы, наверное, увидим, что они вовсе не так страшны, как это нам кажется. Эти люди, которых мы поносим и предаем в руки наших врагов за какую-то ожидаемую и не получаемую от них благодарность, отдают свою жизнь для нашей же пользы. Вы сами, товарищи, знаете, что нас грабит хозяин ф а б р и к а н т или з а в о д ч и к, сторону которого держит прав и т е л ь с т в о. Социалисты — это те люди, которые стремятся к освобождению угнетенного рабочего народа из-под ярма капиталистов-хозяев. Называют же их политическими, или государственными, преступниками потому, что они идут против целей нашего варварского правительства, ко-

торое защищает интересы фабрикантов и заводчиков и желает удержать бедняка рабочего в своих руках, чтобы спокойно отымать от него на роскошь и животные прихоти чиновников последние кровные гроши. Подумайте, товарищи, хорошенько, и вы поймете, как печально, что люди по своему незнанию готовы предать своих защитников в руки врагов. Не будем же, братья товарищи, поддаваться обманым речам тех, кто нас держит во тьме невежества, будем стараться выяснить себе истину, чтобы идти к освобождению от теперешнего рабского состояния.

Силы наши велики, ничто не устоит перед нами, если мы будем идти рука об руку все вместе.

Ваш товарищ рабочий»¹.

После ареста Ленина и других членов «Союза борьбы» Бабушкину приходится взять на себя самостоятельную руководящую работу. «...Теперь приходилось всюду проявлять самостоятельность, — рассказывает он, — приходилось разрешать самому всякого рода вопросы, возникающие в кружках, на фабриках и заводах, и в школе. Иногда и чувствуешь, что ты не очень компетентен, но говоришь, советуешь, раз'ясняешь только потому, что лучшие руководители уже высланы и раз пала обязанность быть передовым, то отговариваться было невозможно»².

С этого времени началась для Бабушкина жизнь профессионального революционера, с арестами, тюрьмами и ссылками и неизменной, упорной подпольной работой в перерывах между ними.

Первый арест не заставил себя долго ждать: он произошел через три недели после ареста Ленина. Тринадцать с лишком месяцев просидел Бабушкин в одиночном заключении, а затем был выслан в Екатеринослав. Здесь он быстро связывается с рабочими-революционерами, уже объединенными в екатеринославский «Союз борьбы за освобождение рабочего

класса», и придает этому «Союзу», работавшему еще методами узкой кружковщины, новое, правильное направление, помогает ему стать на путь широкой массовой пропаганды и агитации. Бабушкин пишет и распространяет листовки, пользуясь сначала гектографом, а затем и оборудованной им подпольной типографией. Первомайская прокламация в 1899 г. была отпечатана в 3000 экземплярах.

Полную опасностей и превратностей жизнь подпольщика Бабушкин ведет в Екатеринославе до начала 1900 г., когда усиленная жандармская слежка заставляет его скрыться из города.

Возвращаясь в 1900 г. из ссылки, Ленин встречается с Бабушкиным и обсуждает с ним план издания «Искры». Владимир Ильич отмечает горячую поддержку, которую этот план встретил со стороны Бабушкина: «Идея создания за границей политической газеты, которая послужила бы делу объединения и укрепления с.-д. партии, обсуждалась вместе с ним его старыми товарищами по петербургской работе—основателями «Искры», и встретила с его стороны самую горячую поддержку»³.

3

Начался «искровский» период. Бабушкин об'езжает по поручению Ленина крупнейшие текстильные районы (Орехово-Зуево, Иваново-Вознесенск). В 1901 г. он снова попадает в тюрьму и переводится по месту прежних «преступлений», на юг. Оттуда с помощью товарищей с воли ему удается летом 1902 г. бежать.

Иван Васильевич приезжает к Ленину в Лондон, но вскоре возвращается в Россию в качестве петербургского агента «Искры».

Каждый отдельный этап его революционной работы: в текстильных районах, в Екатеринославе, в Петербурге — мог бы быть развернут в отдельную большую главу, так он насыщен энергичной революционной деятельностью. В текстильных районах ему удается создать сеть партийных организаций, наладить их работу, связать их с «Искрой», с которой он сам все время поддерживает тесную

¹ См. «Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 20—21. Партиздат. 1934.

² И. В. Бабушкин «Воспоминания», стр. 74.

³ Ленин. Т. XIV, стр. 396.

связь. Отовсюду он посылает в «Искру» свои корреспонденции и корреспонденции местных рабочих. Ленин чрезвычайно высоко оценивал эту сторону деятельности Бабушкина: «Пока Иван Васильевич остается на воле, «Искра» не терпит недостатка в чисто-рабочих корреспонденциях. Посмотрите первые 20 номеров «Искры», все эти корреспонденции из Шуи, Иваново-Вознесенска, Орехово-Зуева и др. мест центра России: почти все они проходили через руки Ивана Васильевича, старавшегося установить самую тесную связь между «Искрой» и рабочими. Иван Васильевич был самым усердным корреспондентом «Искры» и горячим ее сторонником»¹.

Надежда Константиновна Крупская справедливо назвала Бабушкина первым русским рабкором.

Бабушкин обладал незаурядным литературным талантом: он хорошо владел пером и любил обращаться к нему как к сильному оружию в революционной борьбе.

Достаточно ознакомиться с одной—двумя его корреспонденциями в «Искру», чтобы убедиться, как ярко и сильно умел он изобразить действительность, как убедительно излагал свои положения, мысли и доводы, как беспощадно и метко бичевал противников. Вот, например, его корреспонденция из Шуи:

«У нас в городе недавно были обыски и аресты. Арестовывают ночью, и теперь есть у жандармского ротмистра целое дело. Конечно, в других городах арестовывают потому, что находят подпольные книжки и газеты, а у нас арестуют потому, что на-

ходят цензурные книги, хотя бы одну или две. И вот на допросе, чинимом жандармским ротмистром, он вопрошает:

— Это у тебя зачем?

— Читать купил.

— А почему купил именно эту, а не житие?

Или:

— Почему читаешь, а не спишь?

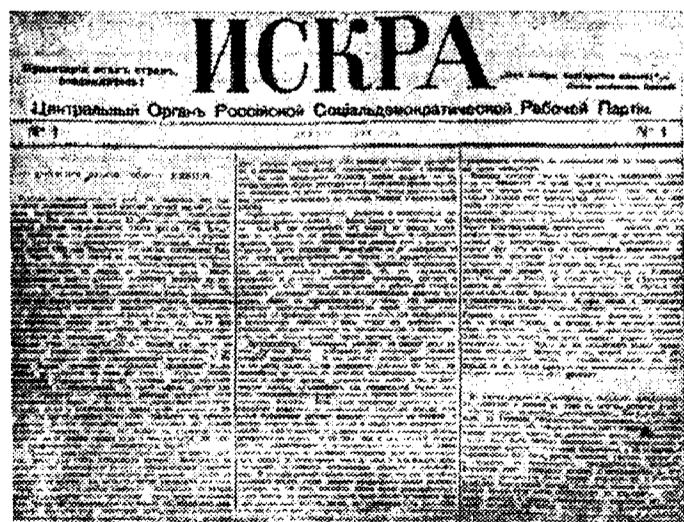
Или: не ведешь такой бесстыдный образ жизни, как он, шуйский ротмистр. Он, ротмистр, с фабрикантом Павловым напиваются до положения грязной свиньи и потом в таком виде целуются публично и изливают свои взаимные чувства на глазах удивленной публики. Павлов же для таких случаев приказывает которой-нибудь свахе (таких он имеет несколько на своей фабрике) приготовить такую-то девушку, и это выполняется, точно речь шла о том, как зажарить цыпленка. И это делают представители русского капитала и представители жандармской власти. И потому-то они стараются удержать в темноте массу, потому нельзя рабочему пройти по городу с книгой подмышкой, чтобы такую не вырвал полицейский и не посмотрел: «Это что за книга?» Это особенно бывает часто около читальни...»

Корреспонденция эта была опубликована в № 6 «Искры» в июле 1901 года.

Писал Бабушкин в «Искру» и по вопросам партийной работы, показывая уже тогда образцы подлинной партийной самокритики. Такова корреспонденция о неудачных прокламациях:

«Хотя услуга нам при нужде дорога, но за нее не всяк умеет взяться...».

Именно такого рода услугу оказала рабочим Иваново-Вознесенска для первого мая в прошлом году С.-Петербургская организация, а в нынешнем году в этом же направлении трудились, очевидно, другие доброжелатели. К стыду первых должны признать, что они были скромнее нынешних доброжелателей, но все же мы не думали сообщать о том, что было в прошлом году, если бы и в этом году не было такого же печального поползновения.

Первый номер «Искры», 1900 год.

¹ Ленин. Т. XIV, стр. 396 — 397.

В прошлом году доставили в Иваново-Вознесенск достаточное количество майских листков из Петербурга. Доставили, но не дали совета, как наилучше распространить эти листки. И вот местные рабочие, не работавшие раньше с листками, разделили на несколько человек эти листки и, придя к фабрике, стали раздавать выходящим рабочим упомянутые листки. (Способ очень хорош в будущем, и, может, им очень воспользуются, но там, где только начинают такую деятельность, это невозможно по очень многим соображениям). Конечно, раздать им удалось достаточное количество, но в конце концов их всех забрали и отправили к жандармам. Дальше—процесс, и почти все арестованные выдавали, а некоторые наговорили больше, чем знали сами. Это было бы полбеда, если бы листки стоили, чтобы их распространить. Но тут-то и есть главная беда. Оказалось, что распространенные листки вызывали негодование рабочих против тех же листков. И это очень понятно: в Иваново-Вознесенске работают девять часов чуть ли не на всех фабриках (хотя и не все рабочие), а им предлагают требовать девятичасового рабочего дня. Эх, господа составители, писатели и доброжелатели, этак можно очень много натворить пакостей рабочим!

В нынешнем году был доставлен также листок в готовом виде и в большом количестве, и это, может быть, будет повторяться еще и еще и не только в Иваново-Вознесенске, а и в других местах, и вот почему я, рабочий, протестую против такой скверной, извините за выражение, постановки дела, против таких отживших и предосудительных приемов!

Раньше чем напечатать и доставить листок, его нужно доставить для обсуждения местной рабочей организации, какая бы она ни была, и если она его одобрит, то она, наверное, его и распространит, и тогда не повторится такое печальное явление, как с листком в Иваново-Вознесенске, который доставлен был для распространения, а не доставлен был для обсуждения. Благодаря этому его как будто доставили для того, чтобы уничтожить не только как не удовлетворяющий,

но и как вредный листок. И в самом деле, выставить требование девятичасового рабочего дня, когда здесь работают столько же часов, разве этим возможно заинтересовать рабочих?! Опять же, требовать суда присяжных над стачечниками! Разве это не есть смешная ирония? Это значит, что мы будем признавать справедливым преследование стачек. Для нас нужен не суд присяжных над стачечниками, а полная свобода стачек, даже больше, — покровительство стачечникам. Очень жаль, что уничтожены все упомянутые листки. Мы не преминули бы познакомить с полным подлинником».

В 1903 г., когда Бабушкин работал в качестве агента «Искры» в Петербурге, Ленин своими письмами поддерживал его, подчеркивая огромное значение его работы.

К этому времени (со второй половины 1902 г.) в Петербурге произошел раскол между социал-демократами—сторонниками «Искры» — и сторонниками старого, по определению «Искры», «более или менее близкого к экономизму направления» (последние получили прозвище «вышибаловцев»). Бабушкин немедленно повел энергичную кампанию против «вышибаловцев».

Ленин в письме к Бабушкину в связи с этим писал:

«Приветствуем энергичное поведение Новицкой (конспиративная кличка Бабушкина в Петербурге. — И. Б.) и еще раз просим продолжать в том же боевом духе, не допуская ни малейших колебаний. Война вышибаловцам и к черту всех примирителей, людей «с неуловимыми взглядами» и мямлей!! Лучше маленькая рыбка, чем большой таракан. Лучше 2 — 3 энергичных и вполне преданных человека, чем десяток рохлей»¹.

В те же дни Ленин писал Е. Д. Стасовой в Петербург:

«Очень советовали бы взамен бывшего члена О. К. от Питера (то есть взамен арестованного В. И. Краснухи. — И. Б.) выбрать Богдана (конспиративная кличка Бабушкина. — И. Б.): он этого вполне заслуживает. Да и вообще, видимо, без профессио-

¹ Ленинский сборник VIII, стр. 317.

Иван Васильевич Бабушкин.

нальных революционеров дело никогда не двинется ни на вершок вперед»¹.

И в другом письме к ней же: «...пока есть у Вас Богдан, нельзя и на безлюдье жаловаться...»²

Н. К. Крупская 17 января писала Ленгнику в Киев: «Отчего не отвечаете ничего насчет паспортов, послан ли дубликат Богдану, на нем там теперь все держится, и если он погибнет из-за документа, — прямо позор»³.

Письма эти показывают, какое огромное значение придавал Ленин работе Ивана Васильевича Бабушкина, направленной на подготовку и организацию II съезда партии. Об этом съезде Бабушкин много беседовал с Лениным, когда приезжал в Лондон, в редакцию «Искры». «Много переговорено было там, много вопросов обсуждено совместно. Но Ивану Васильевичу не привелось быть на втором съезде партии... тюрьма и ссылка выбили его надолго из строя»⁴.

Революция 1905 г. застала Бабушкина в далекой Сибири. Когда до него дошла весть о событиях, он двинулся было в Россию, но так как и в Сибири

очень не доставало профессионалов-революционеров, он окунулся с головой в работу иркутской партийной организации.

Здесь, на боевом посту, и погиб Иван Васильевич Бабушкин тридцать лет назад, в январе 1906 г.: он вез с пятью товарищами большой транспорт оружия, поезд настигла карательная экспедиция Ренненкампа, и все шестеро без суда были расстреляны на месте.

Он умер молодым, 33 лет от роду.

И только четыре года спустя товарищи по партии, близкие и родные узнали о его смерти.

4

Бабушкин был подлинно народным революционным героем.

«...Такие народные герои есть. Это — люди, подобные Бабушкину... Все, что отвоевано было у царского самодержавия, отвоевано и с к л ю ч и т е л ь н о борьбой масс, руководимых такими людьми, как Бабушкин»⁵.

Это был новый герой, воспитанный партией нового типа, настоящий большевистский руководитель масс. Именно в этом его отличительная черта, заслуга и значение его революционной деятельности.

Ленин противопоставляет образ подлинного народного героя, каким был Бабушкин, лживому представлению о герое, которое пыталась создать романтика народничества.

«Это — люди (подобные Бабушкину. — И. Б.), которые не растратили себя на бесполезные террористические предприятия одиночек, а действовали упорно, неуклонно среди пролетарских масс, помогая развитию их сознания, их организации, их революционной самодеятельности»⁶.

И только люди, делавшие свое революционное дело среди масс, вместе с массами, смогли, как указывает Ленин, в нужный момент встать «...во главе вооруженной массовой борьбы против царского самодержавия, когда кризис наступил, когда революция разразилась, когда миллионы и миллионы пришли в движение»⁷.

Легко понять, как это большевист-

¹ Ленинский сборник VIII, стр. 315.

² Там же, стр. 319.

³ Там же, стр. 321.

⁴ Ленин. Т. XIV, стр. 398.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

ское представление о подлинном героизме противоположно народнической теории активных «героев» и пассивной «толпы», ждущей от героев подвига.

Народническая теория и практика исключают всякую возможность активизации масс, возможность создания массовой партии и массового революционного движения.

Большевики всегда боролись против народнической теории, из которой исходили политика и практика индивидуального террора. Ленин спрашивал, что умного и крупного в том, чтобы «...отдать жизнь революционера за месть негодяю Сипягину и замещение его негодяем Плеве»¹.

Только работа, подобная той, какую вел Бабушкин, часто незаметная, повседневная революционная работа среди масс, поднимающая массы, рождает настоящий героизм, ибо она не только закаляет самого борца: она «...действительно будит во всех дух борьбы и отваги»².

Рабочие прекрасно разбираются в подлинной сути народнической романтики, беспощадно высмеивают и отвергаются от нее. Когда Бабушкин только вступал в революционное движение, народовольцы еще вели свою работу. Но среди рабочих они не пользовались успехом. Бабушкин вспоминает: «Еще больше не нравилось нам, что один из народовольцев, работавший в одной с нами мастерской, постоянно в разговорах рисовал план убийства царя, но все это были только мечты и планы, а живой деятельности мы от наших народовольцев не замечали, и такого рода разговоры стали нам надоедать. Оно и понятно: если он действительно ярый сторонник убийства царя или кого-либо ему подобных, он должен быть заговорщиком и строгим конспиратором, если только ценит свой план и желает привести его в исполнение. Следовательно, он должен молчать о своей работе, и только если удастся план покушения, его будут чтить как героя,

но большого влияния на массы его идеи не окажут, так как их и знать не могут. Большинство чтущих и то не будет их сторонниками. Но такого человека я не знал, а те, которых я знал, были просто любители поговорить о разных покушениях и ничего больше, и даже не старались как будто пропагандировать свои идеи»³.

Ничего общего с этими «героями» фразы, «героями» народнической романтики не имел профессиональный революционер, ученик и соратник Ленина — Иван Васильевич Бабушкин. Ленин говорил, что на примере Бабушкина молодые рабочие будут учиться, «...как надо жить и действовать всякому сознательному рабочему»⁴.

Недавно Л. М. Каганович на Первом всесоюзном совещании стахановцев, выясняя те линии исторического развития, те традиции, из которых выросли новые люди социалистической действительности — стахановцы, указал глубоко и метко: «То, что мы видим и слышим на нашем совещании стахановцев, на совещании лучших людей Советской страны, является результатом долголетней упорной и напряженной революционной борьбы нашей большевистской партии Ленина — Сталина.

Годы и годы большевистская партия неустанно спланировала рабочие и трудящиеся массы в подполье, а затем в условиях нашей советской свободы»⁵.

Среди тех, кто неустанно спланировал рабочие массы в подполье, кто в долголетней упорной и напряженной борьбе ковал большевистские традиции, кто создавал тип пролетарского революционного бойца, был и Иван Васильевич Бабушкин. Его героическая жизнь и деятельность подготовляли те результаты, которые так ярко выразились в великом стахановском движении рабочих и работниц социалистической родины.

³ И. В. Бабушкин «Воспоминания», стр. 43—44.

⁴ Ленин. Т. XIV, стр. 399.

⁵ Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц — стахановцев. Стенографический отчет, стр. 185.

¹ Ленин. Т. V, стр. 150 (Сипягин и Плеве были царскими министрами. — И. Б.).

² Там же.

БИБЛИОГРАФИЯ

С. Лившиц

Б. МИНЛОС «Аграрный вопрос в Испании». Под редакцией и со вступительной статьей И. Степанова. Москва. Международный аграрный институт. 1934. 251 стр. 4 р. 50 к.

1

Аграрный вопрос является одной из важнейших проблем испанской революции, начавшейся в 1931 году.

Книга тов. Минлоса — первая серьезная, марксистская работа, посвященная этой проблеме. Это серьезный труд, основанный на первоисточниках и являющийся результатом нескольких лет систематической работы. Автор проработал целый ряд монографических изданий, справочников, внимательно следил в течение ряда лет за испанскими журналами и газетами всех политических направлений. В предисловии к книге тов. Степанов дает работе тов. Минлоса такую оценку:

«Конечно, аграрный вопрос в Испании — тема большая и сложная, и всесторонне ее исследовать, изучить и осветить потребует еще много работы. Такая задача не под силу одному. Заслуга тов. Минлоса в том, что он сделал первую попытку. И сделал ее весьма удачно. Автор сумел несмотря на неизбежные недостатки и пробелы дать нам в сжатом виде главную суть и характерные черты своеобразия «аграрного вопроса в Испании» не в абстрактном и оторванном виде, а документально и актуализированно, в свете и в живой обстановке развертывающихся за последние годы событий».

Присоединяемся к этой оценке.

В первой главе автор дает общую характеристику испанского сельского хозяйства. Он отмечает, что «Испания была и остается до сих пор одним из наиболее слабых звеньев империалистической цепи, в первую очередь в силу своей отсталости... до свержения монархии из всех стран Европы наиболее отсталой в социальном и политическом отношениях была Испания, если не считать разве Албанию и Португалию».

В Испании, более чем в какой-либо другой стране Европы, сохранились пережитки феодализма во всех областях — экономической, социальной, политической; задачи буржуазно-демократической революции здесь оставались в основном не разрешенными. И после трех лет «республики» в Испании приходится конста-

тировать сохранение значительных пережитков феодализма, особенно в области аграрных отношений» (стр. 3).

Испания является преимущественно аграрной страной. 56% самодеятельного населения приходится на сельское хозяйство. Национальное богатство и национальный доход Испании дают ту же картину. Две трети экспорта составляют продукты сельского хозяйства.

В распределении земли господствует крайняя поляризация. Так, крупные помещики составляют 0,7 всех владельцев земли и владеют 49,34% площади (особенно в Андалузии и Эстрамадуре). Существуют крупные латифундии. В то же время в Испании — от 1,6—2 млн. бедноты и 2—2,5 млн. сельскохозяйственных рабочих. Скотоводство сильно сокращается (это признак обнищания крестьянства) и теперь находится на уровне XV—XVIII веков! «С.-х. машины в Испании — явление редкое и новое. И то преобладают легкие и простые машины без парового двигателя. Тракторы и комбайны встречаются только единицами... Применению с.-х. машин препятствует экстенсивный способ ведения хозяйства на латифундиях и чрезвычайная дешевизна рабочей силы, особенно в сельском хозяйстве, делающая применение с.-х. машин в испанских условиях мало рентабельным, а на севере — измелеченность и чересполосица (в Галисии еще встречаются допотопная африканская соха и даже ручная обработка)» (стр. 24).

Испанское сельское хозяйство находится в состоянии длительного застоя. Оно упирается в чрезвычайную узость внутреннего рынка.

Во второй главе тов. Минлос освещает пережитки феодализма в формах землепользования¹.

Крепостное право было устранено в Испании давно, еще в XIV—XV веках. И тем не менее «основные институты феодализма в области аграрных отношений, особенно в смысле распределения земли и форм землепользования, почти полностью сохранились не только до республиканского переворота 14 апреля 1931 г., но и после него» (стр. 27). Эти пережитки феодализма сказываются в распределении земли (латифундии) и в формах землепользования (прежде всего в формах аренды).

$\frac{2}{3}$ земли, обрабатываемой крестьянами, обременены повинностями в пользу по-

¹ Тов. Минлос озаглавил вторую главу «Пережитки феодализма в аграрных отношениях Испании». Это заглавие неточно, так как автор говорит в данной главе лишь о формах аренды. Ведь первая глава тоже в значительной своей части посвящена пережиткам феодализма, а именно латифундиям, которые и являются наиболее важным пережитком феодализма.

мещиков. На пережитках феодализма в области арендных отношений автор останавливается очень подробно. Три главных вида испанских арендных отношений: 1) «сенсо», 2) аренда (капиталистическая), 3) издольщина.

Средневековый институт «сенсо» с его тремя разновидностями отличается от аренды и издольщины тем, что при «сенсо» не держатель земли или арендатор персонально обременен повинностями, а самый земельный участок, кем бы он ни обрабатывался и кому бы он ни принадлежал¹. Форма «сенсо» была прежде бессрочной и невыкупаемой. За помещиками при «сенсо» сохраняется ряд феодальных прав и привилегий, которыми они злоупотребляют. Например, в 1925 г. кастильский помещик виконт де Эса выселил целую «сеньоральную деревню» с территории, ему принадлежавшей. «Выселенные крестьянские семьи просидели на своих наделах 700 лет. Виконт уплатил ничтожную сумму в 3000 песет, в то время как все оставленное крестьянами имущество оценивалось в 162 000 песет. В начале революции крестьяне обратились к Временному правительству с просьбой либо вернуть им их земли, либо заставить виконта заплатить им недостающую сумму. Конечно, просьба эта осталась без последствий» (стр. 33).

Тов. Минлос подробно останавливается на географическом распространении и разновидностях форм аренды в отдельных провинциях и областях.

В Галисии, а также в Астурии и Леоне самый распространенный вид арендных отношений—средневековое «форо». В Галисии целые города и деревни принадлежат отдельным помещикам. Аграрные отношения здесь осложняются феодальными условиями аренды и субаренды. Во многих деревнях Галисии фактически сохранилась церковная десятина.

В Баскских провинциях и Наварре условия аренды сравнительно мягче чем в других областях Испании. Большинство баскских крестьян—средняки, а процент кулаков здесь выше чем в остальной Испании.

В Каталонии особенно распространен вид аренды — «рабасса морта» («умершая лоза»), возникший еще в XII веке. Суть его сводится к тому, что помещик сдает землю в издольщину арендаторам-виноградарям (рабассейрам), а при отмирании лоз отбирает участок земли.

В Мурсии сохранились не только «сеньоральные деревни», но даже «сеньоральные города». Например площадь городка Вильярбледо (насчитывающего 22 тыс. жителей) со всеми возведенными на ней строениями принадлежит одному помещику.

На Канарских островах в ряде мест крестьяне и сельскохозяйственные рабо-

чие «обязаны испрашивать у помещика согласие на брак своих детей. При этом помещик, имеющий виды на крестьянскую девушку в качестве любовницы, обычно согласия не даст или фактически осуществляет средневековое «право первой ночи» (стр. 47).

В Старой Кастилии сохранились налоговые повинности крестьян в отношении государства, восходящие к средним векам. В одной деревне 13 крестьян вносят налог, имеющий натуральную форму. Происхождение налога таково: в 800(!) году вестготский король дал землю 13 крестьянам, для того чтобы они были местными стражниками против маврв, за это они обязались платить определенный налог местным властям. Прошло более 11 столетий, а потомки этих 13 крестьян платят налог до сих пор...

На почве феодальных пережитков в деревне полновластными владыками являются «касики» (помещичьи заправилы), от которых фактически зависит вся местная власть.

Неслыханно тяжелые условия аренды приводят к неизбежному разорению большинства мелких арендаторов.

В третьей главе работы тов. Минлоса затрагивается вопрос о внедрении капитализма в испанское сельское хозяйство. Автор описывает захват и разграбление общинных (муниципальных) земель, образование новых (уже капиталистических) латифундий, сохранившиеся пережитки феодализма в системе кредитования сельского хозяйства. Он подчеркивает переплетение интересов капиталистов и помещиков, показывает процесс превращения помещиков в капиталистов.

Сельскохозяйственная кооперация помогает только кулачеству. «Наоборот, батрачество, беднота и отчасти середнячество, как правило, эксплуатируются с.-х. кооперацией. С.-х. кооперация в Испании, как и кооперация вообще в капиталистических странах, успела уже превратиться в орудие финансового капитала, в способ его проникновения в сельское хозяйство—в новый, более утонченный прием эксплуатации крестьянства» (стр. 68).

Аграрный кризис в Испании, тесно связанный с начавшимся в 1929 г. мировым аграрным кризисом, тяжело отразился на испанском сельском хозяйстве. Снижился ввоз сельскохозяйственных машин, сократился вывоз сельскохозяйственных продуктов, упали цены. Затруднился, в частности, вывоз апельсинов.

Падение цен на сельскохозяйственные продукты отразилось очень тяжело и на бедном крестьянстве и на сельскохозяйственных рабочих, вызвало массовое разорение крестьянства и усиление их эксплуатации помещиками. Это тяжелое положение трудящихся деревни усугубляется сокращением эмиграции, так как во время мирового экономического кризиса все страны принимают меры к ограничению эмиграции.

Количество безработных сельскохозяй-

¹ Разумеется, так обстоит дело только юридически. Ведь в конечном счете именно арендатор-возделыватель персонально обременен повинностями.

ственных рабочих в Испании сильно увеличилось.

«Экономическая аграрная политика испанских господствующих классов, всевозможные «меры помощи» сельскому хозяйству защищают исключительно интересы помещиков и кулаков... Результат комбинированного применения обесценения валюты и протекционизма—высокие внутренние цены и низкие внешние цены» (стр. 95—96).

Главу четвертую (об аграрном кризисе) автор заканчивает выводом, что испанская республика («республика трудящихся всех классов»), которая не разрешила аграрного вопроса и не облегчила положения трудящихся, оказалась не в силах разрешить ни экономического, ни аграрного кризиса.

2

Глава пятая посвящена подробной характеристике разных партий и организаций в испанской деревне.

Существуют две основных помещичьи организации: 1) Испанская конфедерация правых автономных организаций (СЭДА), фашиствующее объединение преимущественно политических организаций и 2) Национальный земледельческий союз, объединяющий преимущественно экономические помещичьи организации. Наиболее активным ядром СЭДА является фашистско-клерикальная партия «Аксион популяр» («Народное действие»). Чтобы втянуть трудящихся деревни в свои организации, СЭДА пускает в ход самую разнузданную демагогию, а также грубое экономическое давление. Используются такие демагогические лозунги, как «Справедливое распределение земельной собственности», «Участие с.-х. рабочих в прибылях и управлении имениями» и т. д.

Автор освещает отношение республиканских буржуазно-помещичьих партий (прогрессисты, консерваторы, радикалы, радикал-социалисты) к аграрному вопросу, кратко останавливается на деятельности организаций мелких крестьян и арендаторов и уделяет большое внимание батрацким организациям. Среди батрацких организаций наиболее крупные объединения—в руках социалистов и анархо-синдикалистов, которые вели реформистскую политику и были против разрывания аграрной революции.

Единственной организацией, способной повести трудящихся деревни к победе рабоче-крестьянской революции, является компартия Испании.

Компартия систематически разоблачала буржуазно-помещичий республиканский режим и сущность проводимой правительством аграрной реформы. Она выставляла лозунг захвата земли, урожая, скота у помещиков, отказа от уплаты аренды и налогов, создания крестьянских комитетов борьбы, советов, рабоче-крестьянской милиции. Основной лозунг компартии—рабоче-крестьянское правительство, которое конфискует без выкупа все

земли помещиков, церкви, государства и передаст их бесплатно сельскохозяйственным рабочим и крестьянам.

Компартия вела агитационно-пропагандистскую работу в деревне, в ряде случаев руководила революционными выступлениями в деревне, стремилась возглавить всеобщую стачку сельскохозяйственных рабочих в июне 1934 г., вела борьбу за единый фронт в профдвижении сельскохозяйственных рабочих, боролась против реформистского и анархо-синдикалистского профсоюзного руководства, противодействовавшего профсоюзному единству, и т. д.

Автор приходит к выводу, что «практическое руководство революционным крестьянским движением отстает не только от самого размаха аграрного движения, но и от агитационно-пропагандистской работы компартии.

Организационная работа компартии ограничивается, в основном, городами: компартия больше руководит выступлениями солидарности городского пролетариата в отношении деревни, чем революционной борьбой самой деревни... Организационное влияние компартии в деревне еще слабо. Она не приобрела еще прочно опоры в деревне, не стала решающим организационным фактором» (стр. 123—125).

Заканчивается глава характеристикой состава правительств после республиканского переворота 1931 года (до сентября 1934 года). Первый состав республиканского правительства включал все партии «левых» и «правых» республиканцев. С конца 1931 г. до сентября 1933 г. правительство, которое возглавлял Асанья, состояло из одних «левых» республиканцев. Социалисты с апреля 1931 г. по сентябрь 1933 г. входили в правительство, играя в нем видную роль.

С осени 1933 г. начинается сдвиг в сторону реакции. На смену Асанья приходит «радикал» Лерус, социалистов вытесняют из правительства, которое оказывается в руках «правых» республиканцев, действующих в тесном контакте с аграриями и фашистами. Если выборы в кортесы (парламент) в июне 1931 г. дали большинство «левым» республиканцам и социалистам, то в ноябре 1933 г. они терпят на выборах поражение, увеличивают же количество своих мандатов «правые» республиканцы (радикалы) и торжествуют победу фашисты и монархисты.

Победа реакционеров объясняется мажоритарным принципом избирательного закона, избирательным террором, подкупом, подтасовкой выборных данных, сильным влиянием в деревне клерикально-фашистских организаций и т. п. После ноябрьских выборов правительство было составлено из «правых» республиканцев и аграриев. Фактически в этом правительстве тон задавали не вошедшие в него фашисты (СЭДА), без которых правительство не имело большинства в кортесах. Это правительство реакции стало

ликвидировать все мероприятия республи-
лики и расчищать путь для фашизма.

Большую заслугу тов. Минлоса составляет детальный анализ аграрной ре-
формы в Испании. Он посвящает этой
теме 3 главы (главы VI, VII и VIII). Гро-
матный размах крестьянского движения
заставил республиканское правительство
пойти на аграрную реформу, которую пу-
стили в ход как метод борьбы с аграрной
революцией. Автор подробно разбирает
пять проектов реформы и закон 15 сен-
тября 1932 г. об аграрной реформе:
«Суть всех пяти проектов сводится в ос-
новном к следующему: в четырнадцати
провинциях на определенных землях и
на весьма кабальных условиях создается
небольшое количество новых крестьян-
ских хозяйств» (стр. 133). Реформа рас-
пространяется только на 14 провинций
($\frac{1}{2}$ территории Испании). Помещичья зе-
мля отчуждается в незначительных раз-
мерах и с большим выкупом. Со-
храняется часть феодальных пережитков
в области аграрных отношений. Все тя-
желые условия аренды остаются в
неприкосновенности. «Земля отчужда-
ется не столько для землеустройства кре-
стьян, сколько для сдачи ее в аренду
большими участками, т. е. для создания
новой сельской буржуазии, или насажде-
ния в деревне крепкого слоя кулаче-
ства» (стр. 168). «Помещики по суще-
ству не только не теряют от аграрной
реформы, но определенно выигрывают от
нее» (стр. 147).

Какие же результаты дала аграрная ре-
форма? Тов. Минлос приходит к следую-
щим выводам:

«За два года осуществления реформы
аграрные отношения в Испании в основ-
ном не изменились, а то немногое, что
было сделано, отвечает интересам не тру-
дящихся деревни, а интересам помещиков
и буржуазии.

Нельзя же считать радикальным изме-
нением аграрных отношений в Испании
конфискацию 74 тыс. га земли бывших
грандов¹ (при наличии десятков милли-
онов га помещичьей земли), «окончатель-
ное» землеустройство 7 тыс. сельскохо-
зяйственных рабочих и мелких крестьян
и «временное» землеустройство 43 тыс.
(при наличии около 2,2 млн. безземель-
ных и малоземельных сельскохозяйствен-
ных рабочих), отмену кое-каких наибо-
лее вопиющих пережитков феодальных
повинностей и незначительное снижение
арендных ставок в Каталонии (к тому
же отстающее от снижения, фактически
завоеванного каталонскими арендаторами
и издольщиками путем революционной
борьбы).

Политическая цель аграрной реформы—
приостановка революционного аграрного
движения, предупреждение аграрной ре-
волюции—не только не достигнута, а
наоборот, положение в деревне в резуль-

¹ Большая часть этих земель снова
возвращается их бывшим владельцам —
грандам. — С. Л.

тате проведения реформы еще более ос-
ложнилось, революционное аграрное дви-
жение получило новый толчок» (стр.
206—207).

Ничтожные результаты аграрной ре-
формы бросаются в глаза. Тем не менее,
в 1934 г. правительство взяло курс на «ре-
форму аграрной реформы» с целью пере-
смotra ее в интересах помещиков. По за-
кону об амнистии, опубликованному 24
сентября 1934 г., у помещиков — участни-
ков монархических заговоров — не толь-
ко прекращается безвозмездное отчужде-
ние их земель, но даже возвращаются им
земли, уже отчужденные.

Глава девятая посвящена положению
сельскохозяйственного пролетариата и
трудящегося крестьянства: «Андалузские
сельскохозяйственные рабочие месяцами
питаются черным хлебом и горьким олив-
ковым маслом. «Праздником» для сель-
скохозяйственных рабочих является па-
деж скота у помещика, но павший скот
дают сельскохозяйственным рабочим,
только если мясо уже нельзя использо-
вать иначе, т. е. обычно дают тухлое мя-
со, причиняющее отравление и колики»
(стр. 211). Пользуясь кризисом, помещи-
ки снизили сельскохозяйственным рабо-
чим зарплату. В провинции Саламанка
помещики выдвинули очень низкие став-
ки для сельскохозяйственных рабочих, «в
случае же получения батраком «хозяй-
ских харчей» помещики намеревались ни-
чего не выплачивать, оценивая стоимость
питания в размере зарплаты. Более того,
низко оплачиваемым категориям было
предложено за получение еды... еще до-
плачивать 10 сентимов или отработать
лишних два часа. Другими словами, за
право работать у помещиков за голод-
ный паек батрак должен ему еще допла-
чивать или отработать...» (стр. 212). По-
ложение середняцких и бедняцких масс,
страдающих от аграрного кризиса, ка-
бальных условий аренды и налогов, все
ухудшается. Крестьяне разоряются и
пауперизируются.

Еще одна бытовая иллюстрация: «В
провинции Гренада (Андалузия) имеется
местность Гуадис. Здесь люди живут в
пещерах. Однако так как пещеры при-
надлежат помещикам, то жители вынуж-
дены платить за них арендную плату»
(стр. 223).

3

Наконец, последняя глава работы тов.
Минлоса рисует ход революционно-аграр-
ного движения. Дается сначала истори-
ческий очерк крестьянского движения в
XIX в., затем, в 1918—1920 гг. и 1930 го-
ду. Затем автор переходит к движению
после республиканского переворота 1931
года.

«Первое время после апрельского рес-
публиканского переворота 1931 г. и при-
мерно до осени 1932 г. деревня в основ-
ном еще была охвачена республиканско-
демократическими иллюзиями, верила в
аграрную реформу и ждала ее осуще-
ствления. Поэтому аграрное движение в

этот период разворачивалось относительно медленно и слабо, хотя и в это время имели место яркие выступления и крупные стачки, хотя бы в виде событий в Вильянуэва де Кордова, Вилья де Дон-Фадрике и др.

Но уже с осени 1932 г. деревня стала приступать к осуществлению принятой в сентябре 1932 г. аграрной реформы явочным революционным путем...

Наконец с осени 1933 г. ...деревня приступает к осуществлению аграрной революции, выходя далеко за рамки аграрной реформы. Это свидетельствует о том, что исчерпалась вера в аграрную реформу, и вместе с тем о том, что деревня изживает свои республиканско-демократические иллюзии» (стр. 230).

Автор очень подробно останавливается на различных формах движения: забастовки сельскохозяйственных рабочих (экономические и политические); совместные стачки солидарности сельскохозяйственных и городских рабочих; захваты помещичьих земель, урожая, скота, инвентаря, леса; поджоги помещичьих имений; вооруженные столкновения с жандармерией; забастовки арендаторов (отказ от взноса арендных платежей); «налоговые забастовки».

«Революционно-аграрное движение уже неоднократно переросло на высшую ступень — вооруженной борьбы за власть» (стр. 247).

Первые вооруженные выступления крестьян имели место кой-где осенью 1931 г. и во многих местах в январе—феврале 1932 года¹. Коммунисты участвовали в этих выступлениях.

В январе 1933 г. в Испании анархистами было поднято восстание и ими же в критический момент предано. В городах восстание было подавлено немедленно, в деревнях же волнения продолжались около недели (особенно памятно героическое восстание в деревне Касас Вьехас). Компартия, осудив выступление анархистов как путчистское, в то же время «поддержала героическую, самоотверженную борьбу рабочих, батраков и крестьян, вовлеченных в восстание анархистами» (стр. 248). Та же картина имела место во время другого вооруженного восстания, поднятого анархистами в декабре 1933 года.

Рецензируемая книга закончена автором в начале сентября 1934 года. Поэто-

¹ Странно, что автор не упоминает о нашумевших событиях в деревне Кастиль-бланко (Эстремадура), где 31 декабря 1931 г. произошло вооруженное столкновение крестьян с жандармерией.

му в ней не говорится об октябрьских боях 1934 г. и участии в этих событиях крестьянства.

Вступительная статья И. Степанова «Октябрьские бои пролетариата в Испании» восполняет этот пробел.

В дни октябрьских боев, пишет тов. Степанов, «деревня, батраки и крестьяне, за исключением Астурии, Каталонии и частично Басконии и Леона, не поддержали активно пролетариат. Основные массивы аграрной революции — Андалузия и Эстремадура — молчали.

...Батрачество и крестьянство этих провинций, более того, городской пролетариат и беднота не были мобилированы с ясной целевой революционной установкой: захват власти, решительный бой для плебейского решения аграрного вопроса, создание революционной власти на местах. Но вопрос о том, что идет борьба за захват власти, что надо добиваться захвата власти, не был поставлен не только в южных, западных, центральных и восточных провинциях Испании. Он не был поставлен ни в Мадриде, ни в Каталонии» (стр. XXVIII—XXIX). Пассивность деревни в октябрьские дни объясняется тем, что в ней еще было слабо влияние компартии, а социалисты и анархисты удерживали крестьян от выступления.

Общую оценку работы тов. Минлоса мы уже дали в начале рецензии. Нам кажется, все же, что автору следовало бы более подробно остановиться на революционном аграрном движении, а также на национально-освободительном движении угнетенных национальностей (каталонцы, баски, галисийцы), которое тесно переплетается с крестьянским движением.

В частности, недостаточно выяснен вопрос о причинах влияния реакционных партий на национальное движение басков.

Книга написана сухим языком и не лишена неряшливостей в изложении. Например на стр. 71 читаем:

«Еще в главе I указывалось на существование хронического аграрного кризиса в Испании, обусловленного всем экономическим строем страны и в первую очередь тяжелыми пережитками феодализма в ее аграрных отношениях (латифундии, отношения аренды и т. д.). С 1929 г. этот аграрный кризис, будучи тесно связанным с общим мировым аграрным кризисом, начинает переплетаться с хроническим кризисом в испанском сельском хозяйстве».

Получается, что аграрный кризис в Испании, связанный с мировым кризисом, переплетается... с самим собой.

С. ЛАПИЦКАЯ. «Быт рабочих Трехгорной мануфактуры». М. Огиз. 1935 («История заводов»). 205 стр. 4 руб.

1

Знакомство с историей Прохоровской мануфактуры, с бытом ее рабочих и их революционной борьбой заслуживает всяческого внимания. История Прохоровской мануфактуры, основанной в 1799 г., изучена автором рецензируемой книги на протяжении более чем столетнего ее существования. Читатель последовательно знакомится с условиями жизни и работы рабочих при крепостном праве, при капитализме и при советской власти.

Изложение ведется в трех направлениях.

Это, прежде всего,—описание быта рабочих, их жилищных условий, их правового положения и т. д.

Далее, описание роста и развития самой фабрики за 135 лет: как из кустарного предприятия, основанного на ручном труде, она превращалась в крупную капиталистическую фабрику, с новейшими станками и механической силой, и как она росла и развивалась в условиях Страны советов.

И, наконец, третья линия, по которой идет описание,—это история революционной борьбы прохоровских рабочих.

Наиболее полно и удачно освещена автором основная тема книги—быт прохоровских рабочих. Большинство рабочих фабрики во время крепостного права составляли крепостные крестьяне, отпускаемые помещиками на оброк. Работали они по 14—16 часов в сутки и спали там же, где и работали, на столах и станках. «Ткач, получив себе стан,—сообщается в истории Трехгорной мануфактуры, написанной по заказу самого Прохорова, — устраивал на нем себе полати, расстилал войлок и больше ни в чем не нуждался: ему и тепло, и сухо, и просторно» (стр. 16).

Питаться рабочие должны были в хозяйских «застольях», где кормили так плохо, что даже нетребовательный и бесправный крепостной нередко протестовал и к 1854 г. добился закрытия «застолен». Правовое положение рабочих под гнетом правительства, помещика и хозяина было ужасно. Согласно внутреннему распорядку, установленному хозяином, рабочий не имел права без разрешения конторы «отлучаться со двора». В праздничные дни летом рабочий обязан был являться не позже 10 часов вечера, а зимой—не позже 8 (стр. 15).

Из заработка крепостного рабочего контора фабрики производила закупки для его барина в счет уплаты оброка, в результате чего на руки рабочему часто не только ничего не приходилось, но он же оставался в неоплатном долгу у хозяина.

В более поздний период крепостничества рабочие были переведены на артельное питание и для них были устроены так называемые «спальни». Но это мало улучшило их положение: теснота, грязь, сырость были отличительными особенностями этих спален. Артельщики по столованию рабочих назначались хозяином и вели дело в его интересах, так что оно попрежнему оставалось одной из доходных статей фабрики. В книгах конторы так и записывалось (стр. 17): «Солонины привесу 23 пуд. 29 фунтов», «гречневой крупы привесу 11 четвертей». Этот «привес», т. е. обмер и обвешивание, давал хозяевам в год до 6½ тыс. рублей.

Автор подробно описывает условия жизни и работы рабочих и после падения крепостного права. Здесь автор, кроме архивного материала, вводит и воспоминания старых прохоровских рабочих. В поисках дешевого труда и еще большего усиления эксплуатации хозяева начинают широко применять женский и детский труд. К 1885 г. (стр. 49) женщины и дети, до сих пор игравшие незначительную роль, составляли уже 1/3 рабочих. В дальнейшем они для прядильного отделения составляли 80%, а для ткацкого—66%.

Женский и детский труд оплачивался, как правило, на 30—40% ниже. Женщины были более темными, более забитыми и легче поддавались влиянию религиозного дурмана, о чем непрестанно заботились хозяева, имея верных помощников в лице попов.

Рабочие, жившие в казармах в невероятной тесноте и духоте, находились все время под бдительным оком хозяина: на работе через мастеров, в спальнях через «хожалых». Последние зорко следили за каждым словом рабочего, по их указанию заполнялась «черная книга» хозяев, куда систематически заносились «подозрительные» рабочие, которые не проявляли обычной покорности и казались зараженными «вольным духом». Попасть в «черную книгу» значило получить скорый расчет с фабрики и невозможность поступить на другую фабрику.

2

Автор достаточно полно прослеживает использование хозяевами религии как орудия духовного закрепощения рабочих, а также формы воздействия на рабочих через полицию и высшую администрацию. Прохоровы усердно распространяли духовные брошюры, устраивали молебны по всяким поводам и даже име-

ли церковь специально для своих рабочих. Оплачиваемая хозяевами, полиция выполняла более «земные» и прозаические функции: во время крепостного права она розгами наказывала провинившихся рабочих, а позднее, по доносам и указаниям хозяев, арестовывала и ссылала рабочих-революционеров.

Но как ни хитроумна была сеть, которой опутывали рабочего хозяин, поп и полицейский, попытки со стороны рабочего разорвать эту сеть, улучшить свое положение начались еще при крепостном праве. Читатель с величайшим интересом проследит, как первые попытки протеста, разрозненные и выливавшиеся в форму жалоб на хозяина или просто бегства с фабрики, постепенно становятся более массовыми, организованными и классово сознательными. Жалоба начинает уходить в прошлое—стачка и предъявление требований хозяину становятся основной формой борьбы с хозяином.

Большое влияние на рабочих Прохоровской мануфактуры начинает оказывать стачечное движение на других предприятиях, в особенности Морозовская стачка 1885 года. С 1892 г. на Прохоровке появляются первые социал-демократы. В обиход классовой борьбы прохоровских рабочих входят массовки, демонстрации, празднование 1 Мая и пр. Но вместе с тем, как это ясно можно проследить по книге тов. Лапицкой, процесс классового оформления сознания рабочих проходил медленно. Не изжитая еще крестьянская психология рабочих, в большинстве своем еще связанных с деревней, наличие среди них большого количества отсталых, несознательных женщин вели к тому, что на фабрике долгое время пользовались влиянием эсеры и меньшевики, большевикам же с большим трудом приходилось шаг за шагом завербовывать рабочих на свою сторону.

Переживая ряд революционных подъемов (декабрьское восстание 1905 г., мавка 1912 г. и пр.), фабрика переживала и целый ряд провалов: в 1915 г. рабочие фабрики послали представителей в Военно-промышленный комитет, а «добросовестное оборончество» и «бессознательная доверчивость» в их среде давали себя долго знать и после Февральской революции.

3

Советскому периоду истории Прохоровки автор посвящает почти половину книги. Фабрика досталась рабочим в очень плохом состоянии, так как хозяева за период керенщины успели много напортить. Автор показывает ту обстановку, в которой рабочие под руководством большевиков восстанавливали свою фабрику: борьба с разрухой, недостаток сырья и топлива, грозивший прекраще-

нием работы, борьба с голодом, борьба на фронтах гражданской войны—все это легло на плечи прохоровских рабочих. Но, освободившись от пут капитализма и самодержавия, почувствовав себя действительно хозяевами и строителями новой жизни, рабочие Прохоровки преодолели все трудности, и после гражданской войны на фабрике закипела работа и за восстановление и расширение производства на фабрике, и за новые жилища, и за новую, культурную жизнь. В книге тов. Лапицкой вся эта разносторонняя, полная энтузиазма деятельность растущего и количественно и культурно-политически коллектива фабрики отражена очень хорошо, правдиво и понятно.

В целом книга тов. Лапицкой—хорошая и нужная книга. Автор интересно рассказывает об одном из отрядов российского пролетариата, внимательно проследив его долгий и тернистый путь борьбы за коренное переустройство всей жизни вместе со всеми трудящимися Советского союза и его славную победу.

Нашему молодому читателю, на которого книга в основном и рассчитана, она принесет большую пользу. Из нее он узнает, в каких условиях приходилось жить и бороться старшему поколению рабочих, и научится еще больше ценить завоеванную тяжелой борьбой теперешнюю возможность полного развития духовных и физических сил молодого поколения.

Горький писал: «...для миллионов крестьянской и рабочей молодежи, для ее культурно-революционного воспитания в духе коммунизма нужно рассказать ей о каторжном прошлом ее отцов». Это и делает тов. Лапицкая своей книгой, показывая вместе с тем, как вырос наш рабочий после Октября, как велики его достижения в результате правильного повседневного руководства со стороны партии и ее вождей.

Книга тов. Лапицкой имеет известный интерес и для историка рабочего движения и для руководителя кружка по истории партии: первому она дает любопытный материал из эпохи крепостного права и первоначального периода капитализма; второму—хороший иллюстрационный материал по истории рабочего движения и по истории партии.

К сожалению, книга не лишена недостатков, на исправление которых необходимо обратить внимание при переиздании.

Основной недостаток—наличие штампа и упрощенства в объяснении политических моментов, в недопустимой беглости и краткости политических характеристик.

Вот несколько примеров. На стр. 33 читаем: «Манифест (19 февраля 1861 г.) был вырван у самодержавия ростом капитализма и крестьянского революционного движения». Далее, мельком упоминается о «товарных отношениях», о росте «резервной армии труда». Это отпи-

ска, а не объяснение существа «реформы» и ее последствий. Надо было дать читателю более развернутое представление об этом, тем более, что факт падения крепостного права в самой книге служит началом перехода к описанию капиталистической фабрики.

На стр. 89 автор правильно пишет, что эсеры и меньшевики «стремились к соглашению с либеральной буржуазией и тормозили движение». Но здесь же, на стр. 91, читатель видит снимок с воззвания Московского совета депутатов с призывом «объявить всеобщую политическую стачку, стремясь перевести ее в вооруженное восстание», и неожиданно видит подпись под воззванием не только большевиков, но и меньшевиков и эсеров. Надо было бы объяснить это противоречие, рассказав читателю, что руководящая головка эсеров и меньшевиков действительно стремилась к соглашению с буржуазией, но события в стране и рядовая рабочая масса членов этих партий толкали временами влево и руководство.

Читая стр. 107, читатель может подумать, что после февраля 1917 г. у эсеров-меньшевиков вместе с лозунгом «Война до победного конца» был и лозунг «Защита империализма». Если бы это дей-

ствительно было так, то борьба большевиков с таким глупым противником была бы нередкостью легка. На самом деле они хитро и ловко прикрывались лозунгом защиты демократии и завоеваний революции.

Тут же, без всякой связи с текстом, читатель наталкивался на фразы: «Буржуазно- демократическая революция должна была перерасти в революцию социалистическую», «Лозунг «Вся власть советам» поднимал трудящиеся массы на пролетарскую революцию»—все это звучит как формальная отписка и не объясняет событий.

Недостатком книги является и то, что несколько в тени осталась производственная жизнь фабрики при советской власти. Было бы очень интересно дать читателю более яркое представление об этой стороне.

Точно так же надо было бы снабдить книгу примечаниями и объяснениями трудных слов и понятий. Это еще более приблизило бы книгу к читателю.

Книга дорога. Цена ее, думается нам, несмотря на наличие удорожающих стоимость иллюстраций (к слову сказать, неплохо исполненных) могла бы быть ниже.

**П Р И Н И М А Е Т С Я
П О Д П И С К А**

Н А 1936 Г О Д

**НА РУКОВОДЯЩИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОРГАН ИККИ**

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

18-й ГОД ИЗДАНИЯ

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ

Каждый партиец, комсомолец и беспартийный активист, желающий быть в курсе международной революционной борьбы и ориентироваться в актуальных проблемах Коминтерна, должен выписать журнал „КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ“

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

„Союзпечатью“, почтой, письмоносцами, уполномоченными по партпечати в партгруппах и издательствами политотдельских газет на транспорте.

**ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
НА 1936 ГОД:**

на 1 мес. — 1 р.
на 3 мес. — 3 р.
на 6 мес. — 6 р.
на 12 мес. — 12 р.

В РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖЕ журнал продается во всех киосках „Союзпечати“.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

СОДЕРЖАНИЕ

НА ФРОНТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

В Совнаркоме Союза ССР и ЦК ВКП(б)	3
Постановление ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР	5
И. СТАЛИН, А. ЖДАНОВ, С. КИРОВ - Замечания по поводу конспекта учебника по „Истории СССР“	6
И. СТАЛИН, А. ЖДАНОВ, С. КИРОВ —Замечания о конспекте учебника „Новой истории“	8
Н. БУХАРИН —Нужна ли нам марксистская историческая наука	10
В. БЫСТРЯНСКИЙ —Критические замечания об учебниках по истории СССР	20

К 10-ЛЕТИЮ XIV С'ЕЗДА ПАРТИИ

П. ЕФРЕМОВ —XIV с'езд партии—с'езд социалистической индустриализации страны	26
--	----

К 15-ЛЕТИЮ ФРАНЦУЗСКОЙ КОМПАРТИИ

ЖЮЛЬ РОШЕ —Коммунистическая партия Франции на боевом посту	35
---	----

ИСТОРИЯ СССР

В. БОГДАНОВ —Смоленское восстание „черных людей“ в 1440 г.	51
Е. ЗВЯГИНЦЕВ —Огненное заплаление Москвы	56

ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СССР

И. РАЗГОН - „Кубанское действо“. Разгром Кубанской рады генералом Дени иным	68
В. БАКИНСКИЙ —Бой в Челмужах. Из истории отряда т. Спиридонова	78
А. ДУБРОВИНСКАЯ —Помощь московских большевиков фронтам гражданской войны	86

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

А. МИШУЛИН —Очерк о Китае в античную эпоху	95
---	----

НОВАЯ ИСТОРИЯ

З. ЦЕЙТЛИН —Процесс Галилея	106
--	-----

БИОГРАФИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

И. БАС —Иван Васильевич БАБУШКИН	120
---	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

С. ЛИВШИЦ —Б. Минлос „Аграрный вопрос в Испании“	128
В. ЛОСЕВ —С. Лапицкая „Быт рабочих Трехгорной мануфактуры“	133

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: **Б. М. ВОЛИН** (отв. редактор), **А. М. ПАНКРАТОВА** (зам. отв. редактора), **О. С. ВЕЙЛАНД** (отв. секретарь), **С. С. БАНТКЕ, Т. М. ДУБЫНА, Ф. Б. ФРУМКИНА.**

ЗАВ. РЕДАКЦИЕЙ **В. П. ОЛЕНИЧ-ГНЕНЕНКО**

ЗАВ. ХУДОЖ. ОТД. **Ю. ЦИШЕВСКИЙ**

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-10-39. Прием в редакции от 10 до 3 дня
Уполномоченный Главлита № Б — 19835 Издательский № 186 Заказ № 179 Тираж 29850
Материал слан в набор 2/II-1936 г. Подписан к печати 21/II-1936 г. 4 1/2 бум. листа. 80 000 зн. в печатн. листе.